

1.04

МОНМАХ

№1(36) 2004

220 лет
Денису Давыдову

“Огромна наша мать Россия!
Изобилие средств ее дорогого уже стоит
многим народам, посягавшим на ее честь
и существование; но не знают они еще
всех слоев лавы, покоящихся на дне ее...

Еще Россия не подымалась во весь
исполинский рост свой,
и горе ее неприятелям,
если она когда-нибудь
подыметя!”

Д. Давыдов
“О партизанской войне”

Д. Доу. Портрет Д. Давыдова

Удмуртская область
Музей-заповедник
Ижевск

СИМБИРСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ

Жиркевич Иван Степанович

(09.05.1789 - 02.03.1848)

Родился 9 мая 1789 г. в Смоленске. Происходил из «мелкопоместных» дворян Смоленской губернии. Пяти лет от роду, маленького Ваню отвезли в далекий Санкт-Петербург, на учебу в 1-й Сухопутный шляхетский кадетский корпус. Пятнадцатилетним подростком он начал службу в Лейб-гвардии Артиллерийском батальоне в чине подпоручика. Это была славная, романтизированная эпоха — эпоха Наполеоновских войн, сотрясавших Европу. В 1805 г. в эту борьбу ввязалась Россия, и мальчишка-офицер оказался в самой гуще боевых событий.

Его судьба невольно перекликается с судьбами литературных героев. Подобно толстовскому князю Андрею Болконскому, он видел небо Аустерлица, глотал дымный воздух Бородина. Иван Степанович прошел все военные кампании, с 1805 по 1809 гг. За сражение под Аустерлицем шестнадцатилетний артиллерист получил орден Св. Анны 4-й ст. на шпаге. Его заметил и приблизил к себе, назначив адъютантом всемогущий граф А.А. Аракчеев, генерал-инспектор всей пехоты и артиллерии.

С началом Отечественной войны 1812 года Иван Степанович вновь в действующей армии. За Бородинское сражение И.С. Жиркевич удостоился ордена Св. Владимира 4-й ст. с бантом. Вместе с наступающей русской армией он гнал неприятеля по Европе. Иван Степанович продолжал военную службу до 1833 г. За четверть века безупречной службы генерал-майор был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст.

Недолго Иван Степанович наслаждался заслуженной отставкой. В ноябре 1834 г. он поступил на статскую службу в МВД. 5 марта 1835 г. действительный статский советник И.С. Жиркевич получил неожиданное известие о назначении его Симбирским губернатором.

В конце марта Иван Степанович въехал в Симбирск. *«Тут и слуха не было еще о смене прежнего губернатора и о моем назначении... Признаться, первая встреча с общественными за-*

ведениями, торьюмою и больницею не совсем меня порадовала, а рассказы о средствах к улучшению этих заведенный меня еще более огорчили».

И.С. Жиркевич управлял Симбирской губернией в 1835-1836 годах. Отставной генерал решительно взялся за дела, и даже успел получить Высочайшее благоволение за успешное взыскание податей и недоимок по губернии.

Однако не зря говорится: «жалует царь — да не жалует псарь». Дело в том, что Симбирская губерния стала полигоном для грядущей удельной реформы. Реформой, призванной улучшить систему управления и использования людских и земельных богатств, принадлежавших лично царю, руководил гофмейстер сенатор Л.А. Перовский, давно и остро недолюбивший, как он считал, аракчеевского «выкормыша».

Летом 1835 г. Л.А. Перовский прибыл в губернию с сенатской ревизией. Суровый ревизор выявил значительное количество упущений и беспорядков в деятельности различных учреждений губернии. Все грехи предшественников Л.А. Перовский «повесил» на Ивана Степановича, не успевшего, за недостатком срока службы, добраться до всех «медвежьих углов» вверен-

ного ему края. Ревизия эта сослужила великую службу русской литературе, дав пищу фантазии Н.В. Гоголя, создавшего бессмертного «Ревизора», но для карьеры И.С. Жиркевича она имела последствия печальные.

Именной Высочайший указ от 27 июля 1836 г. переместил Ивана Степановича губернатором в Витебск. Однако ему пришлось задержаться в Симбирске еще на месяц — губернский город ожидал визита императора Николая I. 22-23 августа 1836 г. император в сопровождении экс-губернатора осмотрел город и различные учреждения. *«Этот Царский осмотр, — справедливо отмечал краевед П.Л. Мартынов, — принес огромную пользу городу, так как Государь сделал много указаний к возведению новых построек, которые потом были приведены в исполнение и послужили к благоустройству и украшению города».* Государь был ласков с Иваном Степановичем — и даже, казалось, испытывал неловкость перед ним. На дворянском балу, танцуя кадрили с дочерью Жиркевича, Николаем спрашивал девушку: *«Вы, вероятно, сердитесь на меня, за то, что я перевел Вашего батюшку в Витебск?»* - *«Не смею сердиться, Государь, воля Ваша».* - *«Знаю, знаю, что там неприятно служить...».*

Иван Степанович был женат на дочери надворного советника Александре Ивановне, урожденной Лаптевой. В семье росли сын Владимир родная дочь Зинаида и приемная Александра Ивановна Нахтман — это она танцевала с императором на губернском балу в Симбирске.

И.С. Жиркевич вошел в историю русской мемуарной литературы как автор созданных в 1841-1847 гг. «Записок», опубликованных в знаменитом журнале «Русская Старина».

Скончался И.С. Жиркевич 2 марта 1848 г. от холеры в городе Полоцке Витебской губернии.

*Материал подготовили
И. Сивопляс и А. Шабалкин*

Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова

Автобиография Давыдова, написанная от третьего лица, дважды была опубликована при жизни поэта анонимно. Сам Денис Васильевич объявил ее автором генерала О.Д. Ольшевского, вместе с которым служил. Однако, судя по слогу и манере, биография принадлежит перу самого поэта-партизана.

Денис Васильевич Давыдов родился в Москве 1784 года июля 16-го дня, в год смерти Дениса Дидерота. Обстоятельство сие тем примечательно, что оба сии Денисы обратили на себя внимание земляков своих Бог знает за какие услуги на словесном поприще!

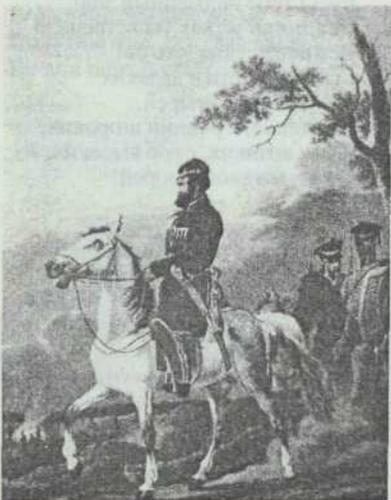
Давыдов, как все дети, с младенчества своего оказал страсть к маршированию, метанию ружьем и проч. Страсть эта получила высшее направление в 1793 году от нечаянного внимания к нему графа Александра Васильевича Суворова, который при осмотре Полтавского легкоконного полка, находившегося тогда под начальством родителя Давыдова, заметил резвого ребенка и, благословив его, сказал: Ты выиграешь три сражения! Маленький повеса бросил псалтырь, замахал саблею, выколол глаз дядьке, проткнул шлык няне и отрубил хвост борзой собаке, думая тем исполнить пророчество великого человека.

Розга обратила его к миру и к учению. Но как тогда учили! Натирали ребят наружным блеском, готовя их для удовольствий, а не для пользы общества: учили лепетать по-французски, танцевать, рисовать и музыке; тому же учился и Давыдов до тринадцатилетнего возраста. Тут пора была подумать и о будущности: он сел на коня, захлопал арапником, полетел со стаею гончих собак по мхам и болотам — и тем заключил свое воспитание.

В начале 1801 года запрягли кибитку, дали Давыдову в руки четыреста рублей ассигнациями и отправили его в Петербург на службу. Малый рост препятствовал ему вступить в Кавалергардский полк без затруднений. Наконец, привязали недоросля нашего к огромному палашу, опустили его в глубокие ботфорты и покрыли святилище поэтического его гения мукою и треугольною шляпою.

Таковым чудовищем спешит он к двоюродному брату своему А. М. Каховскому, чтобы порадовать его своею радостью; но увы, какой прием! Вместо поздравлений, вместо взаимных

с ним восторгов этот отличный человек осыпал его язвительными насмешками и упреками за вступление на службу неучем. "Что за солдат, брат Денис, — заключил он поразительный монолог свой, — что за солдат, который не надеется быть фельдмаршалом! А как тебе снести звание это, когда ты не знаешь ничего того, что необходимо знать штаб-офицеру?"

Гравюра С. Карделли Д. Давыдов

Самолюбие Давыдова было скоробно тронато, и с того времени, гонимый словами Каховского, подобно грозному призраку, он не только обратился к военным книгам, но пристрастился к ним так, что не имел уже нужды в пугалищах, чтоб заниматься чтением.

Между тем он не оставлял и беседы с музами. Он часто на нарах солдатских, на столике больного, на полу порожнего стойла, где избирал свое логовище, писал сатиры и эпиграммы, коими начал ограниченное словесное поприще свое.

В 1804 году судьба, управляющая людьми, или люди, направляющие ее ударами, принудили повесу нашего выйти в Белорусский гусарский полк, расположенный тогда в Киевской губернии, в окрестностях Звенигородки. Молодой гусарский ротмистр закрутил

усы, покачнул кивер на ухо, затянулся, натянулся и пустился плясать мазурку до упаду.

В 1806 году, быв переведен в Лейб-гусарский полк поручиком, Давыдов явился в Петербург. Вскоре заргорелась война с французами, и знаменитый князь Багратион избрал его в свои адъютанты. Давыдов поскакал в армию, прискакал в авангард, бросился в сечу, едва не попался в плен, но был спасен казаками.

Зимой 1808 года объявлена война Швеции. Давыдов является в армию, ждет обещанного приступа Свеаборгу, но, узнав о начатии переговоров для сдачи этой крепости, он спешит к Кульневу на север; следуя с ним до окрестностей Улеборга, он занимает с командою казаков остров Карлоэ и, возвращаясь к авангарду, отступает по льду Ботнического залива, до селения Пигаинок, а оттуда до Гамле-Карлеби.

В течение этой кампании Давыдов неотлучно находился при авангарде Кульнева в северной Финляндии; сопутствуя ему во время завоевания Аландских островов, он с ним представлял пикеты, наблюдал за неприятелем, разделял суровую его пищу и спал на соломе под крышею неба.

В течение лета 1809 года князь Багратион поступает на степень главнокомандующего Задунайской армиию; Давыдов находится при сем блистательном полководце во всех сражениях того года.

1810 года обстоятельства отрывают князя Багратиона от армии; граф Каменский заступает его место, и Давыдова снова приписывают к авангарду Кульнева. В поучительной школе этого неусыпного и отважного воина он кончает курс аванпостной службы, начатой в Финляндии, и познает цену спартанской жизни, необходимой для всякого, кто решился нести службу, а не играть со службою.

Начинается Отечественная война. Давыдов поступает в Ахтырский гусарский полк подполковником, командует 1-м батальоном оного до Бородина.

(Продолжение на стр. 6-7)

Венок Денису Давыдову

И.М. Языков

Д.В. Давыдову

Жизни баловень счастливый,
Два венка ты заслужил;
Знать, Суворов справедливо
Грудь тебе перекрестил!
Не ошибся он в дитяти:
Вырос ты — и полетел,
Полон всякой благодати,
Под знамена русской рати,
Горд и радостен и смел.

Грудь твою горит звездами,
Ты геройски добыл их
В жарких схватках со врагами,
В ратоборствах роковых;
Воин смлада знаменитый,
Ты еще под шведом был,
И на финские граниты
Твой скакун звучнокопытый
Блеск и топот возносил.

Жизни бурно-величавой
Подобил ты шум и труд:
Ты ходил с войной кровавой

На Дунай, на Буг и Прут;
Но тогда лишь собиралась
Прямо русская война;
Многогромная скоплялась
Вдалеке — и к нам примчалась
Разрушительно-грозна.

Чу! труба продребезжала!
Русь! тебе надменный зов!
Вспомяни ж, как ты встречала
Все нашествия врагов!
Созови из стран далеких
Ты своих богатырей,
Со степей, с равнин широких,
С рек великих, с гор высоких,
От осьми твоих морей!

Пламень в небо упирая,
Лют пожар Москвы ревет;
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь, вперед!
Громче буря истребленья,
Крепче смелый ей отпор!
Это жертвенник спасенья,
Это пламень очищенья,
Это фениксов костер!

Где же вы, незванны гости,
Сильны славою и числом?
Снег засыпал ваши кости!
Вам почетный был прием!
Упилися, еле живы,
Вы в московских теремах,
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодных пустырях!

Вы отведали русской силы
Шли в Москву: за делом шли!
Иль не стало на могилы
Вам отеческой земли?
Много в этот год кровавый,
В эту смертную борьбу,
У врагов ты отнял славы,
Ты, боец чернокудрявый,
С белым локоном на лбу!

Удальцов твоих налетом
Ты, их честь, пример и вождь,
По лесам и по болотам,
Днем и ночью, в вихрь и дождь,
Сквозь огни и дым пожара

Мчал врагам, с твоей толпой,
Вездесущ, как божья кара,
Страх нежданного удара
И нещадный, дикий бой!

Лучезарна слава эта,
И конца не будет ей;
Но такие ж многи лета
И поэзии твоей:
Не умрет твой стих могучий,
Достопамятно-живой,
Упоительный, кипучий,
И воинственно-летучий,
И разгульно-удалой.

Ныне ты на лоне мира:
И любовь и тишину
Нам поет золотая лира,
Гордо певшая войну;
И как прежде громогласен
Был ее воинский лад,
Так и ныне свеж и ясен,
Так и ныне он прекрасен,
Полный неги и прохлад.
1835

Е. А. Баратынский

Д. Давыдову

Пока с восторгом я умею
Внимать рассказу славных дел,
Любовью к чести пламенюю
И к песням муз не охладел,
Покуда русский я душою,
Забуду ль о счастливом дне,
Когда приятельскою рукою
Пожал Давыдов руку мне!
О ты, который в пыл сражений
Полки лихие бурно мчал
И гласом бранных песнопений
Сердца бесстрашных волновал!
Так, так! покуда сердце живо
И трепетать ему не лень,
В воспоминаньи горделиво
Хранить я буду оный день!
Клянусь, Давыдов благородный,
Я в том отчизною свободной,
Твоею лирой боевой
И в славный год войны народной
В народе славной бородой!
1826

В.А. Жуковский

*Из стихотворения
"Бородинская водовщия"*

...И вождей уж прежних мало:
Много в день великий пало
На земле Бородина;
Позже тех взяла война;
Те, свершив в Париже тризну
По Москве и рать в отчизну
Проводивши, от земли
К храбрым братьям отошли.
...И боец, сын Аполлонов...
Мнил он гроб Багратионов
Проводить в Бородино...
Той награды не дано:
Вмиг Давыдова не стало!
Сколько славных с ним пропало
Боевых преданий нам!
Как в нем друга жаль друзьям!..
1839

П.А. Вяземский

*К партизану-поэту
(в 1814 году)*

Анакреон под дуломаном,
Поэт, рубака, весельчак!
Ты с лирой, саблей иль стаканом
Равно не попадешь впросак.

Носи любви и Марсу дани!
Со славой крепок твой союз:
В день брани – ты любитель брани!
В день мира – ты любимец муз!

Душа, двойным огнем согрета,
В тебе не может охладеть:
На пламенной груди поэта
Георгия приятно зреть.

Воинским соблазняя примером,
Когда б Парнас давал кресты,
И Аполлона кавалером
Давно, конечно, был бы ты.

А.С. Пушкин

Денису Давыдову

Певец-гусар, ты пел биваки,
Раздолье ухарских пиров
И грозную потеху драки,
И завитки своих усов.

С веселых струн во дни покоя
Походную сдувая пыль,
Ты славил, лиру перестроя,
Любовь и мирную бутыл.

Я слушаю тебя и сердцем молодею.
Мне сладок жар твоих речей,
Печальный, снова пламенею
Воспоминаям прежних дней.

Е.Н. Шахова

К портрету Д.В. Давыдова

Привет тебе, певец и воин!
Зачем нет лавра на челе,
Когда двойного он достоин?
Поэт почил – герой в земле.
Давно кровавою заслугой
Он эти почести купил,
И, смелый, с бранною подругой
Живую музу подружил!
Недаром яркими крестами
Сияет воинская грудь.
Победоносными звездами
Усеян был героя путь!
Но торжество его в могиле,
Под сенью одного креста;
Теперь несокрушимой силе
Молитва слабого свята!
А на челе его знакомом
С победой, славой и мечтой
Слита отвага бранным громом
С глубокой сердца чистотой;
Взор этот мог в пылу сраженья,
Сиять как бранная заря,
Мгновенным взрывом вдохновенья!..
Легко, пред господом отчизны,
И горько нам, с слезой в очах
По ветеране править тризны!
1839

Я все люблю язык страстей,
Его пленительные звуки
Приятны мне, как глас друзей
Во дни печальные разлуки.
1821

Д.В. Давыдову

*При посылке истории
Пузачевского бунта*

Тебе певцу, тебе герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник мирного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир;
Но и по этой службе трудной,
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир.
Вот мой Пугач: при первом взгляде
Он виден – плут, казак прямой;
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой.
1836

Рис. Л. Нецветаева

Подав первый мысль о выгоде партизанского действия, Давыдов управляет с партией гусар и казаков (130-ю всадниками) в тыл неприятеля, в середину его обозов, команд и резервов; он действует против них сряду десять суток и, усиленный шестьюстами новых казаков, сражается несколько раз в окрестностях и под стенами Вязьмы. Он разделяет славу с графом Орловым-Денисовым, Фигнером и Сеславиным под Ляховым, разбивает трехтысячное кавалерийское депо под Копысом, рассеивает неприятеля под Бельничками и продолжает веселые и златные свои поиски до берегов Немана. Под Гродном он нападает на четырехтысячный отряд Фрейлиха, составленный из венгерцев: Давыдов — в душе гусар и любитель природного их напитка; за стуком сабель застучали стаканы и — город наш!!!

Тут фортуна обращается к нему задом. Давыдов предстает пред лицо генерала Винценгероде и поступает под его начальство. С ним пресмыкается он чрез Польшу, Силезию и вступает в Саксонию. Не стало терпения! Давыдов рванулся вперед и занял половину города Дрездена, защищаемого корпусом маршала Даву. За такую дерзость он был лишен команды и сослан в главную квартиру.

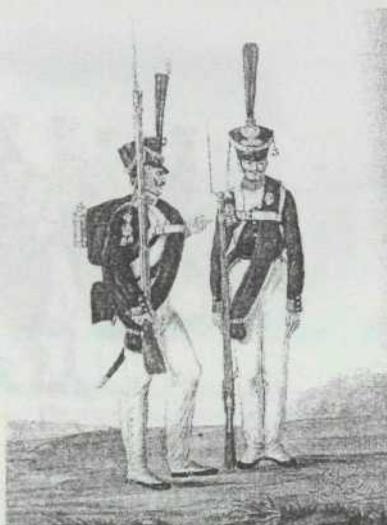
Справедливость царя-покровителя была щитом беспокровного. Давыдов снова является на похищенное у него поприще, на коем продолжает действовать до берегов Рейна.

Во Франции он командует в армии Блюхера Ахтырским гусарским полком. После Краонского сражения, в коем все генералы 2-й гусарской дивизии были убиты или ранены, он управляет двое суток всею дивизиею, а потом бригадою, составленною из гусарских полков — того же Ахтырского и Белорусского, с которыми он проходит через Париж. За отличие в сражении под Бриеном (Ларотьер) он производится в генерал-майоры.

1814 года Давыдов возвращается из Парижа в Москву, где предается исключительно поэзии и сочиняет несколько элегий.

В 1819 году он вступает в брак, а в 1821 году *бракует* себя из списков фронтальных генералов, состоящих по кавалерии. Но единственное упражнение: застегивать себе поутру и расстегивать к ночи крючки и пуговицы от глотки до пупа, наедает ему до того, что он решается на распашной образ одежды и жизни и в начале 1823 года выходит в отставку.

Со вступлением на престол императора Николая Давыдов снова

Л.И. Киль Русские гренадеры. 1813

А.О. Орловский Линейные казаки. 1820

Л.И. Киль Русский кирасир. 1816

оплечается знаками военной службы и опоясывается саблею. Персияне вторгаются в Грузию. Государь император удостоивает его избранием в действующие лица и на ту единственную пограничную черту России, которая не звучала еще под копытами коня Давыдова. Он вырывается из объятий милгоду ему семейства и спешит из Москвы в Грузию: в десять дней Давыдов за Кавказом. Еще несколько дней — и он с отрядом своим за Безобдалом, в погоне за неприятелем, отступающим от него по Бамбакской долине. Тут открывается глазам Давыдова Арарат в полном блеске, в своей снеговой одежде, с своим голубым небом и со всеми воспоминаниями о колыбели рода человеческого.

После сей экспедиции Давыдов занимается строением крепости Джелал-Оглу, которую довершает около декабря месяца. Зимой, во время бездействия, он получает от генерала Ермолова отпуск в Москву на шесть недель, но едва успевает он обнять свое семейство, как снова долг службы влечет его за кавказские пределы. Но эта поездка не приносит ему успеха прошлогоднего: на этот раз перемена климата не благоприятствует Давыдову, и недуг принуждает его удалиться к кавказским целительным водам, где, тщетно ожидая себе облегчения, он находится вынужденным уже безвозвратно отбыть в Россию.

До 1831 года он заменяет привычные ему боевые упражнения занятиями хозяйственными, живет в своей приволжской деревне, вдали от шума обеих столиц, и пользуется всеми наслаждениями мирной, уединенной и семейной жизни. Там сочиняет он: "Бородинское поле", "Душеньку", "Послание Зайцевскому" и проч.

Тяжкий для России 1831 год, близкий родственник 1812-му, снова вызывает Давыдова на поле брани. И какое русское сердце, чистое от заразы общемирного гражданства, не забило сильнее при первом известии о восстании Польши?

Давыдов скачет в Польшу, 12-го марта он находится уже в главной квартире армии, в местечке Шенице, а 22-го в Красноставе, где кочует порученный ему отряд войск, состоящий из полков: трех казачьих и Финляндского драгунского.

Сельмого июня, командуя авангардом корпуса генерала Ридигера в сражении под Лисобиками, Давыдов принимает на щит свой все удары главных сил неприятеля и не уступает ему ни шагу. Бой длится более трех часов. Генерал Ридигер, пользуясь

стойкостью пехоты Давыдова, обходит сражающихся, ударяет в тыл неприятеля и сим искусным и отважным движением обращает победу на свою сторону. За этот бой Давыдов производится в генерал-лейтенанты.

В течение августа Давыдов, продолжая командовать то различными отрядами, то всюю кавалериею корпуса генерала Ридигера, действует за Вислою между Варшавою и Краковым. Наконец, командуя в предместном укреплении на Висле при местечке Казимирже, он отбивает учиненное на него всем корпусом Ружицкого нападение, предпринятое 28-го августа, и по совершенном низложении мятежа русскою армиею возвращается в Москву, на свою родину, к своему семейству.

Давыдов немного писал, еще менее печатал; он, по обстоятельству, из числа тех поэтов, которые довольствовались рукописною или карманною славою. Карманная слава, как карманные часы, может пуститься в обращение, миновав строгость казенных осмотришков.

Общество любителей российской словесности, учрежденное при Московском университете, удостоило Давыдова избранием в число своих действительных членов, и он примкнул в нем к толпе малодействующих. Однако сочинение его "Опыт партизанского действия" и издаваемые ныне "Стихотворения" дают ему право на адрес-календарь Глазунова и на уголок в Публичной библиотеке, в сем богоугодном и странноприимном заведении, куда стекаются любовники гулливых барышен Парнаса. При всем том Давыдов не искал авторского имени, и как приобрел оное — сам того не знает. Большая часть стихов его пахнет биваком. Они были писаны на привалах, на дневках, между двух дежурств, между двух сражений, между двух войн; это пробные почерки пера, чинимого для писания рапортов начальникам, приказаний подкомандующим.

Стихи эти были завербованы в некоторые московские типографии тем же средством, как некогда вербовали разного рода бродяг в гусарские полки: за шумными трапезами, за веселыми пирами, среди буйного разгула.

Они, подобно Давыдову во всех минувших войнах, появлялись во многих журналах наездниками, по одиночке, наскоком, очертя голову; день их — был век их.

Некоторые стихотворения были исторгнуты им из покрытых уже прахом или изорванных журналов, а другие, переходя из рук в руки писцов,

более или менее грамотных, изменялись до того, что едва были узнаны самим автором.

Как бы то ни было, он обэскадронил все, что мог, из своей сволочи и представляет команду эту на суд читателя, с ее странною поестуною (allure), с ее обветшалыми ухватками, в ее одежде старомодного покроя... Будут нападки — это в порядке вещей. Но пусть вволю распояшется на этот подвиг Санкт-Петербургская и московская милиция критиков! В лета шекотливой юности Давыдова малейшее осуждение глянца салогов, фабры усов, статей коня его бросало его руку на пистолеты или на рукоять его черкесской шашки. Время это далеко! Теперь мы ручаемся, что он ко многому уже равнодушен, особенно к стихам своим. И как быть иначе? Он никогда не принадлежал ни к какому литературному цеху. Правда, он был поэтом, но поэтом не по рифмам и стопам, а по чувству; по мнению некоторых — воображением, рассказами и разговорами; по мнению других — по залету и отважности его военных действий.

Заклочим: Давыдов не нюхает с важностью табаку, не смыкает бровей в задумчивости, не сидит в углу в безмолвии. Голос его тонок, речь жива и огненна. Он представляется нам сочетателем противоположностей, редко сочетающихся. Принадлежит стареющему уже поколению и летами и службою, он свежестью чувств, веселостью характера, подвижностью телесною и ратоборством в последних войнах собратствует, как однолеток, и текущему поколению. Его благословил великий Суворов; благословение это ринуло его в боевые случайности на полное тридцатилетие; но, кочуя и сражаясь тридцать лет с людьми, посвятившими себя исключительно военному ремеслу, он в то же время занимает не последнее место в словесности между людьми, посвятившими себя исключительно словесности. Охваченный веком Наполеона, изрыгавшим всеокрушительными событиями, как Везувий лавою, он пел в пылу их. Мир и спокойствие — и о Давыдове нет слуха, его как бы нет на свете; но повеет войною — и он уже тут, торчит среди битв, как казачья пика. Снова мир — и Давыдов опять в степях своих, опять гражданин, семьянин, пахарь, ловчий, стихотворец, поклонник красоты во всех ее отраслях — в юной деве ли, в произведении художеств, в подвигах ли военном или гражданском, в словесности ли, везде слуга ее, везде раб ее, поэт ее. Вот Давыдов!

Л.И. Киль Русский гусар. 1815

Унтер-офицер Ахтырского гусарского полка. 1833

Л.И. Киль Русские егеря. 1816

В одном из томов серии "Русская старина" в 1913 году были опубликованы выдержки из писем, отправленных из армии Наполеона, из России во Францию, и не дошедших по назначению. Письма эти содержали много важных сведений, сообщаемых офицерами своим женам и близким. Из опасения, что они произведут невыгодное впечатление во Франции, их задерживали. Фрагменты этих писем красноречиво свидетельствуют об общем настроении армии.

А иллюстрациями к этим письмам выбраны образцы политической сатиры времен нашествия Наполеона. Авторами их были такие известные русские художники, как И.И. Теребнев, И.А. Иванов, А.Г. Венецианов. Эти карикатуры прославляли народный героизм, способствовали развитию любви к Отечеству.

"Никогда у нас не было такой тяжелой войны..."

Вот, что писал из Динабурга 19 сентября 1812 инженерный офицер Марион батальонному командиру Тибо в Испанию.

"Я имею честь состоять здесь, командовать инженерной частью в 10-м корпусе, но не имею у себя под командой ни одного француза, кроме капитана Бизенкура. Все прочие пруссаки или поляки. Наша большая, наша великая армия настоящее столпотворение Вавилонское, по смешению языков".

Тяжелость русского крестьянина.

Груши 7 октября 1812 года пишет своей жене о мире: "Дай нам Бог отбросить подальше русских, иметь где прокормить армию и заключить мир, который также всеми желаем, как и необходим".

Бараг д'Илье, призванный 8 июля 1812 года к командованию одной дивизией, точно предчувствует свою смерть в том же году в Берлине от болезни и от огорчения вследствие суда, которому его предали. Вот что он пишет 31 октября своей жене из Ельни:

"Все эти переходы, в погоню за главной русской армией без возможности догнать ее, только истощают войско. Не сделавши еще ни одного выстрела, солдаты наши приходят легко в страх перед казаками, которые

ведут войну на манер мамелюков: окружают войско, испуская дикие крики. Мало вероятный на близкий мир; вторая кампания неизбежна, т. к. русская армия, несмотря на свои потери, очень еще сильна".

Пять дней спустя и четыре дня перед его несчастным пленением, есть еще его письмо, от 4 ноября 1812 года, из Ельни же. Письмо это очень интересно, полно прозорливости, а конец его производит тяжелое впечатление:

"Мне пришлось сражаться ежедневно; по счастью, я не потерпел урона... Ничто не указывает на скорый мир. Русские действовали отлично, и Император спешает, чтоб спасти свой тыл и запасы, которые, как говорят, в большой опасности... Сами русские удивлены настоящей победой".

Русская пехота и французский Голландец.

Коль мало штыка такъ возьметъ приклада.

"Жизнь наша, как передового войска: спим на соломе, за два часа до рассвета, уже на ногах, частенько не слезаем с лошади по 16 часов к ряду, сапог никогда не снимаем, по ночам нас то и дело будят; питаемся скверно: без вина, все на черном ржаном хлебе, и пьем отвратительную воду. Много нужно сил, чтоб выносить все это. Меня и не

удивляет, что в армии столько болезней. Наш образ жизни и здешний климат — враги посильнее русских".

"Если б Вы только знали, как часто я о Вас думаю, как тоскую по Вас, для Вас одной я принес в жертву мои склонности, мое спокойствие, мое счастье и здоровье: ведь если б не Вы, я давно бы оставил службу, довольный, совершенно довольный моими скромными средствами. Конечно, я не упрекаю Вас в этом, т. к. считаю своим долгом приносить Вам все жертвы; в минуты, когда я делаюсь ко всему равнодушным и мною одолевают тоска и недовольство, меня поддерживает сознание, что я могу жертвовать для Вас всем. Но всему бывает конец, и я думаю достигнуть его после настоящей кампании".

Этим письмом заканчивается связка писем, захваченных почтой в Гамбурге из России во Францию.

Французские улань в преследовании русских в Губинском сражении, 1812 года.

Крестьянинъ Иванъ Далбила ~
 Пешой Мусе, не идрутъ пройдемъ здѣсь хопи жукачки да — Рускіе.

Вотъ и намъ прощайки пригдѣлись убирать да укладывать,
 ну Мусе! полно вздргивать!

Узнав, что в село Токарево пришла шайка мародеров, я созвал мир и объявил ему о мнимом прибытии большого числа наших войск на помощь уездов Юхновского и Вяземского; роздал крестьянам взятые у неприятеля ружья и патроны, уговорил их защищать свою собственность и дал наставление, как поступать с шайками мародеров, числом их превышающих. «Примите их, - говорил я им, - дружелюбно, поднесите с поклонами (ибо, не зная русского языка, поклоны они понимают лучше слов) все, что у нас есть съестного, а особенно питейного, уложите спать пьяными и, когда приметите, что они точно заснули, бросьте все на оружие их, и совершите то, что бог велел совершать с врагами христовой церкви и вашей родины. Истребив их, закопайте тела в хлеву, в лесу или в каком-нибудь непроходимом месте. Берегитесь, чтобы место, где тела зарыты, не было приметно от свежей, недавно вскопанной земли; для того набросайте на него кучу камней, бревен, золы или другого чего. Всю добычу военную, как мундиры, каски, ремни и прочее, - все жгите или зарывайте в таких же местах, как и тела французов. Эта осторожность оттого нужна, что другая шайка басурманов, верно, будет рыться в свежей земле, думая найти в ней или деньги, или ваше имущество; но, отрывши вместо того тела своих товарищей и вещи, им принадлежавшие, вас всех побьет и село сожжет. А ты, брат староста, имей надзор над всем тем, о чем я приказываю; да прикажи, чтобы на дворе у тебя всегда были готовы три или четыре парня, которые, когда завидят очень много число французов, сядились бы на лошадей и скакали бы врозь искать меня, - я приду вам на помощь».

...пред отъездом своим вошел ко мне поручик Тилинг. Он говорил мне, что казаки взяли у него часы и деньги, но что он, зная право войны, на это не в претензии, а просит только, чтобы ему возвратили кольцо им любимой женщины. Увы! и ах! — я всегда склонен был к чувствам, обуревавшим душу г. Тилинга! Сердце мое может включить в каждую кампанию свой собственный журнал, независимый от военных происшествий. Смешно сказать, но любовь и война так разделили наравне прошедшее мною поприще, что и поныне я ничем не поверяю хронологию моей жизни, как соображением эпох службы с эпохами любовных чувствований, стоящими, подобно геодезическим вехам, на пустынной моей молодости. Чувства узника моего отозвались в душе моей! Я обещал ему стараться удовлетворить его желание, и по отправлении его в Юхнов, когда возвратился разъезд, в котором были ка-

Д.В. Давыдов не только легендарный герой Отечественной войны 1812 года, но и писатель, публицист. Его военные записки вызывали восхищенные оценки современников. В.Г. Белинский писал: "Прозаические сочинения Давыдова... - перлы нашей бедной литературы: живое изложение, доступность для всех и каждого, интерес, слог его быстрый, живописный, простой и благородный, прекрасный, поэтический!"

Дневник партизанских действий 1812 года

(отрывки)

заки, взявшие его в плен, я был столько счастлив, что отыскал не только кольцо, но и портрет, волосы и письма, ему принадлежавшие, и немедленно отослал их к нему при сей записке: «Примите, государь мой, вещи, столь для вас драгоценные. Пусть они, напоминая о милом предмете, вместе с тем докажут вам, что храбрость и злополучие так же уважаемы в России, как и в других землях. Денис Давыдов, партизан».

Я уже давно слышал о варварстве Фигнера, но не мог верить, чтобы оно простиралось до убийства врагов безоружных. Но едва он узнал о моих пленных, как бросился просить меня, чтобы я позволил растерзать их каким-

то новым казакам его, которые, как говорил он, еще не натравлены. Не могу выразить, что почувствовал я при противоположности слов сих с красивыми чертами лица Фигнера и взором его — добрым и приятным! Но когда вспомнил превосходные военные дарования его, отважность, предприимчивость, деятельность — все качества, составляющие необыкновенного воина, — я с сожалением сказал ему: «Я прощаю смертоубийству, коему причина — заблуждение сердца огненного; лишняя страсть к благу общему, часто вредная, но очаровательная в великодушии своем! И пока вижу в человеке возвышенность чувств, увлекающих его на подвиги отважные, безрассудные и даже бесчеловечные, — я подаю руку сему благородному чудовищу и готов делить с ним мнение людей, хотя бы чести его приговор написан был в сердцах всего человечества! Но презираю убийцу по расчетам или по врожденной склонности к разрушению».

Кириловец!

Иногда Васъ? аль всъ ужъ! — Шайкѣ къ стамамъ
 я дала дарубить, чтобы впрядне превозмъ

ная в великодушии своем! И пока вижу в человеке возвышенность чувств, увлекающих его на подвиги отважные, безрассудные и даже бесчеловечные, — я подаю руку сему благородному чудовищу и готов делить с ним мнение людей, хотя бы чести его приговор написан был в сердцах всего человечества! Но презираю убийцу по расчетам или по врожденной склонности к разрушению».

Но франкіе шайкѣ шайкѣ превозмъ на стахъ...
 Чувства въ сердце мое отозвались в душе моей!

Каждое поколение постигает законы бытия как бы заново, притом несет унаследованное от предков. Генная цепочка непрерывна: от отца к сыну, внуку, правнуку. Эта память семьи, рода, целого народа — бесценное богатство, которое невозможно ни обменять, ни продать, ни приобрести. Как времена года, как день и ночь меняются поколения, храня память о прошлом. Не были наши предки ни глупы, ни ленивы, не отличались трусостью, не слыли изменниками. Сколько побед на славном пути их было. И все они положены на алтарь Отечества во имя будущего, во имя сыновей и внуков. Яркое доказательство тому — ратные подвиги Симбирян в период французского нашествия, вписавших одну из легендарных страниц истории Симбирского пехотного полка.

Послужить верой и правдой до последней капли крови

Готовя страну к защите от нападения самого сильного противника начала XIX века — наполеоновского войска, император Александр I в 1811 году сформировал новые воинские части, в число которых вошла и 27 пехотная дивизия под командованием генерал-майора Д.П. Неверовского, а в ее состав — Одесский, Виленский, Тарнопольский, два егерских, а также интересующий нас Симбирский полки. Дивизионным командиром по личному повелению Императора был назначен генерал Неверовский, бывший шеф Павловского Гренадерского полка. Командиром Симбирского пехотного полка стал полковник Лошкарев, командовавший до того Измайловским Лейбгвардейским полком.

В мае 1812 года дивизия выступила в поход на Западную границу — на Минск. 22 июня в районе Новогрудка она вошла в состав второй армии Багратиона, которая уже вела бои с французскими войсками.

Следуя своим принципам ведения боевых действий, Наполеон желал вбить клин между первой и второй армиями русских и поодиночке уничтожить их. Чтобы воспрепятствовать прорыву французов, дивизия Неверовского, усиленная Харьковским драгунским, двумя казачьими полками и ротой батарейной артиллерии (общей численностью около 7000 человек), была сосредоточена в районе населенного пункта г. Красный в 60 верстах от Смоленска с задачей: «...наблюдать Оршанскую, Смоленскую дороги и держаться в Красном сколь можно долее».

2 августа казаки доложили Неверовскому, что французы «валом валят» на Ляды, расположенные в непосредственной близости к Красному. Впоследствии стало известно, что это были основные силы французов: три кавалерийские корпуса общей численностью около 15000 человек и пехотный корпус численностью около 7000 человек под общим командованием Мюрата.

Неверовский, оставив в Красном батальон 49-го егерского полка и 2 орудия, с дивизией выступил за город, поставил орудия на левом фланге под прикрытием харьковских драгун, казаков сосредоточил на правом фланге. На случай отступления направил к Смоленску 50-й егерский полк с задачей занять оборону на переправе через небольшую реку.

Едва дивизия заняла боевой порядок, французы атаковали город Красный. Тучи пуль полетели на обороняющихся егерей. Опасаясь окружения, они вынуждены были отступить. В ходе этого первого сражения французы захватили два наших орудия.

Несмотря на численное превосходство конницы Мюрата, харьковские драгуны ринулись в атаку, но были опрокинуты. Наша батарея осталась без прикрытия. Французы атаковали ее и захватили пять пушек. Одновременно с харьковскими драгунами была рассеяна и легкая кавалерия — казаки, вступившие в неравную схватку с французской конницей. Таким образом, с самого начала решающего

сражения пехота Неверовского осталась без конницы и артиллерии, один на один с превосходящими силами противника. Гибель дивизии казалась неминуемой. Однако опытный генерал построил войска в каре и обратился к необстрелянным солдатам: «Ребята! Помните, чему вас учили — поступайте так, и никакая кавалерия не победит вас. Не торопитесь в пальбе; стреляйте метко в лицо неприятеля; третья шеренга передавай ружья, не суетясь; никто не смеет начинать пальбы без моей команды!». Приказание было выполнено точно.

Неприятель, опрокинув драгун и казаков, изрубив артиллеристов, мчался с двух сторон. Защищаясь от вражеской кавалерии, полковник Лошкарев построил Симбирский пехотный полк в виде каре. неподвижное, как окаменевшая скала, каре, не вникая смятению гонимых и азарту преследующих, стояло стеною безмолвно. Подпустив неприятеля на расстояние ружейного выстрела, полковой командир дал команду: «Тревога». Под барабанный бой над степью прогремел прицельный батальонный залп, поразивший вырвавшихся вперед всадников: всадники и их кони устлали своими трупами землю. Часть удальвов в главе со своим полковником по инерции домчалась до нашего каре и пала на штыки русских. Атакующие, понеся колоссальные потери, отступили.

Отразив первую, самую тяжелую, атаку, Неверовский принимает решение организовано отступить в Смоленск. Мюрат, предчувствуя легкую победу, предлагает Неверовскому сдаться.

Понимая, что придется минимум 60 верст отступать под непрекращающимися атаками превосходящих сил противника, Неверовский использовал все свои знания, опыт, особенности местности для сохранения боеспособности вверенных ему войск. В соответствии с этим вся дивизия была построена в батальные каре, маршрут движения был выбран не в ровном поле, а по дороге, по бокам которой росли вековые березы и липы. Именно деревья и были тем естественным препятствием, которое ограничивало действие вражеской кавалерии. Неравное

отступление, но не бегство, продолжалось весь световой день. На 5-й версте отступления был самый большой натиск, неприятель находился так близко, что мог переговариваться с нашими солдатами, но их мужество, придорожные деревья и рвы препятствовали французам вклиниться в русские колонны. Стойкость пехоты подавляла стремительность нападений. Мюрат непрерывно вводил в сражение свежие силы, но все было тщетно. В одном месте, где не было деревьев, обнесенная плетнем деревня едва не расстроила ряды отступающих. Неприятель прикнул к тылу русских, врезался в него, уничтожая оставшихся. С огромным трудом преодолел это препятствие, ослабевшие части Неверовского подошли к небольшой речке, за мостом которой сосредоточился высланный ранее 50-й егерский полк с двумя пушками. Полковой командир дал приказ открыть беглый неприцельный огонь из имеющихся орудий, а подчиненным приказал громко кричать, разговаривать, имитируя большое сосредоточение русских войск за рекой. Этой возможностью воспользовались только потому, что наступили сумерки, которые скрыли реальное положение дел. Неприятель, вообразив, что за мостом сосредоточены главные силы русских, прекратил свои атаки. Таким образом, благодаря предыдущему опыту российских офицеров, храбрости и мужеству нижних чинов, дивизия выстояла перед превосходящим ее противником.

Получив доклад Мюрата о захвате семи орудий русских в ходе сражения под Красным, Наполеон высказал свое неудовольствие, заявив, что «...ожидал уничтожения всей дивизии русских, а не захвата 7 орудий...».

Генерал Паскевич, докладывая генералу Михайловскому-Данилевскому об отступлении Неверовского от Красного, писал «... К стыду французов при 15000 кавалерии и одной дивизии пехоты была у них только одна батарея. Если бы они имели более артиллерии, Неверовский погиб. Не много также чести и их коннице: громада ея, какая была у Мюрата, в сорок атак не могла истребить нашей пехоты. Рассматривая ближе Наполеонову армию, безусловно везде и в России превозносимую, видим, что Генералы его не были так распорядительны, как уверяют, а кавалерия не заслуживала похвал, ей воздаваемых. Истинное преимущество Французов в походе 1812 года в немерном числе сил...».

Таким образом, благодаря стойкости и выдержке личного состава 27-й пехотной дивизии, в состав которой входил и Симбирский пехотный полк, вопреки грандиозному замыслу Наполеона, две русские армии соединились под Смоленском.

На следующий день 27 дивизия, войдя в состав армейского корпуса Раевского, обороняла Смоленск. Закаленная в недавних боях и знающая по предыдущему сражению своего противника, наша дивизия в течение дня мужественно отражала неоднократные атаки войск Мюрата. Вскоре дивизия была передислоцирована в район Раченского предместья Смоленска с задачей: прикрыть отступление основных сил Российской армии. В этом бою она сражалась против поляков - корпуса Понятовского. Дивизия была усилена артиллерией, которой лично командовал начальник артиллерии 1-й армии граф Кутайсов. Поляки предпринимали яростные атаки на стены крепости, иногда даже небольшими толпами врвались в ворота, но ни один из них не возвращался. Лишь ночью 5 августа 1812 года, когда основные силы первой и второй армий оторвались от наседающего противника, дивизия получила приказ оставить обороняемый город.

Бои под Смоленском 4-5 августа были первым крупным сражением в войне 1812 года. Багратион и его сторонники очень хотели превратить их в решающее сражение (генеральную битву). Мюрат отчаянно пытался исправить

свою ошибку, допущенную под Красным, но сила духа обороняющихся была выше. Кроме того, старая смоленская крепость, построенная еще при Борисе Годунове, смогла с честью выполнить свое предназначение и в начале XIX века. В течение двух дней французы обстреливали из артиллерии крепостные стены; применялись даже батарейные (тяжелые полевые) пушки. Но крепость выдержала. Смоленск был взят лишь тогда, когда обе русские армии отошли за Смоленск и оказались в безопасности.

За два месяца отступления русская армия отошла более чем на 800 километров. До Москвы оставалось около 150-ти. И все же Кутузов принял решение об отходе армии дальше в глубь России.

Готовясь к сражению с численно превосходящим противником, Кутузов сумел найти наиболее выгодную для русской армии позицию. Ею и оказалось Бородинское поле. Избранная позиция защищала основные дороги, ведущие к Москве.

Наполеон привел под Бородино 135 тыс. солдат и артиллерию в 587 пушек. У русских было 103 тыс. регулярных войск и 640 орудий, 7 тыс. казаков и около 10 тыс. ратников ополчения.

Правый фланг русских позиций и центр заняли войска 1-й армии Барклая де Толли. Левый фланг состоял из войск закаленной в боях 2-й армии Багратиона, в состав которой входила 27 дивизия.

Для прикрытия русских войск заблаговременно был подготовлен Шевардинский редут. В состав российских войск, обороняющих Шевардинский редут, под общим командованием князя Горчакова входила и 27 пехотная дивизия. Шевардинский редут был атакован 24 августа 1812 года. В течение дня он несколько раз переходил из рук в руки. В ходе одной из последних атак Мюрат отбросил часть русской кавалерии, а генерал Компан с пятью пехотными полками пошел на штурм редута. В ходе штурма наш полк понес большие потери, даже командир полка полковник Лошкарев был «...ранен жестоко пулею в обе щеки...». После упорного штыкового боя редут был взят французами. Поздним вечером французы с удивлением рассказывали, что русские канониры не бежали, когда атакующие ворвались в редут, а упорно сражались и были переколоты на месте. Получив донесение, что редут захвачен французами, князь Багратион направил на помощь Неверовскому 2-ю гренадерскую дивизию. В результате французы были выбиты, и с наступлением ночи сражение, казалось, закончилось. Однако русским не удалось даже передохнуть - французы начали новое наступление. Темнота сначала не позволяла различить числа наступающих французов. Тогда Неверовский приказал стрелять по стогам сена, находящимся в линии неприятельских войск. Горящие стога осветили густую колонну наступающих, желающих третий раз овладеть редут. Князь

Горчаков послал адъютанта за 2-ю кирасирскую дивизию и приказал Неверовскому остановить французов. Неверовский приказал своим солдатам ссыпать порох с оружейных полок и, приблизившись к неприятелю в совершенной тишине, внезапно ударил в штыки, в его фланг. Французы дрогнули и, опрокинутые, побежали. Подоспевшие кирасиры довершили поражение неприятеля и захватили пять орудий.

В полночь по приказу Главнокомандующего князя Кутузова русские войска оставили редут и отступили на левый фланг своих войск.

О потерях полка 24 августа свидетельствует выписка из ведомости, представленной князю Багратиону 2 октября 1812 года, где указано, что общее число потерь составило сто семьдесят девять человек.

Наполеон в течение всего 25 сентября не начинал битвы. Он приказал дать солдатам основательно отдохнуть, выдать усиленные рационы. Составлял и детализировал планы на следующий день, уточнял индивидуальные приказы маршалам и генералам. И он сам, и они, простые солдаты, постоянно поглядывали в сторону видневшегося вдаль русского расположения: не ушел ли Кутузов. Но все было неподвижно: русские войска оставались на месте. Они также готовились к решающему сражению. Перед сражением Главнокомандующий М.И. Кутузов объехал полки, воодушевляя их на предстоящее сражение. Остановившись перед Симбирским полком, он сказал: «Вам придется защищать землю родную, послужить верой и правдой до последней капли крови. Каждый полк будет употреблен в деле. Надеюсь на вас. Бог нам поможет. Отслужите молебен».

На рассвете, когда солнце только начинало всходить над линией горизонта, Наполеон весело воскликнул: «Вот солнце Аустерлица!» И это настроение длилось все утро. Солнце едва встало, как Наполеон дал приказ двинуться на русских, и вице-король Италии Евгений Богарне со своим корпусом бросился согласно диспозиции на деревню Бородино - правый фланг русских. Даву, Ней, Мюрат один за другим устремились со своими корпусами - на Багратионовы флеши у села Семеновского, в центре. Раздался такой оглушительный и уже не прекращающийся грохот артиллерии с обеих сторон, что даже люди, побывавшие под Эйлау и под Ваграмом, ничего подобного не слышали. Казалось, русских постепенно и неуклонно начинают выбивать из своих позиций. Но и в эти часы первого, мощного натиска французов, в ставку Наполеона начали поступать тревожные известия. Уже утром ему доложили, что один из лучших генералов Прозолон ворвался со своим полком в деревню Бородино, выбил оттуда русских, понеся огромные потери.

Не успел император отдать новые приказания, как ему доложили, что маршал Ней ворвался с тремя дивизиями в Семеновские флеши и хотя удерживает их, но русские не перестают яростно атаковать. Новый адъютант принес известие, что дивизия Неверовского выбила Нея. Спустя некоторое время Ней восстановил положение, но князь Багратион продолжал на этом участке отчаяннейшую борьбу. Одна из важнейших флешей, взятая было французами, подверглась яростной штыковой атаке, причем французы были выбиты с огромными потерями. Мюрат в конце концов отбил эту флешь с еще большими потерями.

Наконец, французские маршалы, с трудом сдерживая натиск русских войск, отправили адъютантов к Наполеону просить подкрепления. Наполеон направил им на помощь только одну свежую дивизию (больше дать он не мог - берег резервы).

Страшный бой против Багратиона, где стояли остатки Симбирского полка дивизии Неверовского, завязался из-за Семеновских флешей. В течение нескольких часов флешей много раз переходили из рук в руки. На этом участке гремело с обеих сторон более 700 орудий. И русские, и французы вступали здесь неоднократно в рукопашный бой, и сцепившаяся масса обстреливалась иногда картечью без разбора, так как не успевали вовремя уточнить обстановку. В ходе этого ужасного сражения был смертельно ранен князь Багратион; генерал Неверовский, контуженный ядром, не покинул поля боя, продолжая воодушевлять подчиненных на защиту Семеновских флешей.

День склонялся к вечеру, когда Наполеон узнал важные вести: князь Багратион тяжело ранен, оба Тучковы убиты, корпус Раевского почти истреблен, русские, отчаянно обороняясь, отходят, наконец, от Семеновского.

Уже совсем стемнело, когда по медленно отступавшим русским войскам начали палить около 300 выдвинутых французских орудий. Но ожидаемого окончательного эффекта это не произвело: солдаты падали, а бегства не было. Русские отходили, но отстреливались. Так застала ночь обе стороны.

От Симбирского полка, вступившего в свой первый бой 2 августа 1812 года под г. Красным, после Бородинского сражения в строю осталось лишь 132 человека. Когда как изначально в нем числилось более тысячи.

Когда Кутузову ночью представили первые подсчеты, и он понял, что половина русской армии истреблена, в этот день, 26 августа он принял окончательное решение о спасении другой половины армии и сдаче Москвы без нового сражения.

За мужество и храбрость, проявленные в боях в августе 1812 года, руководящий состав полка и нижние чины были награждены командованием. Об этом свидетельствуют наградные документы.

«Господину генерал-лейтенанту и кавалеру Неверовскому по повелению Его Светлости честь имею препроводить Вашему превосходительству знаки отличия Военного Ордена по дошедшим к Его Светлости представлениям следующие воинские части за отличие в сражениях 24-го, 26-го августа 1812-го, а именно: полкам пехотным Одесскому, Тарнопольскому, Виленскому по девяти; Симбирскому, егерским 49-му и 50-му по десяти знаков...»

О получении знаков прошу меня уведомить, кому под которым номером будут выданы знаки. Об оных чинах прикажите немедленно отправить списки Военного Министерства в Инспекторский Департамент».

После Бородинского сражения Симбирский полк участвовал практически во всех кампаниях 1812-1814 годов. За эти кампании полк получил боевые награды: «Гренадерский бой» и знаки на кивера с надписью «За отличие». В 1914 году наш полк участвовал в Брусиловском прорыве. Но это уже другая история.

*Юрий Украинцев
рис. А. Кузнецова*

Многие симбиряне вписали свои имена в славную летопись Отечественной войны 1812 года. Имена И.С. Аржевитинова, П.Н. Ивашева, П.А. Кикина, П.И. Юрлова, симбирских губернаторов А.М. Загряжского и И.С. Жиркевича широко известны. Но архивные документы продолжают раскрывать свои тайны. Краевед Иван Сивопляс открыл для жителей нашего города по прошествии почти 200 лет с окончания войны новые имена симбирян - защитников Отечества.

Славные воины Симбирска

ИСКАКОВ Кармалей Моисеев

Происходил из татар Симбирской губернии. В 1810 году взят рядовым на действительную воинскую службу. Участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии в 1813-1814 годах. Воевал с персами на Кавказе в 1826-1828 годах. Будучи мусульманином, удостоился знака отличия военного ордена Св. Георгия – «георгиевского креста»: свидетельство исключительных ратных заслуг, нехристиане награждались «крестом» очень редко. За все войны имел медали. В 1827 году Кармалей Исаков получил чин подпоручика, после Русско-персидской войны вышел в отставку поручиком, заслужив для себя и четырех своих сыновей право на потомственное дворянство.

КОРБЕЛЕЦКИЙ Федор Иванович

Писатель, автор изданного в 1813 году «Краткого повествования о вторжении французов в Москву», «Оды в честь победоносного российского воинства, по получении известия о бегстве из Москвы Наполеона», чиновник Министерства финансов. В 1820-е годы Ф.И. Корбелецкий жил и работал в Симбирске.

В августе 1812 года министр финансов граф Д.А. Гурьев командировал Федора Ивановича в Калугу «для содействия в предохранении государственной суммы, до полумиллиона рублей в медной монете». По пути к Москве обоз с деньгами захватили французы.

«Судьба обрекла меня ...при исполнении особого казенного поручения ...на меня возложенного, впасть в руки французов...и быть у них в плену Московском, где истия я, в три недели, полную чашу бедствий», - писал Федор Иванович в своем прошении из Симбирска, к министру юстиции князю А.А. Долгорукому, в 1829 году. В качестве переводчика, ученый пленник оказался в свите императора Наполеона. Скоро ему удалось освободиться. Лесами и болотами, Федор Иванович вышел к своим. Переводчика Наполеона сразу отправили в Санкт-Петербург – информация, которой он обладал, могла иметь большое значение для русской армии.

В феврале 1814 года, когда русские войска уже вступали во французские пределы, Федор Иванович предложил оригинальную помощь «для истребления от лица земли ненавистного всему роду человеческого властелина Франции». Он послал атаману М.И. Платову 50 собственноручно нарисованных портретов Наполеона - для задания казачьим разъездам, чтобы отважные конники могли опознать коварного врага!

НЕМЯТОВ Владимир Андреевич

Симбирский дворянин, офицер Уфимского пехотного полка. За участие в Бородинском сражении 25-летний подполковник В.А. Немятов первый был удостоен ордена Св. Анны 4-й степени. «Вы по служению вашему ...поступали храбро и ободряли подчиненных к опрокидыванию неприятеля итыками», - значилось в наградном указе.

Участвовал в заграничных походах русской армии, в знаменитой Битве народов под Лейпцигом.

«...Ядра неприятельские часто нас посещали, но мы мало потерпели урона. ...Простояв несколько времени в квартирах, ...успели прибыть к окончательному сражению при Лейпциге, где все соединенные армии сражались храбро под командой нашего императора. Неприятель совершенно побежденный принужден был ретироваться к своим границам. Шли спокойно по дороге к Парижу, проходя прекрасные города, жители коих старались изыскать все средства к уважению воинов, с нашей же стороны строгая дисциплина заставляла более их быть приверженных к нам...», - писал Владимир Андреевич из-за границы в марте 1814 года.

ФОН-РУММЕЛЬ Андрей Христофорович

(Гейнрих Христоф) – родился в 1792 году. В семнадцать лет, из прусской армии, перешел на русскую военную службу. В чине подпоручика Виленского пехотного полка участвовал в первых крупных сражениях 1812 года – 15 июля при городе Витебске, 5-6 августа при Смоленске, 7 августа при селе Гелеонове. За отличие в последнем сражении произведен в поручики.

С 1813 года А.Х. фон-Руммель принимал участие в заграничных походах русской армии. За участие в сражении при Бауцене, 8-9 мая 1813 года, был награжден орденом Св. Анны 4-й степени. Андрей Христофорович участвовал в «блокадах» французских гарнизонов, занимавших немецкие города и крепости Глогау, Земенштейн, Дрезден, Румбург, Гамбург, в походе на Францию в 1815 году, во время «ста дней» Наполеона.

С 1826 по 1859 год А.Х. фон-Руммель командовал Симбирским батальоном военных кантонистов – специальной частью, созданной для подготовки к воинской службе солдатских детей. Добился того, что Симбирский батальон считался среди лучших в Российской империи.

В 1840 году Андрей Христофорович был удостоен ордена Св. Георгия 4-й степени. Вышел в отставку генерал-майором. После отставки продолжал жить в Симбирске, род фон-Руммель был внесен в родословные дворянские книги Симбирской губернии.

СЕМЕНОВ Никифор Семенович

Происходил из помещичьих крестьян села Мазы Сенгилеевского уезда. Отечественную войну 1812 года 19-летний Никифор встретил рядовым Киевского гренадерского полка. Принял личное участие почти во всех больших сражениях кампании – 4 и 5 августа при Смоленске, 24 и 25 августа при Бородине, 6 октября при Тарутине, 12 октября при городе Малом Ярославце, 4 и 5 ноября при Красном. Участник заграничных походов, сражений 20 апреля 1813 года при Люцене, при Бауцене. Сражался у стен Парижа 8 марта 1814 года, в числе первых вступил в поверженную французскую столицу 12 марта. Был награжден серебряными медалями в память Отечественной войны 1812 года и за взятие Парижа (ордена солдатам, тем более из мужицкого звания, тогда не полагались). После 28-летней воинской службы Н.С. Семенов вышел в отставку, получив по заслугам офицерский чин прапорщика.

...Войски сии заслуживают особенного уважения

12 июня 1812 года войска Наполеона вступили в пределы России. Вскоре стало понятно, что сил регулярной армии не хватит для сражения с французами. 6 июля было подписано воззвание, в котором государь объявлял о своем намерении «для надлежащей обороны собрать новые внутренние силы». Император обратился к русскому народу с высочайшим Манифестом: «Неприятель вступил в пределы наши и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силами и соблазнами потрясти спокойствие великой державы... Сего ради, при всей твердой надежде на храброе наше воинство, полагаем мы... собрать внутри государства новые силы, которые составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей и каждого и всех».

Симбирский гражданский губернатор князь Алексей Алексеевич Долгорукий доносил, что манифест им был получен с нарочным курьером 24 июля. Немедленно в Губернское правление были приглашены на общее присутствие председатели всех палат, и было принято постановление о создании Симбирского ополчения. Положено было произвести сбор Симбирского ополчения в течение месяца «уравнительно с коренных крестьян и мещан по одному со ста душ». По приблизительному подсчету планировалось собрать 6 000 человек. Из Симбирского внутреннего батальона командировать 50 инструкторов. Между тем московские дворяне выделяли 10 ополченцев на каждое сто душ крепостных. Император всячески поддерживал эту инициати-

ву и приветствовал те территории, где увеличивали сбор ополченцев. В Симбирской губернии на собрании 10 августа было решено собрать ополчение не по одному, а по три человека со ста душ. В итоге получилось со всей Симбирской губернии 9 309 ратников. Их необходимо было снабдить провиантом на три месяца и одеждой по примеру Московского ополчения: «кафтаны серые из крестьянского сукна, таковой ширины дабы можно

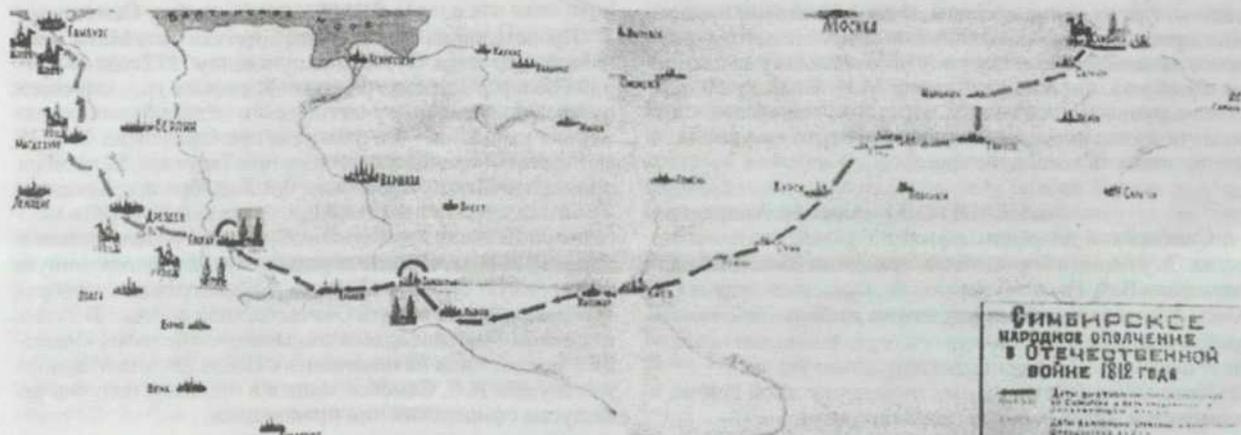

Симбирский обер-офицер

было надевать вниз овчинный полушубок, а сверх того шаровары такого же сукна, рубашки русские с косым воротником, платок на шею, фуражку на голову суконную, какая от начальника назначена будет, двое сапог просторных, чтобы можно в зимнее время обертывать ноги в суконные онучи, длина кафтана по колено, ку-

шак какой кто может, каждый человек должен иметь ранец кожаный или телячий, конные же казаки имеют вместо ранцев чемоданы и мешки для овса...». Цвет обмундирования ополченцев выбирался в соответствии с цветами герба губернии, поставлявшей ратников, чтобы издалека можно было установить их принадлежность. Начальником Симбирского ополчения был избран из числа дворян действительный статский советник князь Дмитрий Васильевич Тенишев. Полковыми начальниками были назначены генерал-майор князь Оболенский, полковник Самойлов, капитан Топорнин, капитан флота Филатов и штаб-ротмистр Третьяков.

По Всемиловейшему манифесту от 18 июля Симбирская губерния вместе с Казанской, Нижегородской, Пензенской, Костромской и Вятской должна была составить 3-й округ ополчения. Начальником этого округа был назначен генерал-лейтенант граф Петр Александрович Толстой. В письме к Александру I он докладывал, что из всех губерний Поволжья хуже всех сбор ополчения прошел в Симбирской губернии: на сборные пункты явилось 5236 человек. Крупные землевладельцы противились выделению крестьян в народное ополчение. И вместо четырех пехотных полков симбирские дворяне сформировали только три и один конный по плану. Из-за пассивности дворян к весне 1813 года сбор новых ратников еще не был закончен. Известны случаи, когда помещики отправляли старых и больных крестьян в ополчение, а здоровых работников оставляли у себя.

В начале октября граф Толстой получил указ выходить по направлению Нижний Новгород - Муром - Рязань - Орел - Малороссия с целью прикрыть этот изобильный край, если Наполеон пожелает захватить его. А 26 октября в день именин своего главнокомандующего князя Дмитрия Васильевича Тенишева ополчение двинулось из Симбирска в Малороссию. В состав ополчения вошли 12 батальонов численностью в 7 800 человек при 192 лошадях и 1 конный полк.

До конца 1812 года симбирянам сражаться не пришлось, но в следующем, они храбро дрались за границей и покрыли себя неувядаемой славой. В сентябре 1813 года три пехотных полка Симбирского ополчения и три полка Костромского ополчения блокировали город Глогау. Этот город на левом берегу Эльбы, похожий на средневековые крепости, был окружен высокими каменными стенами, имел бастионы с сильной артиллерией, 10 000-ный гарнизон. Французы считали Глогау неприступным. Началась осада города. Шесть пехотинцев из Симбирска были взяты в плен. Комендант крепости Глогау интересовала информация об осаждавших. Были ли это регулярные войска русских или непьющие ополченцы. Но во время допросов пленники не развеяли сомнения французов. Кольцо блокады сжималось. Добровольцы (солдаты и офицеры 3-го Симбирского полка) решили пробраться к батареем, захватили их и начали бомбить гарнизон крепости. Неся огромные потери, гарнизон Глогау несколько раз предпринимал попытки вырваться, но все они оканчивались неудачей. Пришедшие на помощь части из Дрезденского гарнизона также потерпели поражение. Симбирское ополчение заставило их капитулировать 31 октября 1813 года. В плену оказались два маршала, тридцать два генерала, 35 000 солдат и офицеров.

В 1813 году конный симбирский полк участвовал во взятии Гамбурга и Глогау. Осада Глогау продолжалась до апреля 1814 года. Солдаты сильнейшей военной державы бросили оружие к ногам не регулярной армии России, а простых крестьян. После взятия городов осенью 1814 года начался роспуск бывшего народного ополчения, но большинство солдат симбирского ополчения добровольно вступили в регулярную русскую армию и дошли до Парижа. Остальные возвратились домой, к помещикам, которым они принадлежали.

Юрий Украинцев

Симбирский ополченец в 1812 году

Пешие ополченцы

Конный ополченец

Денис Давыдов

Песня старого гусара

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутельники седые?

Деды, помню вас и я,
Испивающих ковшами
И сидящих вокруг огня
С красно-сизыми носами!

На затылке кивера,
Доломаны до колена,
Сабли, ташки у бедра,
И диваном – кипа сена.

Трубки черные в зубах;
Все безмолвны, дым гуляет
На закрученных висках
И усы перебегает.

Ни полслова... Дым столбом...
Ни полслова... Все мертвецки
Пьют и, преклонясь челом,
Засыпают молодецки.

Но едва проглянет день,
Каждый по полю порхает;
Кивер зверски набекрень,
Ментик с вихрями играет.

Конь кипит под седоком,
Сабля свищет, враг валится...
Бой умолк, и вечером
Снова ковшик шевелится.

А теперь что вижу? – Страх!
И гусары в модном свете,
В вицмундирах, в башмаках,
Вальсируют на паркетге!

Говорят умней они...
Но что слышим от любовова?
Жомини да Жомини!
А об водке – ни полслова!

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутельники седые?

1817

Симбирские страницы жизни Дениса Давыдова

Фрагмент новой документальной повести Жореса Трофимова рассказывает о симбирском периоде жизни Дениса Давыдова. Здесь же описываются его частые визиты в Москву, Петербург, Саратов и Пензу, где у поэта-партизана было много друзей, с которыми его связывало военное прошлое, литературная и общественная деятельность.

Весной 1820-го года, находясь в долгосрочном отпуске, Денис Васильевич выбрался в Верхнюю Мазу, находившуюся под управлением тещи Елизаветы Васильевны Чирковой. Здесь, в раздолбном степном краю, он вволю поохотился и выкроил время для отделки рукописи книги «Опыт теории партизанского движения», которая вышла в свет в сентябре 1821 года.

В следующее время Д.В. Давыдову пришлось служить на Украине, сражаться с персидскими войсками, вторгшимися на Кавказ, затем там же лечиться от изнурительной лихорадки и ревматических болей на минеральных водах. Только в 1827 году он смог снова побывать в Поволжье. Погода на сей раз оказалась не вполне благоприятной для охоты. По возвращении в свое подмосковное имение Мышецкое в письме к приятелю Н.И. Похвистневу Денис Васильевич сообщал: «Я недавно возвратился из Симбирска и еще не могу отдохнуть от проклятых дорог... Приезжай в мое Мышецкое. Теперь осень; мы с тобой погуляем за зайцами и даже за медведями, кои около меня более, нежели зайцев».

В следующем 1828 году Россия объявила войну Турции. Денис Давыдов хотел было проситься в действую-

щую армию, но, почувствовав, что в Петербурге к нему как родственнику опального полковника А.П. Ермолова относятся по-прежнему настороженно, остался дома.

«Я перестал уже ожидать вызова себя в армию, - сетовал он в письме от 20 июля 1828 года к князю-поэту П.Вяземскому, - вижу, что и без седых усов дела идут... Я теперь пустился в записки свои военные, пишу, пишу и пишу. Не дозволяют драться, я принялся описывать, как дрались».

С таким деловым настроением Денис Васильевич вместе с Софьей Николаевной, сыновьями Василием, Николаем, Денисом, Ахиллом и дочерьми Софьей, Юлией и Екатериной летом 1829 года переезжает в село Верхняя Маза. Отсюда он совершает вылазки и на охоту, и в Заповольжье - Бугульминский и Бузулукский уезды - для осмотра недвижимого имущества жены. А глубокой осенью он выбрался в Саратов, где губернаторствовал ветеран Отечественной войны князь А.Б. Голицын. Тесные отношения между ними сложились в ту горестную пору, когда князь Петр Иванович Багратион, тяжело раненный в Бородинском сражении, лечился в имении Голицыных - деревне Симы Владимирской губернии, а после кончины, наступив-

шей 12 сентября 1812 года, был похоронен в склепе местной церкви.

В честь приезда прославленного поэта-партизана в Саратов губернатор и его супруга устроили торжественный прием, на который были приглашены ветераны последних войн. Среди губернаторских гостей внимание Давыдова привлек отставной штабс-капитан артиллерии Афанасий Алексеевич Столыпин, удостоившийся за Бородино золотой шпаги с надписью «За храбрость». Это был родной брат Александра Столыпина - бывшего адъютанта Суворова (рассказы веселого и остроумного Афанасия Столыпина, любимого брата родной бабушки Лермонтова, сыграли немалую роль в написании Михаилом Юрьевичем знаменитого стихотворения «Бородинское поле»). Саратовские встречи Давыдова с Голицыным и Столыпиным воодушевили его на создание исторической элегии «Бородинское поле». Яркое воспоминание героического прошлого, которое олицетворяли имена Багратиона, Раевского и Ермолова, он упомянул и о себе, «питомце» прославленных полководцев. Узнав от Афанасия Столыпина о его предстоящем бракосочетании с девицей Марией Устиновой, Денис Васильевич дал слово приехать на свадьбу.

Неожиданные последствия для Дениса Васильевича имело другое знакомство в доме Голицыных - с молодой супругой отставного подполковника-гусара Софьей Александровной Кушкиной. Эта веселая миловидная женщина незадолго до этого обратила на себя внимание князя Петра Вяземского. Что касается нашего поэта, то он впервые после своей женитьбы был настолько поражен красотой другой женщины, что по возвращении в Верхнюю Мазу посвятил ей несколько стихотворений. Посылая 29 декабря 1829 года эти лирические новинки В.А. Жуковскому, он подчеркнул: «Позволяю тебе отдать Дельвигу «Бородинское поле», но другие стихи прошу никак и не под каким видом не отдавать в печать... Вяземский видел эту красоту (Куш-

А. Андреев. Панорама Мазы.

кину – Ж.Т.) и также покадил ей... Ты – поэт, следовательно, знаешь, что можно восхищаться красотой и петь ее без малейшего чувства любви».

Затем, словно оправдываясь перед Жуковским за занятия поэзией, Денис Васильевич признался, что во время службы в армии чурался стихотворчества из-за предрассудка в «деловых людях» (то есть у начальства), будто бы поэт «ни к чему не способен». «Зато распоясавшись и повесив шапку мою на стене, с каким удовольствием обратился я к этому благородному занятию... Сверх того, я занимаюсь и прозой, пишу записки мои. 1812 год уже кончил – теперь кончаю и усовершенствую «Опыт партизанского действия» (труд этот уже дважды выходил в Москве. – Ж.Т.) и другие военные записки. Потом жена и мальчишки мои меня забавляют. Потом ездю на охоту, травлю волков, лисиц да зайцев, и Бог с нею, военной славы, которой звуки немеют у моего огорода!»

Отвечая в канун 1830 года на письмо П. Вяземского, выразившего радость, что в нем «червь поэзии опять распоясался», Денис Васильевич признался: «Мне необходима поэзия, хотя без рифм и без стоп, она величественна на поле сражения, – изгнали меня отсюда, так пригнали к красоте женской, к воспоминаниям эпических наших войн, опасностей, славы, к злобе на гонителей с поля битв на пашню. От всего этого сердце бьется сильнее, кровь течет быстрее, воображение восплаляется – и я опять поэт!»

В середине января 1830 года Давыдов едет в Саратов и участвует в свадебном торжестве Афанасия Столыпина, которое у этого радушного хлебосола и театрального мецената прошло с небывалым размахом. Вполне вероятно, что среди родственников, прибывших из Симбирска и Пензы, была и сестра жениха Елизавета Алексеевна Арсеньева (урожденная Столыпина) вместе с 15-летним внуком Михаилом Лермонтовым.

Весной в Верхнюю Мазу пришло письмо давнего знакомого поэта – Алексея Николаевича Бахметева с рассказом о новостях литературной жизни Москвы и с приглашением погостить у него летом. Денис Васильевич в ответном письме от 14 апреля, повествуя о своей жизни в глуши, подчеркнул, что подписался на множество журналов: «Хочется знать, что в мире делается. Из французских я получаю «Клуб» и «Журнал дебатов», а остальные русские, чему более я рад, что подписался на журнал литературный, издаваемый Дельвигом, в коем

Остафьево. Имение П. Вяземского. Акварель Ж. Вивьена. 1817

Василий Андреевич Жуковский

Пушкин один из главных редакторов, такого журнала у нас еще не бывало... Он истинный путеводитель будущей нашей литературы. Я не могу довольно его начитать... На днях я получил 8-ю часть «Онегина», моего любимого сочинения из всех пушкинских сочинений...».

Приближение к Саратову холеры, начавшейся в Астрахани, круто изме-

нило жизнь Дениса Васильевича.

В августе из Верхней Мазы с семьей и домочадцами он переезжает в подмосковное Мышецкое. Но уже через месяц и в столице из-за холеры было введено осадное положение. В каждом из 20 участков города вводилась должность санитарного надзирателя, наделенного правами принимать пожертвования, открывать больницы, карантинные бараки, бани, караульные помещения, пункты питания. Поэт-партизан (с одобрения губернатора князя Д.В. Голицына и министра внутренних дел А.А. Закревского) 14 октября 1830 года возглавил самый трудный 20 участок, пересекаемый трактом на Петербург. Штаб свой Денис Васильевич расположил в Черной Грязи, а в семи верстах от него в сельце Мышецком находилось все его семейство. При этом он не искал никакой другой награды, кроме одобрения собственной совести. Редактор «Ведомостей о состоянии г. Москвы» М.П. Погодин отмечал, что 20-й участок, «надзираемый генерал-майором Д.В. Давыдовым, является лучшим и образцовым, с коего всем прочим смотрителям надо брать пример».

С наступлением зимних холодов эпидемия в Москве пошла на убыль. 6 декабря карантин был отменен, въезд в город стал свободным. Перевез сюда, в дом, снятый около Зубовской площади, свою семью и Денис Васильевич. В эти же дни прискакал в Москву из Болдина истосковавшийся по невесте Александр Пушкин.

Последний раз Давыдов и Пушкин виделись здесь же, в Москве, в апреле 1829 года, и встреча оставила приятные воспоминания: Александр Сергеевич не только хвалил последние стихи Дениса Васильевича, но и припомнил, что в молодости под влияни-

Петр Андреевич Вяземский

ем давидовской поэзии стал сам писать «круче». На исходе 1830 года Денис Васильевич познакомил Пушкина с только что законченной прозаической новинкой – «Замечаниями на некрологию Н.Н. Раевского».

Некролог о герое Отечественной войны полководце суворовской школы Николае Николаевиче Раевском, скончавшемся 16 сентября 1829 года, был написан его зятем генералом М.Ф. Орловым со знанием дела. Однако Денис Давыдов, отдав должное этому «прекрасному произведению», нашел в жизнеописании Раевского существенный недостаток: «Мы ищем верного друга, мужа твердого в бедствиях жизни, равнодушного к почестям и высокому сану... и видим в некрологии одного храброго и искусного генерала».

Прекрасно зная Н.Н. Раевского как гражданина и примерного семьянина, Денис Васильевич долгом своим счел перечислить добродетели любимого полководца: сильный характер, просвещенный и проницательный ум, скромность в быту, снисходительность к слабостям других и строгость к своим собственным, «равное и одинаковое обхождение с лицами как высших, так и низших степеней общественной иерархии». Дополнения и замечания Давыдова к «Некрологии» оказались настолько важными, что А. Пушкин в письме от 2 января 1831 года к П. Вяземскому с удовлетворением сообщил, что написанное Давыдовым похвальное слово Раевскому так красноречиво, что «мы советуем написать ему «Жизнь» его». Спустя два дня Пушкин и Давыдов, прихватив общих приятелей – Николая Муханова и Николая Трубецкого, нагрянули в гости к Вяземскому. Сюда же, в Остафьево, примчался старый армейский друг Дениса Васильевича князь Борис Четвертинский. В числе прочих новостей, друзья обсуждали и воззвание Николая I к восставшей Польше. Давыдов все еще числился по кавалерии и готов был отбыть в распоряжение Главного штаба Российской армии. Пока же этот вопрос решался начальством, Денис Васильевич, в числе ближайших друзей Пушкина, был гостем «мальчишника», на котором Александр Сергеевич прощался с холостяцкой жизнью. Здесь были: П. Нащокин, П. Вяземский, Е. Баратынский, И. Киреевский и Н. Языков – сосед по симбирскому имению, перед поэтическим талантом которого он преклонялся. В свою очередь, Н. Языков, сообщая родным в Симбирск об участии в пушкинском

«мальчишнике», отозвался о Денисе Васильевиче как о человеке «чрезвычайно достойном и любопытном во всех отношениях».

Две недели спустя Денис Давыдов, получив отряд, состоящий из казаков и драгун, уже совершал рейды в порученном ему районе Польши, принял на себя главный удар в сражении под Лисобками, затем командовал кавалерией корпуса, действовавшего между Варшавой и Краковом. В конце августа 1831 года, когда обстановка в Польше стала менее напряженной, он, уже в чине генерал-лейтенанта, возвращается к семье в Москву и заверяет друзей, что на этом заканчивает армейскую службу. Жуковский в связи с этим пожелал иметь

Евгений Абрамович Баратынский

на память «левый ус» поэта-гусара, как ближайший к сердцу. Денис Васильевич выслал эту «боевую вывеску» в письме от 26 ноября 1831 года с приложением «послужного списка уса Давыдова».

В Москве возобновились его встречи с Н. Языковым, который 29 декабря 1831 года сообщил родным в Симбирск: «Важная новость. Д. Давыдов написал биографию Суворова, и мы ее прочтем еще в рукописи, должна быть отлично хороша, он знает военное дело, любит Суворова, сам герой и перо у него огненное».

Весной 1832 года оба поэта оказались в Симбирском крае. Денис Васильевич из Верхней Мазы спешит поделиться этой новостью с П. Вяземским: «Скоро моим соседом будет Языков. Он и теперь в своей деревне (Языкове. – Ж.Т.) за 150 верст отсюда. А на днях, как меня уверяли, переедет на некоторое время к сестре своей, которая за Бестужевым, живущим от меня в 18 верстах».

Н. Языков действительно будет

наведываться в село Репьевка к сестре Прасковье и ее мужу Петру Александровичу Бестужеву. Но ряд обстоятельств помешали друзьям-поэтам встретиться в то время в Репьевке или в Верхней Мазе.

Денис Давыдов, издавший в 1832 году в Москве первый сборник «Стихотворений», с увлечением работал над большой серией военно-исторических записок («Встреча с великим Суворовым», «Встреча с фельдмаршалом графом Каменским», «Урок сорванцу» и др.), которые за глубокое знание дела, живую и острую форму Виссарион Белинский назовет «перлами» нашей литературы. Все творения поэта-партизана, появлявшиеся в московских и петербургских журналах и альманахах, получали высокую оценку поэтов пушкинского круга. Николай Языков, выслав 18 апреля 1833 года в Верхнюю Мазу томик своих стихотворений, сопроводил его посланием:

*Давным-давно люблю я страстно
Созданья вольные твои,
Певец лихой и сладкогласный,
Меча фиала и любви!*

Это теплое признание глубоко растрогало Дениса Васильевича, и он, не медля ни часу, 23 апреля 1833 года шлет Языкову благодарственное письмо, в котором говорит, что его некоторые стихи возил на войны за пазухой, как ладанку, способную «возвышать душу и умножать бодрость духа и жажду к битвам и славе».

Как сожалел воин-певец, что в сентябре, когда в Языкове два дня гостил Александр Пушкин, он охотился в заволжских степях! С досады Денис Васильевич попенял за несостоявшееся свидание самому Александру Сергеевичу 4 апреля 1834 года: «Я не успел проехать Симбирск, как ты туда явился и, что всего досаднее, я возвращался из того края, в который ты ехал (Оренбуржье. – Ж.Т.) и где я мог бы тебе указать на разные лица или рожи, от которых ты мог получить бумаги и сведения, тебе нужные. После того ты был у Языкова, и я не знал о том! Неужели ты думаешь, чтобы я усидел дома и не прилетел бы обнять тебя... Знаешь ли, что струны сердца моего опять прозвучали? На днях я написал много стихов, так и брызгало ими».

Вдохновительницей музыки на сей раз стала Евгения Золотарева, племянница Дмитрия Бекетова, проживавшего в своем имении невдалеке от Пензы. Некоторые из новых стихов, рожденных под обаянием «чуда красоты и прелести» («Вальс», «Звездочка», «Речка», «Твои очи»), Денис Ва-

сильевич посылал Пушкину и Вяземскому, выдавая их за подражания зарубежным классикам и не разрешая их публикацию.

Не без влияния Давыдова, прошедшего курс лечения у гомеопата Петерсона в Пензе, туда же в июле 1835 года приезжал на лечение Николай Языков, чье здоровье к этому времени резко ухудшилось. В городе на Суре Николай Михайлович прочел в «Библиотеке для чтения» остроумно и смело написанные мемуары Дениса Давыдова. Свое уважение к таланту военного писателя и любовь к прославленному герою он выразил в новом послании к нему, в котором необычайно живо воссоздал картины славного прошлого: как Суворов предсказал 9-летнему Денису славное ратное будущее, как «боец чернокудрый, с белым локоном на лбу» воевал на Дунае, Буге и Пруте, о смелых налетах на французские войска во время их отступления от Москвы на запад. Понистине пророчески прозвучали слова послания Н. Языкова:

*Не умрет твой стих могучий,
Достопамятно-живой,
Упоительный, кипучий,
И воинственно-летучий,
И разгульно-удалой.*

Растроганный таким прекрасным поэтическим подарком, Денис Васильевич от всего сердца благодарит Николая Языкова — «самобытного поэта нашего, никого не воспевающего наперекор сердца и совести».

В письме от 13 ноября из Верхней Мазы к Николаю Михайловичу Давыдов вновь благодарно отозвался о послании: «Ваша лирическая песнь ко мне свела с ума всех тех, которые понимают поэзию...». Поэт страстно мечтал навестить Николая Языкова, но его собственные недуги (ревматизм, астма) препятствовали этому.

Несмотря на хвори, Давыдов с завидной настойчивостью трудился над своими военными записками для публикации в пушкинском «Современнике». Из писем к Александру Сергеевичу видно, что и в захолустной Верхней Мазе он был в курсе важнейших событий в общественной и культурной жизни. Так, в письме к Пушкину от 23 ноября 1835 года выразил сожаление, что генерал-цензор А.И. Михайловский-Данилевский «отсекает без всякого основания целые периоды» от его статей. Давыдов высказал замечание об «Описании Отечественной войны 1812 года» самого Михайловского-Данилевского: «Ну, неужели нельзя хвалить русских без порицания Наполеона?.. Это все выходки

Данилевского. Для чего? Он оттого похож на тех французов, которые при вступлении нашем в Париж, повязав веревку на шею бронзовой статуи великого человека тащили ее с вершины колонны на мостовую».

В письме же к Михайловскому-Данилевскому от 22 декабря он поздравил ветерана Отечественной войны с производством в генерал-лейтенанты и высказал надежду, что в ближайшие годы им не придется защищать Россию от внешнего врага. Касаясь своей личной жизни, Денис Васильевич поделился неординарным замыслом: «Во мне возникла довольно оригинальная мысль года два назад: я вздумал все выручаемые мною деньги за сочинения мои упот-

Д. Давыдов. Литография К. Гампельна
рблять на прибавку жалованья учителям и на покупку книг детям моим... Мне хочется, чтоб в совершенном возрасте сыновей моих, они знали, что на воспитание их употреблены были не одни деньги пшеничные, но и те, которые я приобрел головой. Это, может быть, послужит им примером, ибо хороший пример действительнее всякого словесного наставления».

Фамилия одного из домашних учителей, занимавшихся в Верхней Мазе со старшим, Василием, и другими детьми Давыдовых, известна — это эрудированный филолог Александр Иванович Банников. Личности других наставников неизвестны, но, скорее всего, их приглашали из губернского центра. Такое предположение напрашивается при анализе письма Дениса Васильевича к Софье Николаевне в Верхнюю Мазу, которое он отправил 13 января 1836 года: «Я выехал из Симбирска 6-го числа и 12-го к обеду приехал в Москву, были морозы и выюги ужасные. Я решитель-

но еду в Петербург в среду или в четверг 16 или 17-го. Слухи здесь, моя душа, что я назначен военным губернатором в Казань... меня очень беспокоят. Боюсь, если это правда, чтобы по назначению моему этого нового рода службы не осрамиться...».

Из письма видим, что утверждения некоторых исследователей, будто бы Денис Васильевич сам домогался этого поста, неверны. Но и слух о грядущем назначении генерал-лейтенанта Д. Давыдова Казанским военным губернатором оказался беспочвенным.

Если учесть, что 6-м января 1836 года Давыдов пометил в Верхней Мазе свое письмо к А. Пушкину, выходит, что в этот же день он прибыл в Симбирск и, не мешкая, поскакал в Москву. Думается, что этот бросок в губернский город был связан с занятиями старшего сына: или Василий какое-то время являлся пансионером какого-нибудь гимназического учителя в Симбирске, или он любезно доставил сюда своего домашнего учителя к постоянному месту жительства.

В Петербург Денис Васильевич со старшим сыном прибыл 20 января. В первые два дня, облачаясь в парадную форму, он представился военному министру А.И. Чернышеву, шефу жандармов А.А. Бенкендорфу и коменданту столицы. Навестил князя Петра Вяземского, а тот 22 числа устроил у себя званый вечер, на котором поэт-партизан встретил Александра Пушкина, Василия Жуковского, других столичных деятелей литературы и искусства. Приятным сюрпризом от общения с Александром Сергеевичем стал экземпляр «Истории Пугачевского бунта» с посланием, которое он с удовольствием отправил в Верхнюю Мазу.

*Тебе, певцу, тебе, герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне...*

Знаменательным оказался день 25 января. Вот что писал поэт жене в Верхнюю Мазу: «Сегодня я был в Академии художеств и смотрел картину знаменитого Брюллова «Последний день Помпеи». Это чудо! Истинное чудо!.. Вечер я проводил у Жуковского, у которого собираются каждую субботу его приятели и литераторы. Там я нашел Крылова, Плетнева, Пушкина, Вяземского, Теплякова... Этот вечер был моим триумфом...».

Утром 26 января по протекции Жуковского Давыдов представился в Зимнем дворце Николаю I и наследнику.

(Продолжение на стр.28-29)

Не поэт, я — партизан,

казак...

Поэт, прозаик, военный — именно в такой последовательности аттестован Давыдов в самом авторитетном, пожалуй, для профессионального филолога биографическом словаре «Русские писатели. 1800-1917 гг.». Можно было бы добавить в этот ряд совсем не терминологическое — *герой своего времени*. Причем, как буквально, имея в виду славную армейскую биографию Давыдова, включавшую в себя практически все известные военные кампании своего времени, так и фигурально — биографию в литературе.

Я не поэт, я — партизан, казак.

Я иногда бывал на Пинде, но насюжком...

Давыдов горделиво именовал себя «одним самых поэтических лиц русской армии». Но если, перефразируя, взять шире — одним из самых поэтических лиц русской литературы эпохи романтизма, отличавшимся крайне нетривиальным поведением в кругу близких ему литераторов. Первые стихотворные упражнения Давыдова были выполнены в жанре басни, в котором он не преуспел и в зрелой поре никогда к этому жанру не возвращался. Между тем, уже в этих баснях («Голова и ноги», «Река и зеркало», «Орлица, турухтан и тетерев») проявились некоторые тенденции (динамичность повествования, афористичность, простота), которые в полной мере разовьются в его знаменитых гусарских стихах, сразу сразивших читателей распахнутостью и безыскусностью чувств.

Это не значит, что у Давыдова не было предшественников. Были. Но лишь в творчестве Давыдова будет сделан такой сильный упор на личный склад характера, на то, что можно назвать *натурой*. Как точно скажет И.Семенов, одна из лучших толкователей творческого наследия писателя, давыдовский поэт-гусар — первая «отчаянная», «лихая» натура в русской поэзии и прозе. И это открытие стало самой сильной прививкой против подражательных тенденций, охвативших русскую культуру в предпушкинскую эпоху.

Давыдов прекрасно усвоил, пишет еще один знаток его творчества В. Вацура, эстетику романтического жизнестроения и видел поэзию во всем том, что выходило за уровень житейской ординарности и размеренности, прославляя воинское вдохновение Суворова и Наполеона, партизанскую войну — в противовес обдуманному и рассчитанному движению регулярных войск, грубоватую непосредственность эмоций и выражения — в противоположность светскому этикету. Вспомним хотя бы знаменитое четырехстрочное послание «Генералам, танцующим на бале при отъезде моем на войну 1826 года»:

*Мы несем едино бремя,
Только жребий наш иной:
Вы оставлены на племя,
Я оставлен на убой.*

Не прошла незамеченной сознательная прозаизация Давыдовым устоявшегося поэтического языка («французички гнилые», «подписать отставку милой», «рухнулса», «чтимый выродком», «и крестятся ведьмы, и тошно чертям») и т. п.). Но при этом, как заметил еще В. Белинский,

«все, что у других так пошло, притворно, безвкусно, оскорбительно для чувства... у Давыдова получает значение, преисполняется жизнью, облагораживается формой... отчаянная смелость иного выражения... становится энергетическим порывом могучего чувства, которое, сознавая свое достоинство, не заботится об условном приличии, но хлещет чопорную пошлость и ничтожество прямо по лицу и чем попало».

Не это ли определяющее в своей основе качество личности Давыдова-писателя — сознание собственного достоинства, вопреки всяким условностям — имел в виду Пушкин, когда писал, вспоминая свое лицейское ученичество, что он «дал мне почувствовать, что можно быть оригинальным?»

И не о том же самом, не в частности, а в принципе, писали так любившие его поэты-современники? Например, Вяземский («На барскую ты половину ходить с поклоном не любил, и скромную свою судьбину ты благородством золотил. Врагам был грозен не по чину, друзьям ты не по чину мил...») или Баратынский («Покуда русский я душою, забуду ль о счастливом дне, когда приятельской рукою пожал Давыдов руку мне! О ты, который в пыл сражений полки лихие бурно мчал и гласом бранных песнопений сердца бесстрашных волновал»).

В сравнении с мемуарно-автобиографической прозой, Давыдов стихов написал не так много, если не сказать, недопустимо мало для классика — до нас не дошло и ста произведений. Среди них дополнительно выделяют элегический цикл 1814-1817 гг. и лирику двадцатых-тридцатых годов, написанную от лица уже «старого гусара». Давыдов пытался обновить жанр любовной элегии в духе любимой им гусарщины, и это наложило на его стихи печать своеобразия, отличающего их от элегической лирики Батюшкова и Жуковского. Элегический герой Давыдова страстен, а не уныл и не мечтателен. В «поздних» стихах образ героя меняется, хотя суть остается той же самой. Теперь это уже не юный «удалец», а «пожилой вояка», умудренный житейским опытом, переживший не только упоение в бою и в страсти, но и выпивший полную чашу обид и унижений.

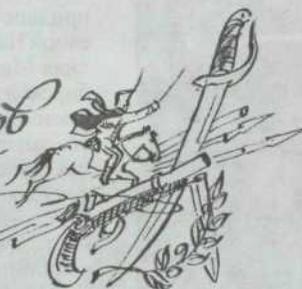
Подводя итог, сошлемся еще на одного крупнейшего литературоведа Г. Гуковского, который отмечал, что Денису Давыдову удалось создать настолько яркий и точно очерченный образ героя своих стихотворений, образ самого себя, что в этом образе элементы его биографии нерасторжимо переплелись с чертами его поэтического персонажа.

*Я каюсь: я гусар давно, всегда гусар,
И с проседью усов все раб младой привычки;
Люблю разгульный шум, умов, речей пожар
И громогласные шампанского отмычки.*

*Долой, долой крючки, от глотки до пупа!
Где трубки? — Вейся, дым на удалом раздолье!
Роскошествоуй, веселая толпа,
В живом и братском своеволье!*

Денис
Давыдов

Песня

А люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!
Сапог, ботинка, конь гусарский
С вами век мне золотой!
А люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!

За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия!
Пусть французишки ищут
К нам покажут назад!
За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия!

Станец, французы, вечно жить
Взречь обиды, под шалашами,
Дуэль - рубиться молодцами,
Ветеранам - изредку пить!
Станец, французы, вечно жить
Взречь обиды, под шалашами!

Уроки «давыдовского» своеволия будут усвоены не только Пушкиным, но практически всеми крупными поэтами, составившими как ядро пушкинской плеяды, так и ее периферию. Но создать фигуру, равновеликую его лихому, забубенному лирическому герою-полусолдату, полупоэту, пишущему стихи «на привалах, на дневках, между двух дежурств, между двух сражений, между двух войн» - не удастся более ни одному русскому поэту, ни в XIX, ни в XX веке.

Александр Рассадин
рис. А. Кузнецова

“Вы слух на песнь мою склоните...”

Поэзия Дениса Давыдова привлекала внимание композиторов разного уровня таланта еще при его жизни. И поныне современные авторы, сочиняющие песни, романсы, оратории и оперы на темы Отечественной войны 1812 года, гусарской романтики обращаются к ней.

Самые ранние песни на слова поэта известны с начала 1820-х годов. Впоследствии на произведения Д. Давыдова написали музыку Александр Алябьев, Антон Рубинштейн, Александр Даргомыжский, Константин Вильбоа и многие другие, менее известные композиторы XIX века. В их числе В. Сабурова, А. Вилламов, Г. Демидов, С. Донауров, С. Габель, А. Шульц.

Встреча Д. Давыдова и корнета А. Алябьева произошла в конце декабря 1812 года в действующей армии на Западной Украине. «Многие черты характера Давыдова, - писал музыковед Борис Доброхотов, - его беззаветная храбрость, высокий патриотизм и смелость суждений, так же как и его горячая любовь к литературе и искусству, были близки и Алябьеву. Их отношения вскоре перешли в дружбу, скрепленную условиями совместной боевой жизни». В составе партизанского отряда Давыдова в будущем знаменитый композитор в марте 1813 года участвовал во взятии Дрездена.

Известны три ромansa А. Алябьева на стихи Д. Давыдова - «Брызны искрами...», «Сижу на берегу потока», «И моя звездочка» («Море воет, море стонет»). Попав к цыганским певцам с музыкой Алябьева, романс «И моя звездочка» был великолепно распет ими, что и увековечил писатель Николай Лесков в повести «Очарованный странник», вложив его в уста красавицы цыганки Груши: «Вот цыганы покашляли, и молодой ее брат взял в руки гитару, а она запела. Знаете... их пение обыкновенно закигательное, и за сердца трогает. А я как услышал этот самый ее голос... расчувствовался. Ужасно мне как понравилось! Начала она так как будто грубовато, мужественно, эдак: «Мо-о-ре во-о-ет, мо-ре сто-нет». Точно в действительности слышно, как и море стонет, и в нем челночок поглощенный бьется. А потом вдруг в голосе совсем другая перемена, обращенная к звезде: «Золотая, дорогая, предвещательница дня, при тебе беда земная недоступна до меня».

Новый всплеск интереса отечественных композиторов к творчеству Д. Давыдова произошел в 1940-1950-е годы и был связан с огромным подъемом патриотического чувства народа во время и после окончания Великой Отечественной войны. В те годы циклы романсов на стихи поэта написали Алексей Животов, Мариан Коваль, Михаил Глух. Хор «Я люблю тебя» написал Борис Мокроусов. В ноябре 1957 года с большим успехом в Ленинградском Малом оперном театре прошла премьера оперы Михаила Глуха «Денис Давыдов», многие вокальные номера которой основаны на текстах поэта. В 1970-е годы к произведениям Д. Давыдова обратились Георгий Портнов и Владимир Рубин, поставивший в 1986 году в Москве свою монооперу «Сцены из гусарской жизни».

С 1981 года звучат в эфире и на эстраде романсы Александра Журбина «Не пробуждай» и «О, пощади» из кинофильма «Эскадрон гусар летучих».

Хочется надеяться, что 220-летие со дня рождения поэта-гусара вдохновит наших композиторов на новые музыкальные произведения на слова Дениса Давыдова, и они, несомненно, будут востребованы исполнителями и слушателями.

Сергей Петров

Село Верхняя Маза (Покровское) в памяти многих поколений было и будет связано с именем поэта-партизана, героя войны 1812 года Дениса Васильевича Давыдова.

О прадеде Дениса Давыдова, полковнике Василии Васильевиче Давыдове, известно лишь, что владел он землями в Московской и Орловской губерниях. Дед поэта - Денис Васильевич считался весьма просвещенным человеком, был знаком с Ломоносовым.

Брат отца - Лев Денисович (1743 - 1801) дослужился до генерал-майора, был женат на племяннице светлейшего князя Г.А. Потемкина - Е.Н. Самойловой, Раевской по первому мужу.

Чина генерал-майора удостоились и шестеро из семерых родных и двоюродных братьев Дениса Давыдова (все участники войны 1812 года и заграничных походов): Евдоким и Лев Васильевичи; Александр и Петр Львовичи Давыдовы; Алексей Петрович Ермолов (в 1820-1829 гг. командующий Кавказской армией, сын тетушки Марии Денисовны) и сводный двоюродный брат Николай Николаевич Раевский (в войне с Наполеоном показал чудеса храбрости под Бородино и Смоленском). Один из двоюродных братьев Дениса Давыдова, Василий Львович, дослужился до полковника. Карьера его оборвалась в декабре 1825 года, как член Северного общества он попал в сибирскую ссылку.

Зато другой двоюродный брат поэта - партизана, Петр Львович, оказался его соседом по имению, женившись на дочери графа В.Г. Орлова, последнего представителя знаменитой фамилии. Его сын В.П. Орлов-Давыдов унаследовал от матери не только фамилию, получив разрешение присоединить ее к фамилии отца, но и имение Орловых в с. Усолье под Сызранью. До самой революции Орловы-Давыдовы считались самыми богатыми землевладельцами Симбирской губернии.

Четверо из сыновей Дениса Давыдова (а было у него девять детей) по примеру отца тоже связали свою жизнь с армией. Наибольших чинов по службе достиг его младший сын, генерал-майор Вадим Денисович Давыдов (1832 - 1881). Он был участником военных действий на Кавказе, состоял начальником штаба пехотной дивизии, командовал пехотным полком и пехотной бригадой.

Денис Васильевич Давыдов считался крупным землевладельцем. Его имения находились в Московской, Орловской, Саратовской и

И вечен род...

Как гласит одно из семейных преданий, основателем древнего рода Давыдовых был Давид, сын татарского мурзы Минчака Касевича (внук первого казанского хана Улу-Магомета), перешедшего в российское подданство. Потомки Давыдовы верой и правдой служили Российскому престолу, среди них было немало государственных и военных деятелей.

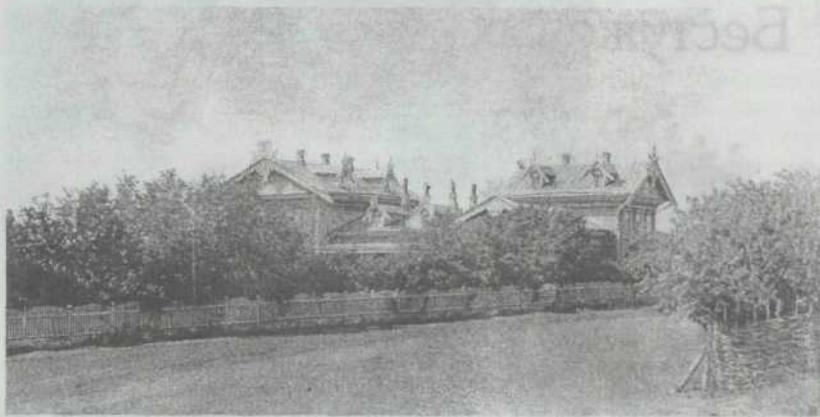

Санкт-Петербургской губерниях. В приданое за женой Софьей Николаевной Чирковой он получил село Верхняя Маза в Сызранском уезде Симбирской губернии. Так случилось, что именно здесь прошли последние годы его жизни, увековеченные им в стихах и письмах к друзьям. На этой земле подросли и пустили корни его дети и внуки, сохранив в целостности и сохранности мазинское имение вплоть до революции 1917 года.

Одним из наследников Верхней Мазы стал его сын отставной гвардейский штабс-капитан Николай Денисович Давыдов (1825-1885). Еще при жизни отца Николай вместе с сестрами и братьями часто бывал у ближайших друзей Бестужевых, в их имении в селе Большая Репьевка. Там располагалось несколько бестужевских усадеб. В одной из них жил Алексей Васильевич Бестужев, с которым особенно был близок Денис Васильевич Давыдов. Рядом находилась усадьба Петра Александровича Бестужева, женатого на сестре поэта Языкова - Прасковье Михайловне. У последнего подрастала дочь Софья (1831 - 1877). Зимой 1849 года родители повезли ее в Москву, как было принято в те годы, на ярмарку невест. Остановились у тетушки Елизаветы Михайловны Хомяковой. В ее доме часто собирались литераторы, издатели, художники, представители богемы. Молоденькую и хорошенькую Софью заметили сразу. За зиму она получила три предложения руки и сердца. Особенно настойчив был Константин Сергеевич Аксаков, сын известного писателя, симбирский помещик. Он и сам был уже известен как поэт и журналист. Бестужевы обещали подумать, но в апреле перед отъездом в имение, отказали Аксакову, объяснив отказ молодостью невесты. А в 1853 году отдали ее замуж за сына своего друга и соседа - Николая Денисовича Давыдова.

Их семья, в которой было пятеро детей (Петр, Александр, Николай, Мария и Софья), жила то в Верхней Мазе, то в Симбирске, то уезжала в Саратовскую губернию, где у них было второе имение в Хвалынском уезде.

В Симбирске у Давыдовых было несколько домов (на основании исследований С.Л. Сытина). Один деревянный, доставшийся Софье Петровне в наследство от Бестужевых, стоял на улице Московской рядом с домом Гончаровых. Он сгорел в пожаре 1864 года. Другой дом - двухэтажный деревянный на каменном фундаменте -

Н.Д. Давыдов выстроил вскоре после пожара на углу улиц Большая Саратовская и Покровская (на месте нынешнего Почтамта). Но жили Давыдовы в нем недолго. В 1868 году в связи с отъездом в Саратов они продали этот дом.

В 1877 году умерла Софья Петровна, ее похоронили в Верхней Мазе. Николай Денисович пережил супругу на восемь лет, умер он в Петербурге.

Их подростки дети обосновались в Верхней Мазе. Обзавелся своей семьей, женившись на дочери новоспасского помещика шталмейстера Императорского Двора А.С. Амбразанцева-Нечаева Александре Алексеевне, гвардии ротмистр Николай Николаевич Давыдов (р. 1860 г.). Неподалеку от Мазы на хуторе Вязовый вскоре появилась отдельная усадьба их сестры Софьи Николаевны (р. 1862 г.), где она поселилась вместе с мужем поручиком лейб-гвардии уланского полка Владимиром Александровичем Буторовым (р. 1859 г.).

Наследница не только Давыдовых, но и Бестужевых, Софья Николаевна Буторова владела лучшим в губернии стадом коров бестужевской породы. Она оказалась в тот период главной хранительницей генофонда бесценного в наших условиях бестужевского скота - самого известного и значимого семейного достижения симбирских дворян Бестужевых. Именно у нее в 1910 году Симбирское губернское земство покупало скот бестужевской породы для племенного стада Анненковской опытной станции.

В Верхней Мазе прошло детство Николая (1884), Юлии (1885) и Ольги (1892) Буторовых. В 1980 году стала настоящей сенсацией находка в самарском архиве дневниковых записей Юлии Владимировны Буторовой. Она писала их в санитарном поезде в годы первой мировой войны, будучи

медсестрой Красного Креста. Записи обрываются 19 августа 1916 года.

Примерно в эти же годы в фонды Ульяновского краеведческого музея попал семейный альбом Буторовых. Большинство снимков без подписей и они навсегда останутся тайной для нас, но на отдельных фотографиях можно увидеть Софью Николаевну с мужем и детьми.

Встречаются упоминания и о других правнуках Дениса Давыдова. В 1983 году в газете Радищевского района «Восход» был опубликован материал о Николае Николаевиче Давыдове (сын Н.Н. Давыдова). После революции он жил с матерью в Ленинграде, о чем неоднократно в своих письмах к детям упоминает подруга матери О.А. Воейкова. Ему пришлось разделить судьбу многих дворян, оставшихся в России. Несмотря на прекрасное образование, пресловутый пункт «социальное происхождение» не позволял ему в полную силу заниматься тем, к чему стремился. Известно, что до войны Николай Николаевич жил и работал библиотекарем на биологической станции Всероссийского института растениеводства в Майкопе. Когда началась война, он попросился на

фронт, попал в партизанский отряд «За Родину». Вот где пригодились его совершенные знания немецкого и французского языков. В отряде он был переводчиком. Главной его обязанностью было составление на немецком языке сводок Совинформбюро, которые партизаны разбрасывали среди врагов. Николаю Николаевичу не только приходилось составлять эти сводки, но и сотнями самому переписывать их от руки. Когда его партизанский отряд был обнаружен немцами в районе Колосова Яра, Давыдов, как когда-то и его знаменитый прадед, с оружием в руках храбро сражался вместе с другими партизанами. После войны он вернулся в город своей юности - Ленинград.

Участвовал в Великой Отечественной войне и его троюродный брат Лев Денисович Давыдов, 1907 года рождения. В 1980 году в центральной печати было опубликовано короткое интервью с ним. Он прошел всю войну, был ранен под Сталинградом и Курском, но каждый раз, подлечившись, вновь просился на фронт. Закончил войну в Берлине. До самой смерти он вел переписку с ульяновскими краеведами, чем мог помогал в увековечении памяти своего знаменитого предка.

В 1980 году, как писал краевед из Радищева А. Бабин, живы были десять потомков Дениса Давыдова. В Москве доживала свои дни Ольга Николаевна Давыдова, которая до тринадцати лет жила с родителями в Симбирской губернии в имении недалеко от Верхней Мазы. В первую мировую войну она, как и ее двоюродная сестра Юлия Владимировна, работала медсестрой в Красном Кресте, затем учительствовала, двадцать лет заведовала детским садом.

Наверное, и сейчас где-то живут их дети и внуки, продолжатели рода Давыдовых.

**Татьяна Громова,
Лариса Ершова**

На фото:
1. Дети С.Н. Буторовой (правнуки Д. Давыдова). В центре Николай Буторов. Конец XIX - начало XX века.
2. Софья Николаевна Буторова (Давыдова). 1903 год.
3. Дом Буторовых на хуторе Вязовый рядом с Верхней Мазой. Начало XX века.
4. На западной стороне улицы Б. Саратовской г. Симбирска - деревянный дом Н.Д. Давыдова (слева). Фото А. Муренко. 1867 г.

Андрей Васильевич
Бестужев

Репьевская усадьба Бестужевых

Герб рода Бестужевых

Александра Дмитриевна
Бестужева

Бестужевы – старинный дворянский род, один из самых известных в России. В Симбирском крае они появились в XVII столетии, когда наибольшей известностью пользовались воеводы Бестужевы-Рюмины (позднее – графы). В XVIII и первой половине XIX веков многочисленные «симбирские» Бестужевы (несколько «кланов» этого весьма разветвленного рода) – богатые помещики, владельцы многих селений, суконных фабрик, винокуренных и конных заводов, несколько тысяч душ крепостных. Они же – чиновники высших рангов, общественные деятели, меценаты и т.д. В XVIII столетии среди здешних Бестужевых выделялись: владелец села Богородская Репьевка Симбирского уезда Макар Иванович Бестужев, владелец села Успенская Репьевка Сызранского уезда Борис Макарович Бестужев, а также Василий Борисович Бестужев, владевший в начале XIX века половиной всех бестужевских «вотчин». Один из сыновей последнего, Андрей Васильевич Бестужев, был управляющим Симбирской удельной конторой и считал себя первым лицом в губернии. Он оспаривал многие решения местного губернатора, за что в конце 1836 года был отправлен в отставку. После этого он со своей женой Александрой Дмитриевной, урожденной Кротковой, занялся обустройством имения и усадьбы в селе Репьевка Карсунского уезда. Здесь при сельской церкви он и был похоронен в 1853 году.

Усадебный комплекс в селе «Никольское, Репьевка тож» Карсунского уезда Симбирской губернии начал формироваться предположительно в конце XVIII века, когда здесь на средства местных помещиков был возведен каменный четырехпрестольный храм, освященный в 1782 году. Строительство каменного господского дома завершилось, вероятнее всего, при Андрее Васильевиче Бестужеве в 30-х годах XIX столетия. В архитектурном облике здания заметно влияние «образцовых фасадов» из серии

1809-1812 гг. Тогда же, в эпоху классицизма, вокруг нового дома был разбит парк, о чем можно судить по последним 200-летним липам – оставшимся от прежних липовых аллей. При сыне А.В. Бестужева, Дмитриии Андреевиче, имение и усадьба сначала процветали (в период до реформы 1861 г.), а затем начали приходить в упадок.

Герб «симбирских» Бестужевых

В 1890-х годах имение перешло в руки нового владельца – бывшего крепостного дворян Анненковых – симбирского купца А.Д. Сачкова, который сразу после покупки подарил «репьевское поместье» своему единственному сыну Александру. С именем А.А. Сачкова связан период второго расцвета усадебного комплекса, который приходится на конец XIX –

начало XX веков. Тогда в отделке изрядно обветшавшего господского особняка появились мраморные лестницы, дубовые паркетные полы, вызолоченные лепные украшения, стильная мебель и т.д. В старинном парке было высажено множество сосен (по моде той эпохи), значительная часть которых сохранилась до настоящего времени.

В годы становления Советской власти Репьевская усадьба, как и множество ей подобных по всей стране, подверглась разграблению. К счастью, уцелели стены дома и парк. Позднее в бывшем бестужевском доме разместили специнтернат (Репьевский Дом-интернат для престарелых и инвалидов), которому старинный особняк и парк принадлежат по сей день. Впрочем, бывший господский дом, по причине его ветхости, сейчас уже не используется и стоит «законсервированным» до решения вопроса о его дальнейшей судьбе. Уже подсчитано, что строительство нового корпуса на его месте обойдется значительно дешевле, чем реставрация историко-архитектурного памятника...

Алексей Сытин
фото С. Ойкина и А. Сытина

Бывший господский дом в селе Колхозная Репьевка Майнского р-на . 1992 г.

Бестужевский дом в его современном виде. 2003 г.

Уходящая старина

Между соседями-помещиками нередко складывались приятельские отношения, которые часто перерастали в длительную дружбу целых семей, а иногда возникали и родственные связи. Такие отношения у Давыдовых с их соседями Бестужевыми начали складываться еще при жизни Дениса Васильевича. Его потомки сохранили и упрочили их.

Бестужевым в Симбирской губернии принадлежало несколько крупных имений, в которых приходилось бывать Денису Давыдову. Одному из них - селу Репьевке бывшего Карсунского уезда - посвящена выставка "Усадебная архитектура края - Карсунское имение Бестужевых", открытая в фойе Ульяновского областного краеведческого музея (Новый Венец, 3).

Фото А. Сытина

"Сачковские" сосны в старинном Репьевском усадебном парке. 2003 г.

С.Н. Давыдова-Чиркова

Денису Васильевичу Давыдову, герою войны 1812 года, поэту, военному историку, посвящена огромная литература. В плеяде главных героев 1812 года он навсегда вошел в отечественную историю. Лучшие поэты – Пушкин, Жуковский, Баратынский, Вяземский, Языков – посвятили ему восторженные строки. Знаменитые художники той поры – Кипренский, Орловский, Доу – запечатлели его образ. Лев Толстой наделил чертами Давыдова одного из самых обаятельных героев романа «Война и мир» – гусара-партизана Денисова. Друг героя, симбирский поэт Н.М. Языков называл его талант «кипучим и воинственно летучим, и разгульно удалым». А вот о жене Давыдова известно очень мало, и поэтому мы попытаемся восполнить этот пробел.

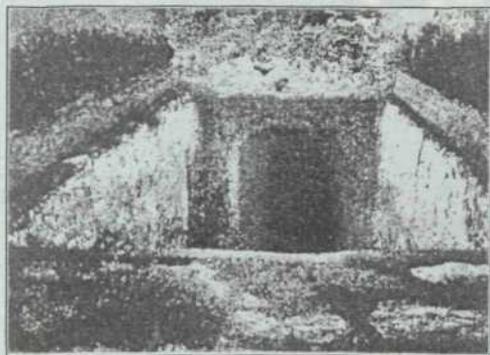
Хозяйка Верхней Мазы

О верной спутнице героя-поэта, его супруге Софье Николаевне Давыдовой, урожденной Чирковой, при желании можно отыскать достаточно подробную информацию. Из 55 лет, отпущенных Денису Васильевичу, 20 лет рядом с ним была она – хранительница домашнего очага, врачевательница физических и душевных ран поэта, любящая и строгая мать девятерых детей (Давыдовы имели 5 сыновей и 4 дочерей).

Софья Николаевна родилась в семье генерал-майора Николая Александровича Чиркова и Елизаветы Петровны, в девичестве Татищевой (дочери масона Н.А. Татищева, внучке генерал-полицеймейстера А.Д. Татищева).

Николай Александрович Чирков (1753–1806), по свидетельствам современников, был одним из видных и блестящих представителей Екатерининской эпохи. Как указывает Н.П. Епифанова, потомок рода Чирковых, в своей работе «Чирковы. Воскрешение древнего дворянского рода», Николай Александрович военную службу начал рядовым лейб-гвардии Преображенского полка в 1771 году. В 1784 году в чине подполковника перешел на службу в Оренбургский драгунский полк. Участвовал в походах и сражениях второй турецкой войны. За успешные военные действия был награжден золотой шпагой с надписью «За мужество, оказанное в сражении 7 июня 1788 г. на Лимане Очаковском». Произведен в полковники. В 1789 г. пожалован кавалером ордена Св. Георгия 4-й степени за осаду Очакова. В 1796 г. был произведен в генерал-майоры. Через год из-за усилившейся болезни ушел в отставку.

В 1819 году Д.В. Давыдов женился на Софье Николаевне, за ней было дано в приданое имение при селе Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губернии.

Склеп под алтарем Верхнемазинской церкви, где шесть недель покоилось тело Д.В. Давыдова до его погребения

По признанию литературоведов, наименее изучен симбирский период жизни и творчества Д.В. Давыдова. Между тем именно в это время был написан знаменитый лирический цикл, интереснейшая часть военно-исторических записок.

Трудно переоценить мемориальное значение Верхней Мазы в истории русской литературы XIX века.

С 1832 по 1839 год семья Дениса Васильевича почти безвыездно жила в Мазе. Здесь Давыдов с присущей ему горячностью занимался обустройством усадьбы, разведением скаковых лошадей и мериносов. Отсюда подрастающие дети уезжали учиться в столицу.

Здесь, в склепе Покровской церкви, шесть недель покоилось тело поэта-героя после кончины 22 апреля 1839 года. Благодаря твердому и волевому характеру Софья Николаевна смогла добиться разрешения на перезахоронение мужа на кладбище Новодевичьего монастыря. Всю дорогу до Москвы за гробом мужа вдова шла пешком.

Какова же судьба Верхней Мазы после 1839 года?

Были версии о намерении Софьи Николаевны расстаться с имением после смерти мужа. Соответствует ли это действительности?

В ходе поисков в фондах Государственного архива Ульяновской области удалось обнаружить редчайшее письмо, написанное рукой жены поэта 150 лет назад, 16 мая 1846 года. Письмо объясняет, почему Софья Николаевна отказалась от продажи Верхней Мазы.

Архивные документы показывают, что с начала 40-х годов XIX века Департамент уделов через Симбирскую удельную контору начинает активно обращаться к Софье Давыдовой с предложением купить Верхнемазинское имение в удел. К 1846 г. Софью Николаевну удалось склонить к продаже, чему способствовали и финансовые затруднения. Уже готовились документы для оформления будущей сделки.

В ноябре 1846 г. управляющий имения А.И. Соболев составил опись крестьянских и дворовых людей, подготовил земельные планы к межевым книгам, но Софья Николаевна медлила с принятием окончательного решения. Слишком крепко была связана судьба мужа и её самой с Мазой... Божьему провидению угодно было сохранить Верхнюю Мазу родовым поместьем Давыдовых вплоть до 1917 года.

Что же заставило Софью Николаевну окончательно отказаться от продажи имения? В обнаруженном письме управляющему Сызранской удельной конторой П.П. Каблукву она пишет: «Милостивый государь! Петр Петрович. На прошедшей неделе через Г-на Помощника вашего

Реликвия

Дом в Верхней Мазе, в котором жил Д.В. Давыдов.
С фотографии 1885 года.

уверилась я о продолжении намерения Удельной конторы приобрести по купкою мое Сызранское имение, на что объявить честь имею, в сем и неприятные обстоятельства заставили меня сверх ожидания переменить мое предположение, после составленной от Удельной конторы в 1846 году имению моему описи, угодно было Богу меня посетить чувствительным несчастием, в прошлом 47-м выпал рогатый скот, а сего года 7-го мая еще посетил меня Господь разорительным пожаром, от которого выгорело до ста дворов с хлебом и крестьянским имуществом; по тем причинам решила я изменить мое намерение и извещаю Вас Милостивый Государь усерднейше прошу довести до Вашего Начальства; представленные же от меня на то именныя крепостные акты с тремя планами к межевым книгам сделать одолжение приказать мне возвратить.

С милостивым почтением честь имею пребывать, Милостивый государь, Вам покорная к услугам Софья Давыдова. 16 мая 1848. С.В. Мазы.

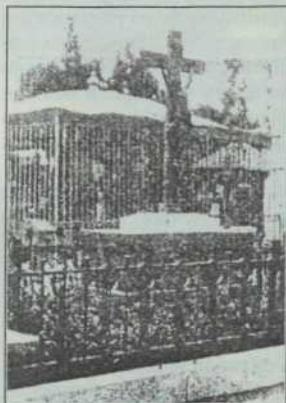
Из-за обширных земельных угодий (более 14 тысяч десятин земли), удельное ведомство соглашалось приобрести Мазу и после пожара. Но для Софьи Николаевны этот вопрос был закрыт навсегда. При разделе имений между сыновьями она поставила условие, отмеченное в решении Симбирской палаты гражданского суда за 1865 г.: при её жизни сыновья не имели права ни продать, ни заложить Верхнемазинское имение.

Давыдова пережила мужа почти на 40 лет. Она погребена рядом с супругом на кладбище Новодевичьева монастыря в Москве.

Одним из последних владельцев имения был внук поэта Николай Николаевич Давыдов. Здесь, в Мазе, родился и правнук поэта, которого крестили в Покровской церкви в 1897 году.

Разрушительная волна времени не сохранила усадьбу. Но неподвластными людям осталась обширная равнина, тихая река, поэтическая аура, вдохновлявшая когда-то поэта.

Галина Романова

Могила Давыдова
в Новодевичьем монастыре

Уютно раскинулось вдоль речки Мазы село Верхняя Мазы. При жизни Д.В. Давыдова – и не село вовсе, а деревня, потому как Божьего храма здесь не было. После смерти Дениса Васильевича безутешная вдова решила возвести храм в Верхней Мазе. В 1845 году белокаменный, трехпрестольный храм возвысился над селом. Главный придел – в честь Покрова Пресвятой Богородицы, правый – во имя мученицы Софии и трех ее дочерей – Веры, Надежды и Любви, левый – во имя святых Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы. Полюбили жители Верхней Мазы свою церковь-красавицу – равных ей не было в округе. И Покров благодатный укрыл мазинские земли, и поселились здесь Вера, Надежда и Любовь, и Анна Пророчица оберегала жителей от бед, пока люди сами не отрелись от Бога.

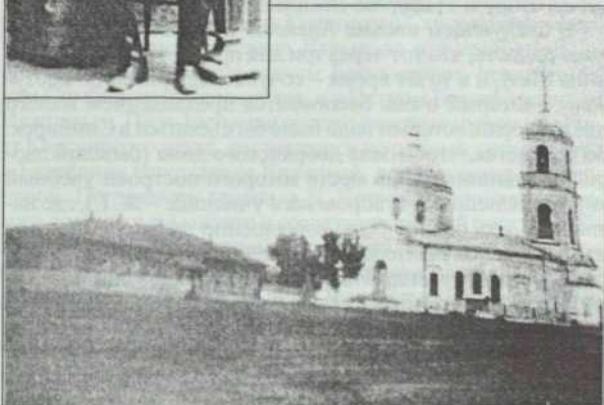
Сказывали, что лукавые толкнули на снос церкви крестьянина, который попал в списки на раскулачивание. Надеясь спасти семью от гибели, человек решился на черное дело, но кого может спасти вероотступничество? Вся семья так и сгнула...

Перед тем, как красавице рухнуть, жители Верхней Мазы, напуганные слухами о предстоящем варварстве, пригласили в село фотографа из Сызрани, заказав ему снимок и несколько копий. Для 20-х годов прошлого века – дело дорогостоящее, но ведь предстояло навсегда проститься с Покровским храмом!

Один такой снимок – семейная реликвия – в большой красивой раме хранится в доме Осокиных. Много раз к хозяевам дома Валентине Федоровне и Александру Петровичу обращались учителя Верхнемазинской школы с просьбой передать фото в музей Дениса Давыдова, но хозяйка дома так рассудила: «Хоть я сама эту церковь уже не застала, но гляжу на снимок, и сердце радуется. Свекровь моя, Анна Алексеевна, женщина набожная, горячо любила свою церковь, она и заказала копию фотографу. К нам много людей приходит поглядеть на снимок. Это наша семейная реликвия, и мы ею очень гордимся».

На фото:
1. Анна и Петр Осокины,
начало XX века
2. Покровская церковь
в селе Верхняя Мазы

Симбирские страницы жизни Дениса Давыдова

(Окончание. Начало на стр. 16-19)

Успешно завершив хлопоты по определению сыновей в училище правоведения и в путевый институт, Денис Васильевич отправился в Москву, где надо было окончательно решить судьбу своего особняка на Пречистенке, который он еще недавно хотел продать. В это же время поэт общался с книгоиздателями и продавцами. О московских делах он информировал Александра Сергеевича и был рад, что наконец-то тот перешел с ним на «ты». Только в марте Давыдов отправился в Симбирский край, правда, сначала – в село Языково, чтобы повидать друга-поэта и заручиться его поддержкой пушкинского «Современника».

Можно представить, как рад был дорогому гостю Николай Михайлович. Эта долгожданная встреча в Языкове была первой и последней в их жизни. Сразу же по прибытии в Верхнюю Мазу Давыдов извещает об этом Языкова: «Я от Вас, любезнейший Николай Михайлович, едва-едва дотащился на санях до Симбирска, где хотел бы их бросить, но какое-то наслаждение бороться с препятствиями понудило меня снова пуститься в зимнем экипаже, и я, плывя водою, ныряя по ухабам и тащась по голой земле, добрался до дома на полозьях... Закачало, в голове еще пусто, перья еще не очинены, и чернильница высохла. Приведа все в порядок, пушусь помогать Пушкину...».

В письме к Александру Сергеевичу о результатах этой поездки Давыдов доложил по-военному четко: «Я был у Языкова, он готов и поступает под знамена твои... Считаю на меня – я под твоим начальством лихо служить буду». А в июле, когда в свежем номере «Современника» появились сцены из языковской «Драматической сказки об Иване-царевиче, Жар-птице и Сером волке», Денис Васильевич с удовлетворением отметил, что Николай Михайлович верен данному слову.

В июльские дни 1836 года симбирские власти лихорадочно готовились к приезду Николая I, совершавшего ознакомительное путешествие по европейской России. Симбирский губернатор Иван Степанович Жиркевич и губернский предводитель дворянства генерал-майор Григорий Васильевич Бестужев прилагали усилия, чтобы уехавшие на лето в свои имения дворяне съехались в Симбирск для представления Николаю I. Вот как это событие отразилось в письмах Давыдова к приятелю-соседу Алексею Васильевичу Бестужеву, брату губернского предводителя дворянства: «Едете ли Вы в Симбирск к приезду императора? Я принужден не ехать, потому что оставил и шитый мундир, и шарф, и шляпу, и белье панталоны, и даже ленту в Москве. Но так как этого в резон нельзя поставить, то я Бог знает что нагал губернатору и Григорию Васильевичу...».

В следующем письме Алексею Бестужеву поэт выражает радость, что тот через три дня придет к нему в Верхнюю Мазу, и в то же время – сочувствие Григорию Бестужеву, «который очень беспокоится предвидением малого числа дворян, которым надо было бы съехаться в Симбирск: он опасается, чтобы зала дворянского дома (бывший дворец Пустынькова, на месте которого построен учебный корпус нынешнего суворовского училища. – Ж.Т.), где назначено дать бал, не была совершенно пуста. Губернатор наш переведен в Витебск, а на место него – отставной генерал-майор Александр Иванович Дмитриев-Мамонов. Он милый, во всем смысле слова благородный; давний мой приятель, и я, отъезжая отсюда, оставлю ему повеление, чтобы он непременно сдружился с Григорием Васильевичем: там, где губернатор и дворянский предводитель душа в душу, там нельзя, чтобы дела не шли чисто, ясно и полезно

А. Боголюбов. Адьютант Багратиона

для общего благоденствия... У меня Николай, живописец Ленивецца (сызранского помещика. – Ж.Т.), чудесно написал портреты мой и Васеньки, теперь пишет портрет жень... Если Вы едете в Симбирск, любезнейший Алексей Васильевич, то возьмите на себя труд отдать там прилагаемые письма на почту...».

Алексей Бестужев старательно выполнил все просьбы Дениса Васильевича и по возвращении в свое имение сообщил ему подробности пребывания Николая I в Симбирске. Поэта особенно порадовало, что после царского визита Григорий Бестужев «весел и вырос». В очередном письме из Верхней Мазы он сообщает Бестужеву: «Мне нужна быть в Симбирске, и я должен бы ехать на Сызрань, как всегда ездил, но, не выдав вас так давно, хочу ехать через вашу Репьевку – увижу вас, переменно лошадей и поеду прямой дорогой на Ивашевку, вы, верно, этой дорогой езжали уже, и мне расскажете, как ехать. 16-го этого месяца мое рождение, и хотя старость не празднует, но я надеюсь, что вы не откажете у меня побывать».

Даже краткие выписки из писем Дениса Давыдова к Алексею Бестужеву дают представление о его разносторонней причастности к общественной и культурной жизни Симбирска. И хотя поэт еще не был внесен в родословные списки дворян Симбирской губернии, фактически он являлся полноправным членом этого сословия. Наглядный пример – приглашение летом 1836 года в Симбирск для участия в церемонии представления Николаю I.

Собственницей имения в Верхней Мазе оставалась Софья Николаевна, но Денис Васильевич был полновластным его руководителем, который нанимал и сменял управляющих. Приязнь к окрестному степному краю за годы жизни в Верхней Мазе настолько укрепилась, что Денис Васильевич в письме к графу Ф.И. Толстому (знаменитому «американцу») заявлял, что он живет здесь «как сыр в масле». Тем не менее летом 1836 года Денис Васильевич и Софья Николаевна наметили с наступлением осени основным местом жительства сделать Москву. 10 августа поэт сообщает об этом Александру Пушкину: «... Переселяюсь со всей семьей в Москву в сентябре, – или лучше сказать, жена едет со всем моим народишком, а я остаюсь еще в степях для рысканья за зайцами, лисицами и волками и не прежде буду в Москве, как в конце октября; пиши ко мне туда и адресуй письма на Пречистенку в мой собственный дом, бывший Бибиковой».

Из письма к Пушкину от 13 октября видно, что он уже «совсем переселился в Москву» и с нетерпением ждет от него № 3 «Современника» со своей статьей «О партизанской войне» и стихотворением «Челобитная», а также рукопись воспоминаний «Занятие Дрездена», пострадавшую в

битве с цензурой. По просьбе Пушкина он написал о своем знакомстве с Надеждой Дуровой и указал на неточности в рассказе «барышни-корнета» о войнах наполеоновской эпохи. Последнее письмо поэта-партизана к Пушкину от 23 ноября 1836 года было посвящено главным образом первому «Философическому письму» П. Чаадаева, появившемуся в журнале «Телескоп» Н.И. Надеждина. Николай I объявил Чаадаева сумасшедшим, а Надеждина сослал на Урал под надзор полиции. Давыдов лично знал Чаадаева, но предпочел оценку «Философического письма» ограничить словами графа С.Г. Строганова: «Это пасквиль на русскую нацию». В заключении он сообщил Александру Сергеевичу, что в Петербург на днях поехал Александр Тургенев, и он расскажет о происшествии с Чаадаевым и успокоит «насчет Католички» (Е.Д. Пановой, адресата философических писем. – Ж.Т.). Давыдов, как и Пушкин, выступал против чрезмерного охаивания Чаадаевым России.

А 2 февраля Денис Васильевич узнал о трагической гибели величайшего поэта России. «Знаете ли нашу общую горесть, - писал он 3 февраля 1837 года в Симбирск Николаю Языкову. – Пушкин, наш славный Пушкин убит на дуэли! Он приревновал жену свою – и, как все уверяют, напрасно, а какой-то Дантес, кавалергардский офицер (и побочный сын голландского короля) давно искал всеми средствами компрометировать его в обществе. Пушкин закипел, как Отелло, вызвал Дантеса на дуэль, ранил его сильно, но сам пал... Я так расстроен этим известием, что нет сил писать вам более...».

Прошел месяц, но боль громадной утраты не покидала поэта-партизана, и в марте он писал в Петербург П. Вяземскому: «Вернись ли, что я по сию пору не могу опомниться... Пройдя сквозь весь пыл наполеоновских и других войн, многим подобного рода смертям я был виновником и свидетелем, но ни одна не потрясла душу мою, подобно смерти Пушкина».

Понадобились месяцы, чтобы окрепнуть морально и физически настолько, чтобы в июне отправиться в Северную Пальмиру, где он хотел посетить Николая в училище правоведения, а Василия в институте путей сообщения. По воскресениям он вместе с Василием ездил на дачу Бегичевых в Стрельну. Из письма к жене от 11 июля видно, что накануне поэт зашел к живописцу Яненко посмотреть его новые работы. «Каково было удивление мое, - восклицал он, - найти тут Брюллова... Мы очень друг другу обрадовались; он звал меня к себе... И я ныне или завтра к нему поеду. Чудный человек! Полный ума и оригинальности и с каким необычайным огромным талантом».

Какой популярностью пользовался в эти дни Денис Васильевич, говорят строчки письма жене от 17 августа 1837

А. Боголюбов. Д. Давыдов в Верхней Мазе

А. Боголюбов. А. Пушкин и Д. Давыдов

года, где он рассказывает о посещении Французского театра: «Вообрази, что только я вошел, все мои знакомые, и вельможи, и генералы, и офицеры, и придворные, и бог знает кто... все бросились ко мне и окружили меня...»

Осенью 1837 года вместе с семьей он возвратился в Верхнюю Мазу, где чувствовал себя и здоровее, и вольнее.

В разгар больших торжеств по случаю Бородинской битвы у Дениса Васильевича возникла мысль перенести прах Петра Багратиона из владимирского села Симы в Петербург, в Александро-Невскую лавру, где покоилось тело Суворова, или на Бородинское поле, и он ведет переписку с высшими военными властями, а также с двоюродным братом А.П. Ермоловым, бывшим саратовским губернатором А.Б. Голицыным, другими ветеранами о перезахоронении праха Багратиона.

Зимой 1839 года Давыдов приехал в Симбирск. 30 января отмечался 40-й день со дня кончины сподвижника Суворова, генерала Отечественной войны 1812 года Петра Никифоровича Ивашева, скоропостижно скончавшегося в Ундорах 21 ноября. Перед самым отъездом в Симбирск из Верхней Мазы Давыдов отправил письмо петербургскому приятелю Н.В. Пугаче, в котором касается важного литературного начинания: «Как идет журнал Одоевского и Краевского («Отечественные записки»). – Ж.Т.)? Много ли у них подписчиков? Я здесь для них работаю, всем журнал их рекомендую, и некоторые подписались на него, полагаясь на мои слова».

Под наречием «здесь» имеются в виду соседние с Верхней Мазой имения, с владельцами которых чета Давыдовых поддерживала дружеские связи. Это сестра поэта Языкова Прасковья Михайловна и ее муж Петр Александрович Бестужев, проживающие в Репьевке, Алексей Васильевич Бестужев из Васильевки, Петр Васильевич и Елизавета Гавриловна Бестужевы из села Кушниково Сызранского уезда. Тесное общение связывало Давыдова и с генерал-майором Григорием Васильевичем Бестужевым, предводителем Симбирского дворянства, и с Петром Никифоровичем Ивашевым. Поэт-партизан охотно посещал имение Акшут Карсунского уезда, доставшееся по разделу сестре жены – Екатерине Николаевне Чирковой, в замужестве Поливановой. По примеру генерала Н. Чиркова, строителя барского особняка в Акшуте и создателя здешней богатой библиотеки, чета Поливановых выписывала лучшие журналы. Семь сыновей Давыдова и Поливанова по традиции будут близки друг к другу, а внук, Владимир Николаевич Поливанов, обогатит литературу о Д.В. Давыдове публикацией «Последние годы жизни партизана и поэта, по неизданным письмам».

Жорес Трофимов

Предлагаемые вниманию читателей письма Д. Давыдова к братьям Языковым относятся к 30-м годам XIX века. В это время поэт жил в Верхней Маза, а Языковы - в своем родовом имении. Познакомившись в 1831 году в Москве, Д. Давыдов и Н. Языков не могли предположить, что судьба подарит им пять лет тесного общения. Их многое связывало: творчество, литературные интересы, общие знакомые и друзья, любовь к Симбирскому краю.

30-е годы для Д. Давыдова - это время плодотворной литературной работы. Именно в «мазинский» период Давыдов становится одним из лучших прозаиков русской литературы. Активно участвуя в формировании пушкинского «Современника», он привлекает туда лучшие литературные силы России, в том числе и Языкова. Письма Д. Давыдова интересны не только широким обзором литературной и журнальной жизни России, но и мелкими бытовыми подробностями, которые открывают еще одну страницу в истории взаимоотношений двух известных поэтов.

Письма к Языкову

1833 г. 23-го апреля, с. Маза

Не знаю как благодарить душевного моего поэта за присылку стихотворений его и вместе с ними лихого его послания! Я говорю *душевного* и *моего* не без основания. Никто более вас, любезнейший по уму и почтеннейший по возвышенным чувствам Николай Михайлович, не имеет дара волновать мою душу и владычествовать над нею своевольно, деспотически. Вы мой единственный Тиртей или, по-солдатски, вы мой нравственный *отец и командир*; один стих ваш и я в огне боев, весело и безотчетно. В обеих последних войнах стихи ваши (песнь короля Регнера, подаренная мне в Персии Н. Киселевым) возлились мною за пазухой как волшебная ладонка, имеющая свойство возвышать душу и умножать бодрость духа и жажду к битвам и славе. Я пьяный на девичнике Пушкина говорил вам о том, но вы были так пьяны, что вряд ли это помните, а это сущая правда и трезвый я трезвому повторяю то же. Поэтический лоскут этот, замаранный грязью биваков и окурений сжженным порохом, и поныне у меня хранится; после этого как же мне не называть вас *душевным* и *моим* поэтом? Милое и лестное для самолюбия моего внимание ваше так меня тронуло, что по получении послания вашего и золотого ковчега, полного драгоценными нитями перлов, я было пустился отвечать вам стихами - но, признаюсь, оробел; рука дрогнула - как писать этакому чорту в поэзии стихами! один Асмодей-Пушкин имеет на это право.

Прошедшей зимою я был на несколько дней в Москве, где часто говорил о вас с Киреевским и Баратынским. Они жаловались, что вы не едете в Москву, а я жаловался, что вы не едете в Репьевку - где же вы? и долго ли вам лишать меня удовольствия обнять волженскова земляка на берегах Волги? уведоьте, будете ли вы в Репьевке и когда? я до половины, а может быть и до конца сентября проживу здесь, - а там переселюсь в Москву.

В Москве, этой зимою, я впервые прочел пьесу вашу: *Поэту*, ту, которая поставлена первою в стихотворениях ваших, - я ахнул. Что за язык! что за поэзия! что за возвышенность чувств - это очарование! а *Кубок*? что мои хмельные стихи против этих? Сивуха перед шампанским.

Не зная, куда адресовать письмо мое, я посылаю его чрез Петра Александровича Бестужева и, повторяя вам душевную мою благодарность, прошу вас верить словам партизана-поэта, что первым почитателем отличного вашего таланта и возвышенных чувств ваших есть преданный вам Денис Давыдов.

Так как Бестужева нет в Репьевке, то посылаю это письмо чрез Д.Н. Анненкова.

14 июня. Маза

Авось письмо это еще застанет вас в Языкове, любезнейший Николай Михайлович, и потому адресую его прямо туда. Я вчера получил письмо от Вяземского из Петербурга. Он пишет мне, что Пушкин был в Москве и оттуда только что воротился в Петербург. Я к нему послал важную статью о Партизанской войне в замен погибшей от меча военного министра «Занятие мною Дрездена в 1813 году». Надеюсь, что эту пропустят даже и без задержания в карантине. Жаль мне покойницу, - какая лихая наездница была, помяни ее Господи! Мне Вяземский пишет - вот слова его: «Знает ли Языков мое послание к нему, напечатанное во 2-м томе *Новоселья*? Если знает, что он не откликнется?» - Прошу же мне дать ответ, отчего вы не откликаетесь или сами ему скажите, будучи в Москве, где он будет в июне. Я завидую вам; хотя я неразлучно был с ним все 10 дней пребывания моего в Петербурге, но с этим человеком не устанешь быть и 10 и 100 лет потому, что как он ни умен и ни мил, а душа и сердце его очаровательнее еще ума его.

Посылаю вам челобитную мою Башилову, председателю строительной комиссии в Москве, - отцу поэта Башилова. Я прошу его, чтоб он постарался купить для обер-полицмейстера дом мой, каменный, огромный, на Пречистенке... Стихи довольно удачно набросаны, ждут только одобрения Парнасского моего отца и командира, которого обнимает Денис Давыдов.

3 октября, с. Маза, Сызр. Уезда, 1833

...Благодарю вас покорнейше, любезнейший Николай Михайлович, за присылку стихов ваших - они не уступают ни одним из тех, которые соединены в золотом ковчеге, вами мне присланном. Это прелесть как все то, что изливается из пера вашего! В легкой поэтической вспышке вашей, стихи ваши, как говорит Пушкин, *стоят дыбом!* Кстати о Пушкине; знаете ли, что я слышал от людей, получивших письма из Казани? в Казани были Пушкин и Баратынский, отыскивающие сведения о Пугачеве. Из этого я заключаю, что они в союзе для сочинения какого-нибудь романа, в котором будет действовать Пугачев. И там вот решение загадки появления Пушкина в нашей и в Оренбургской губерниях. Если это правда, то дай Бог! авось ли мы увидим что-нибудь близкое к Вальтеру Скотту; по сю пору мы не избалованы качеством, но задушены количеством романов...

Как досадно, что наши деревни так далеки одна от другой! расстояние принуждает нас *переписываться*, тогда как соседями мы бы *переговаривались*.

Материал подготовила Лариса Еришова

Письма к сыновьям

26 ноября 1837 г.

Поздравляю тебя, милый мой Вася, с прошедшим днем твоего рождения. Ты уже теперь получил подарок наш: позволение вступить в юнкера гвардейской пешей артиллерии. Этот подарок мы сделали скрепя сердце и потому он должен быть для тебя не вполне приятен. Но что делать? Принимай его как он есть; переделать его не могу и сверх того дело уже сделано.

Теперь пришло время тебе подумать о будущности. Шестнадцать лет есть истинное время для размышления о ней. Употребляй на это ежедневно по полчаса, вставая ото сна, и по получасу, отходя ко сну, перед молитвой. Поутру определяй, что тебе делать в течение дня, а вечером дай отчет самому себе, что ты сделал, и если что было не так, то заметь, чтобы извлечь все то, в чем совесть упрекает тебя. Повторяю тебе, вот истинный момент предложить себе неколебимые правила чести и от привычки ежедневно соблюдать их сродниться с ними в три или четыре года, а там все пойдет само собою. Почва, на которой ты теперь будешь прокладывать путь, еще нова и чиста; поздно будет, как ее загадят страсти почти всегда.

26 ноября 1837 г. Верхняя Маза

Я был молод, как ты, но пламеннее тебя вдвое, что я говорю вдвое? Во сто раз: во мне играли страсти более чем в других моих товарищах. Сверх того я имел несчастье жить часто и долго с людьми развратными, увлекавшими меня к разврату, к коему вместе с ними увлекали меня и страсти мои, но я прошел чист и не прикосновенен смрадом и грязью, сквозь этот проток смрада и грязи. Как я это сумел? С 16 лет моего возраста, именно с 16 лет (ибо я на 17-м году вступил в службу) я сделал сам себе правила, как вести себя во всю жизнь мою, и, держась за них, как утопающий за канат спасения, никогда не торгуясь с совестью, не усыпляя ее пустыми рассуждениями и в мыслях и в душе моей всегда хранил отца моего добродетельнейшего человека в мире, я хранил его даже и после смерти его и сам себе говаривал, как иногда увлекаем был соблазном: «что батюшка сказал бы, что бы почувствовал, если б я это сделал при жизни его?» И все дурные помышления мои мигом улетали, и ничто уже не могло свратить меня с пути, мною избранного. Конечно, все это мне ни к чему не послужило по службе, но дурное поведение еще менее послужило бы мне в этом деле. В течение почти сорокалетнего, довольно блистательнейшего военного поприща я был сто раз обойден, часто забыт, иногда притесняем и даже гоним, но это было дело Судьбы; мое дело было служить ревностно, не глядеть по сторонам, чтобы не сравнивать судьбу мою с другими и следовать правилу: поступай таким образом, как ты должен поступать, и будь что будет. И от того не более ли я приобрел счастье в итоге моей службы, чем те, которые обошли меня? На мой удел пала прекрасная репутация, на обошедших меня — чины и ленты; одно другого лучше; я с ними не поменяюсь. Вот тебе пример живой, а не письменный, имей его как попутную звезду перед собой и будешь счастлив, если не наградою людей, то наградою своей совести, что в миллион раз слаще и восхитительнее — с ней легче живется и дышится, чем в чинах и лентах с порочной душою и с галкими делами.

В другом письме без даты Денис Васильевич пишет:

Скажу тебе, что я против желания моего и скрепя сердце позволяю тебе вступать в юнкера гвардейской артил-

лерии, но в юнкера пешей, а не конной гвардейской артиллерии; не забудь это... Меня беспокоит теперь бесхарактерность твоя, и когда? Когда тебе уже 16 лет от роду! С самой нежной молодости твоей я не переставал говорить и толковать тебе, что мундир, как бы ни был красив, и чин, как бы ни был высок, не дают познаний, необходимых для военного человека. Недолго наплавает корабль без балласта! А как балласт для корабля, так и характер для человека...

Конец 1837 г.

Вася, повторяю тебе: не гляди на других, а гляди на самого себя и управляй парусами и рулем своего собственного корабля, не заботясь о тех, которые в одной с тобой эскадре. Пустая молодость всегда падка к пустым весельям и наслаждениям; честолюбивая, с высокими чувствами, молодость любит серьезные занятия, — не для того, чтобы они были привлекательнее тех, которые более сродни с молодостию, а для того, чтобы серьезные занятия богаты следствиями в будущности и обещают гораздо более и высшего разряда удовольствия, чем рысканья в молодости по театрам и бог знает где!

Я боюсь, что все мои слова я пускаю по ветру! Боюсь за тебя, — воля твоя, а мне кажется, что ты теперь ветрен и нерадив к учению, и в будущности будешь пустым человеком.

Второму сыну, Николаю, который учился в то время в Петербурге, Денис Васильевич писал в конце 1838 года: Очень рад, милый мой Николенька, что ты получил 12 баллов за прилежание, теперь жду 12 баллов за поведение. Надо, чтобы одно от другого не отставало и шло рядом. Как неуч с хорошим поведением, так и ученый дурного поведения — не полные люди и мало к чему могут годиться. Смотри же, старайся, чтоб эти два качества шли рядом и радуй нас ими, как теперь.

Забываясь о правильном воспитании сыновей, Денис Васильевич в письмах просит свою сестру Александру Васильевну Бегичеву, живущую с мужем в Петербурге, по возможности следить за тем, чтобы ее племянники не заводили никакого знакомства с легкомысленными молодыми людьми — «ни с какими и ни под каким видом» — и не читали бы «безнравственных книг». «Безнравственные книги, — утверждает он, — не менее развращают безнравственных обществ. Других книг им (сыновьям) читать не надо, как исторические и вояжи; не брать memoires, где часто бог знает что городят... Человек без нравственности чем более учен, тем более он язва и для себя и для общества».

Когда же Николай, прельщенный блеском офицерского мундира, задумал оставить Училище правоведения и по примеру старшего брата стать военным, Денис Васильевич спешит объяснить ему:

Не платье и не род службы производят твердость характера и делают человеком, а природа и собственная воля. Много я знаю дряни, плакс и трусов в военных мундирах и даже в георгиевских крестах, и много знаю во фраках и в штатской службе людей отличных по твердости их, духу и неустрашимости.

По материалам статьи М. Попова Новое в эпистолярном наследии поэта-партизана. - В кн. Д. Давыдов. Записки партизана. Стихи. М., 1984.

Музей Д.В. Давыдова в Верхней Маэе

Двадцать лет назад к 200-летию героя Отечественной войны 1812 года, поэта Дениса Васильевича Давыдова в Верхнемазинской средней школе был создан историко-литературный музей. В его основу легли материалы, найденные юными краеведами под руководством молодого, увлеченного школьного учителя Александра Михайловича Бабина, которому удалось наладить связи с потомками поэта... За эти годы музей пополнился многочисленными ценными экспонатами, которым стало тесно в маленькой школьной комнате, встал вопрос о его реконструкции и расширении экспозиции. Нынешний юбилей поэта-воина может и должен стать новой страницей в жизни сельского музея.

Работа по сбору экспонатов началась с маленького объявления в еженедельнике «Книжное обозрение»: «Для создания музея поэта Дениса Давыдова необходимы издания его произведений и материалы о нем...» И теперь, четверть века спустя, нельзя без трепета читать письма правнуков прославленного сына Отечества. Немало фотографий, книг верхнемазинские ребята и их учитель истории получили от Ольги Николаевны Давыдовой, Льва Николаевича Давыдова, Софьи Денисовны Вельяшевой-Давыдовой, Лидии Александровны Давыдовой, Ольги Сергеевны и Анны Сергеевны Моисеенко-Великих. Сегодня, знакомясь с архивом школьного музея, поражаешься тому, с какой открытостью и уважением актеры и режиссеры различных профессиональных театров страны писали о своих постановках исторической драмы «Денис Давыдов», присылали фотографии из сцен спектакля, афиши, программы, как из киностудии имени Горького сельские краеведы получили сценарий кинофильма «Эскадрон гусар летучих». И сейчас, двадцать с лишним лет спустя, большой интерес вызывает огромная переписка, организованная А.М. Бабиным. Это письма из архивов, музеев, библиотек Москвы, Ленинграда, Смоленска, Саратова, Пензы, Куйбышева, Сызрани и многих других городов страны, откуда краеведы получили копии дореволюционных изданий о герое-поэте, сборники стихов и басен, «Дневник партизанской войны 1812 года», фотокопии писем и рукописей Дениса Давыдова.

Как и во всех маленьких и больших музеях, в Верхней Мазе внимание посетителей сразу привлекает так называемый предметный план: военная форма рядового Ахтырского гусарского полка, привезенный из киностудии имени Горького, муляжи наград героя, изготовленные в Москве, большой портрет Дениса Давыдова работы художника Клевогина, подаренный школьному музею областным краеведческим музеем. Серьезные и любознательные экскурсанты обычно не проходят мимо самых ценных экспонатов - страниц, написанных рукой самого героя-поэта.

Сейчас, когда идет подготовка к 220-летию со дня рождения славного сына России, в школе появились новые экспонаты. Это привезенная из Сызрани икона Верхнемазинской Покровской каменной церкви, воздвигнутой вместо деревянной вдовой поэта Софьей Николаевной в 1845 году; обнаруженная при вспашке огорода гранитная плита с могилы Софьи Петровны Давыдовой (урожденной Бестужевой), жены сына поэта-героя - Николая Давыдова, попечителя земской школы, открытой в селе 135 лет назад; и открытка, изданная Музеем революции Союза ССР в 1941 году. С кусочка сероатой пожелтевшей бумаги, видимо, висевшей в одном из сельских домов, смотрит наш знаменитый «усаач» - Денис Давыдов. На оборотной стороне неизвестно когда и чьей рукой цветными карандашами нарисован букет цветов, чуть ниже идут строки из стихотворения поэта: "...Но коль враг

ожесточенный // Нам дерзнет противустать, // Первый долг мой, долг священный // Вновь за родину востать". Эта реликвия напоминает нам, как знаменитый воин даже спустя целое столетие после своей смерти, в годы "сороковые грозные" с честью продолжал служить Отечеству.

Остановимся на некоторых рукописных экспонатах и архивных материалах Верхнемазинского школьного музея. Своё стихотворение «Бородинское поле» Денис Давыдов назвал элегией. Поэт воскрешает картину Бородинской битвы и ратные подвиги выдающихся русских полководцев - Петра Ивановича Багратиона, смертельно раненного на Бородинском поле, Николая Николаевича Раевского, умершего через три года после восстания декабристов, и Алексея Петровича Ермолова, который ещё на два десятилетия переживет своего друга Давыдова... Разделив лист бумаги на две половинки, поэт записал два варианта произведения. На левой части рукописи под названием элегии сделал такую приписку: «Исправленная Баратынским. Стихи подчеркнутые его фабрикой, а не подчеркнутые, мои» (здесь и дальше орфография и пунктуация авторов сохранены).

*Умолкнувшие холмы,
дол некогда кровавый,
Отдайте мне ваш день -
день вечной славы.
И шум оружия
и стучки и борьбу!
Мой меч упал
из рук моих - мою судьбу
Попрали сильные!
Счастливы горделивцы
Невольным пахарем
влекут меня на нивы...
О, ринь меня на бой,
ты, опытный в боях,
Ты взором рождающий
в полках
Погибели врагов
предчувственные клики,
Вождь Гомерический,
Раевский, мой Герой!*

*Ермолов! Я лечу - веди меня, я твой.
Ты определённый быть побед любимым сыном,
Покрой меня, покрой твоих перунов дымом!
Но где вы?.. Слушаю... Нет отзова! С полей
Умчался брани дым, неслышен стук мечей,
И я питомец ваш, склоняя главой у плуга,
Завидую костям соратника, иль друга.*

В правой части листа поэт даёт окончательный, отшлифованный вариант элегии, сделав следующую приписку: «10 января 1830 года». Сравнивая первоначальный и исправленный варианты, можно сказать, что по совету Евгения Баратынского, первое слово во второй строчке он заменяет глаголом *возвратите*, в следующей появляется почти пушкинская, более зримая картина: *пыль, дым, громады войск*, в четвертой меняется порядок слов, дальше вместо слов *взором* — *голосом, определенный — обреченный*. Читаешь рукопись и чувствуешь, что строки эти долго не давали покоя герою священной войны, навсегда вошедшей в историю России. Каждая строка элегии проникнута не только грустью, но и болью, горечью утрат физических и душевных.

Известно, что Д. Давыдов с 1807 года до самого начала партизанских действий против французов-захватчиков был адъютантом П.И. Багратиона. Раненный на Бородинском поле, великий полководец скончался в селе Сим Владимирской губернии и был захоронен в Богоявленской церкви, в имени генерала-лейтенанта князя Голицына. Д.В. Давыдов считал, что дела Багратиона принадлежат всей России и его прах должен найти последнее успокоение на Бородинском поле или в Александро-Невской лавре в Петербурге. Поэтому в августе 1837 года, в дни двадцатипятилетнего юбилея Бородинской битвы, Давыдов обращается к императору Николаю I с предложением перенести прах Багратиона на Бородинское поле. Полтора года Денис Давыдов из степного захолустья бомбардирует письмами военное министерство в Петербурге, и лишь к весне 1839 года в село Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губернии приходят бумаги о том, что в июле 1839 года на Бородинском поле намечается открытие монумента, возле которого с почестями будет погребен прах Багратиона. После получения официального извещения о погребении Давыдов пишет письмо А.Б. Голицыну.

«Что делать. Расставайся любезнейший друг князь Александр Борисович с прахом Багратиона, - и что ещё скажу тебе? Этой разлуки виновником человек истинно и от души тебя любящий, а именно: я. Я, как и ты, как и все в душе русские, скорбили, что наш герой, или лучше сказать, глава наших героев, аяк наших армий, Багратион, заброшен в пустынное место, тогда как бог знает кого хоронят в Александро-Невской лавре; все скорбили — никто не возвышал голоса! Конечно тебя утешало то, что прах Багратиона у тебя в имени и это простиительно, - но прах этот, ты сам знаешь, есть принадлежность

18 апреля
1837

отечества, а не частного человека, поэтому я никак не думаю, чтобы ты зная куда он теперь будет перенесён, огорчался этой для себя потерей. Напротив, сколько я тебя знаю, ты верно радуешься, что Багратион ляжет на место завоеванное им собственною кровью и жизнью. Славное место возле памятника погибшим за отечество... Государь назначил меня сопровождать прах покойного Багратиона, от твоего села Сим до Бородина, с тем, чтоб я прибыл в Бородино к 22 июля. В конвое будет Киевский гусарский полк, которому назначено выступить с гробом 6 июля... Я приеду туда может быть около 22 или 23 мая — будешь ли ты там, или искать тебя в Петербурге? Отвечай мне в Мазу Симб. губ. Сызран. уезда. Поцелуй за меня у киягини ручку.

Преданный тебе Денис Давыдов.
18 апреля. Маза.»

Но этим планам не суждено было осуществиться... Через три дня, 22 апреля 1839 года герой Отечественной войны, генерал-лейтенант кавалерии Д.В. Давыдов скончался, не успев завершить своего последнего дела...

В архиве музея есть письмо правнучки героя-поэта, О.Н. Давыдовой, в котором она излагает известные ей семейные предания о смерти своего знаменитого прадеда. По словам девяностотрёхлетней женщины, в семье её двоюродной сестры, Софьи Денисовны, есть описание смерти Дениса, составленное жившим в доме учителем детей.

Пока вдова Давыдова ездила хлопотать о погребении в Новодевичь-

ем монастыре, прах героя в течение шести недель покоился в склепе под алтарем Верхнемазинской церкви. В архиве школьного музея есть копия указа «его императорского Величества Самодержца Всероссийского из Московской духовной консистории и московского Новодевичьего монастыря игуменьи Мефодии высоко преосвященнейшему Филарету митрополиту московскому и коломенскому и кавалеру в отношении г. Синаодального обер Прокурора графа Николая Александровича Протасова от 24 мая сего 1839 года за №1078», в котором «изъявлено, что г. управляющий министерством внутренних дел сообщает Ему г. Обер Прокурору, в следствие представления состоящего в должности Симбирского Гражданского Губернатора последовавшего по просьбе супруги скончавшегося 22 минувшего Апреля, генерал-лейтенанта Давыдова разрешено перевезти тело покойного из села Верхней Мазы Сызранского уезда в Москву для погребения в девичьем Монастыре... Июня 5 дня 1839года» Этот документ из архива монастыря прислал школьным исследователям жизни Давыдова его правнук Лен Николаевич Давыдов-Вельяшев. И в одном из своих писем О.Н. Давыдова юным краеведам пишет о том, что «получив разрешение, повезли гроб на подводе, и Софья Николаевна, жена Дениса, шла за подводой пешком до самой Москвы». Похоронили его у могилы предков в Москве в тот день, когда древняя столица провозжала гробницу «вождя Гомерического, Багратиона великого» на Бородинское поле...

Более двадцати лет назад фотографии этих двух рукописей (элегия «Бородинское поле» и последнего письма Дениса Давыдова) по просьбе школьных краеведов были присланы в село Верхняя Маза Радищевского района Ульяновской области из Центрального государственного архива древних актов, где они хранятся среди бумаг друга и двоюродного брата героя-поэта, русского полководца А.П. Ермолова. Эти рукописи с почерком самого Дениса Давыдова через столетия доносят до нас не только любовь автора к легендарным героям Отечественной войны 1812 года. С музейных страниц этих рукописей встаёт замечательный облик одного из выдающихся и светлых личностей девятнадцатого века, с его неумейной энергией, активным жизнелюбием, преданностью соратникам и Родине.

Софья Узбекова

На фото:

1. Рукопись письма Д. Давыдова А.Б. Голицыну

2. А. Бабин в музее Д. Давыдова. 1984

Бронзовый генерал

История создания памятника Денису Давыдову интересна и поучительна. Предпринятая в 1944 году попытка установить памятник генералу в Верхней Мазе закончилась неудачей. Памятник был поставлен лишь в 1960-м году. Его автором стал скульптор Рафик Айрапетян, строительство и открытие бронзового монумента осуществилось благодаря радищевским комсомольцам.

В 1957 году старшина первой статьи Тихоокеанского флота Радий Николаевич Шаркаев, демобилизовавшись из армии, получил назначение на работу в школу села Софьино, где стал работать учителем и директором. Педагог по образованию, он нашел себя на ниве «разумного, доброго, вечного», но жизнь распорядилась иначе. В 1958 году подыскивали кандидатуру на должность первого секретаря Радищевского райкома комсомола. Второй секретарь обкома комсомола Виктор Алексеевич Белов остановил свой выбор на Р.Н. Шаркаеве. Радио было 22 года. На процедуре утверждения новому секретарю Радищевского райкома комсомола В.Н. Сверкалов (в то время – секретарь обкома комсомола) дал указание поставить памятник Денису Давыдову в Верхней Мазе, дабы военно-патриотическое воспитание молодежи велось на использовании «местного материала».

Шаркаев с большим энтузиазмом взялся за дело. Определил тактику сбора средств, после чего стал создаваться фонд. Первичные комсомольские организации в совхозах и колхозах проводили воскресники и субботники, а колхозы и совхозы, подсчитав их выработку, переводили деньги на субсчет райкома комсомола. Сюда же поступали средства от сбора металлолома. Сумма постепенно росла.

Автором проекта памятника стал ульяновский скульптор Рафик Арменакович Айрапетян. Бюст и пьедестал были выдержаны в стиле XIX века.

Приезжая в обком комсомола, Шаркаев докладывал о ходе работы. Наконец, гипсовая основа была готова, и, по совету Сверкалова, Шаркаев установил связь с секретарем комсомольской организации завода имени Володарского энергичным, деловым и инициативным Эриксоном Рыбочкиным. Директор завода Орлов не

стал оформлять радищевский заказ официально, а только сказал: «Это дело комсомольцев, вот пусть они и делают памятник в свободное от работы время». Комсомольцы-литейщики отлили бюст и надпись к нему.

Бюст был готов, оставалось вывезти его с территории завода, но это оказалось не просто. Официального заказа не было, памятник не проходил ни по каким бухгалтерским документам, как будто его и вовсе не было. А на вывозку материально-технических ценностей нужны были документы, подписи, визы. Решить вопрос с вы-

возом памятника за территорию завода мог только директор. Но его в это время на заводе не было. Тогда Эриксон погрузил памятник в машину, сам сел за руль, подъехал к проходной и попросил выпустить его с завода. Охранник посмотрел в кузов автомашины: в углу лежал какой-то строительный мусор (маскировка в духе Дениса Давыдова). Машину пропустили. Так Денис Давыдов начал свой путь в родную ему Верхнюю Мазу. Это было в марте 1960 года.

Началась подготовка к установке памятника. Место было выбрано подходящее, напротив Верхнемазинского сельского совета, где, по рассказам сельчан, когда-то стоял храм, а теперь был пустырь. Площадку облагородили, получился небольшой скверик.

Открытие памятника состоялось 16 июля 1960 года, в 176-ю годовщину со дня рождения Дениса Давыдова. На пьедестале – табличка: «Денису Васильевичу Давыдову от комсомольцев и молодежи Радищевского района. 1958–1960 год».

В настоящее время памятник перенесен к школе. Его переместили без совета со скульптором и архитектором, пьедестал сделали без проекта, в результате чего нарушили архитектурно-строительные каноны и правила оформления территорий мемориалов и памятных мест. Тогда Р.А. Айрапетян опубликовал протест в газете «Ульяновская правда». В ответ на это директор совхоза «Сызранский» В.А. Пешехонов признался, что не знал правил оформления памятников, а самого Айрапетяна считал классиком и не числил в живых. Но проект пьедестала все же заказал. Его сделал покойный уже архитектор Н.Н. Медведев. Однако пьедестал так и не построили. Не сделать ли это теперь, накануне нынешнего юбилея Д.В. Давыдова?

Р.Н. Шаркаев

Р.А. Айрапетян

Рудольф Азбукин

И этот край очарованья

Почему Давыдов изгнал себя из Москвы в этот глухой край? Скрылся, обиженный, обойденный боевыми наградами? По бедности согласился на жительство в имении жены? Нет, эти доводы давно опрокинуты фактами: бедец не был, с властями дружил, вольнодумство не поддерживал. Так что же? Выходит, сама судьба привела его в приволжское раздолье, чтобы встретил он здесь свою последнюю и трагическую любовь, пережил «неверность клятв и обещаний», познал «глухие рыдания» души. Должна же душа научиться страдать, кинуть и возноситься к небесам!

Мы едем в забытый Богом край, где, кажется, кончается Россия, и нет пути далее... Пурга заметает дорогу, горизонт перекрыт плотной стеной смурного тумана. Медленно движемся по берендееву лесу, меж старых сосен, опустивших игольчатые лапы под тяжестью густого, ватного инея... Уставшая выюга вдруг затихает и снисходительно открывает взору новую картину: величавый простор спящей степи, заснеженные холмы и небольшие горы с дружно обнявшимися перелесками. Любимые охотничьи места Дениса Давыдова! Все материальное, созданное человеком, подвержено праху, а божественное творение остается неизменным. Мы созерцаем то, что некогда видел Денис Давыдов, что вдохновляло поэта почти 200 лет назад...

Через год после свадьбы, в июне 1820 года Денис Васильевич впервые приехал в имение своей жены Софьи Николаевны. Он и предположить тогда не мог, что Верхняя Маза станет ему второй малой родиной. Но весной 1829 года, после долгих колебаний и сборов, семья Давыдовых переехала в Сибирскую губернию. Мечтая в тишине продолжить работу над военными записками, Денис Васильевич попытался вначале отстраниться от общения с соседями, от быта и забав. Но пылкий нрав не удержать в узле, и вот уже Давыдов ищет развлечения, покупает скаковых лошадей, борзых и тончих, устраивает охоты. С присущей горячностью

хватается за устройство господского дома и имения, а долгие вечера посвящает сочинительству.

Любовь пришла неожиданно. Софья Николаевна сама толкнула мужа на поездку в Пензу, где жил близкий товарищ Дениса Васильевича по партизанским действиям – Дмитрий Алексеевич Бекетов с семьей своего брата. Здесь-то и произошла роковая встреча с Евгенией Золотаревой.

Евгения – кто она? Та, которая «смяла на главе» смелого вояки боевой венок, «изгнала жажду славы» из его души, охладевшей к войне, и родила в сердце Дениса мучительные мечты, «поэтические волнения» и «поэтические страсти»?

Роман Д. Давыдова с Е. Золотаревой не освещался в печати до середины XX века: сыновья поэта приняли все меры к тому, чтобы скрыть от широкой огласки последнее увлечение отца, которое, как они утверждали, носило романтический характер, потому что Евгении якобы было всего 18 лет. Печатая же стихи, посвященные ей, родственники поэта нарочно ставили иной раз более ранние даты.

Автор романа «Денис Давыдов» обнаружил в архивах «Раздельную записку, учиненную семьей Золотаревых в Пензе 11 июля 1832 года». «Из этой записки, – пишет Н. Задонский, – видно не только семейное и имущественное положение Е. Золотаревой, приходившейся с материнской стороны

племянницей братьев Бекетовых, но и определяется ее возраст: к началу романа с Давыдовым ей было уже 23 года. Выходит, что она приходилась двоюродной сестрой великого русского химика Н.Н. Бекетова и дальней родственницей поэта А. Блока».

Денис Васильевич сразу же отметил «ум обольстительный с душевной простотой» и «в каждом слове мысль, и в каждом взоре чувство». Оказалось, Евгения не только слышала о поэте, но знает наизусть его стихи и преклоняется перед боевой славой Давыдова. Она лишилась матери в 12 лет и воспитывалась в семье своей старшей сестры Анны, много читала, увлекалась науками. Евгения не была пустышкой или легкомысленной кокеткой – просто потянулась к опытному рыцарю и страстному поэту.

...Мы приближаемся к Верхней Мазе. Глубокие волны снежной долины доносят до слуха хорошо знакомый мотив страстного романса на стихи Дениса Давыдова:

*Не пробуждай, не пробуждай
Моих безумств и иступлений,
И мимолетных сновидений
Не возвращай, не возвращай!
Не повторяй мне имя той,
Которой память – мука жизни,
Как на чужбине песнь отчизны
Изгнаннику земли родной.
Не воскрешай, не воскрешай
Меня забывшие напасти,
Дай отдохнуть тревогам страсти*

*И ран живых не раздражай.
Иль нет! Сорви покров долой!..
Мне легче горя своеволье,
Чем ложное холоднокровье,
Чем мой обманчивый покой.*

Денис не способен был жить в «обманчивом покое». Его сердце – стихия! Стихия живой природы, необузданного скакуна, степного простора, охотничьей травли, искрящегося вина, наконец, – любовного иступления, без которого – смерть!

...В Пензенском Дворянском собрании звучит музыка, кружатся пары, «кипит» Давыдов, словно «поток в дубраве шумной»: он держит за тонкую талию юную деву, и она, как «весенний розовый листок», «слетевший с берега на волны», тонет в бурном потоке. Евгения еще не знает, что с ней происходит, – ничего подобного она раньше не испытывала.

Новое стихотворение – «Вальс» – Денис Давыдов пошлет П. Вяземскому с просьбой не печатать в журналах, но стихотворение все же появится в печати и вызовет кривотолки, но что влюбленному до злых языков! Он ничего не видит вокруг себя...

*Когда я повстречал красавицу мою,
Которую любил, которую люблю,
Чьей власти избежать я льстил
себя обманом, - Я обомлел!..*

Нет, не дано было избежать Денису этой любви: она была послана Богом, и хлынул поток стихов.

*Я вас люблю не оттого, что вы
Прекрасней всех,
что стан ваш негой дышит,
Уста роскошествуют, и взор
Востоком пышет,
Что вы – поэзия от ног до головы!
Я вас люблю без страха, опасенья
Ни неба, ни земли,
ни Пензы, ни Москвы, -
Я мог бы вас любить глухим,
лишенным зренья...*

Давыдов дарит Евгении свои стихи, ищет встреч наедине, мечтая объяснить, и вот, наконец, впечатлительная девушка отвечает взаимностью. «Неужто я любим?» – не верит поэт своему счастью. А счастье – мимолетное, горячее – в эти летние дни 1834 года поглотило душу...

*И долгий взор ее
из-под ресниц стыдливых
Бежал струей любви
и мягко упал
Мне на душу – и на устах пылал
Готовый поцелуй
для уст нетерпеливых...*

Дружище Бекетов закрывал глаза на тайные свидания влюбленных в своем парке, Анна Дмитриевна пыталась как-то повлиять на воспитанницу, но авторитет Дениса Васильевича подавлял ее решительность.

Любовь вскоре обернулась душевными муками. Девушка все еще не

могла разобраться, любит она или принимает восторг за влюбленность. А Денис страдал. Мучилась и Софья Николаевна, быстро сообразившая, что с мужем происходит что-то неладное. Она приняла все меры для его водворения в семейное гнездо. Поездки в Пензу были запрещены.

В ноябре 1835 года Давыдов уехал в Москву, Евгения оставалась в Пензе. Ее наперсницей была Мария Рославлева. Девиц объединяли два обстоятельства. Их избранниками стали известные, неординарные личности: у Евгении – поэт-гусар Денис Давыдов, у Марии – поэт-вольнодумец Николай Огарев. Кроме того, и Давыдов, и Огарев были женаты. Образ Марии Рославлевой, воссозданный Герценом, нам хорошо знаком, известны и трагические последствия второго брака Огарева. Нетрудно догадаться, что Рославлева, умеющая в своих страстях идти до конца, не могла понять поведения подруги, которая не собиралась разрушать чужую семью. Наблюдая горячую, не ведающую преград любовь Марии и Николая, Евгения, возможно, поняла окончательно, что ее отношения с Давыдовым бесперспективны: он слишком привязан к детям и зависит от жены.

Зимой Золотарева и Давыдов встретились в Москве: Денис Васильевич примчался из Петербурга, как только до него дошел слух о возможном браке Евгении с пензенским помещиком Мацневым. Но она слухов не подтвердила: что ей до этого смешного и неинтересного (в сравнении-то с Давыдовым) старика, который сватается к ней уже пятый раз!

Увы, судьбе было угодно, чтобы Евгения обрекла себя на жизнь с нелюбимым человеком. Опубликованная Сабуровым сатира на пензенцев

задела честь многих дворян, в том числе и влюбленного в юную деву гусара Давыдова. Теперь Анне Дмитриевне удалось, наконец, повлиять на воспитанницу: Евгения дала согласие на брак с Мацневым. Каково было Давыдову пережить эту новость!

*Уходишь ты – и за тобою вслед
Стремится мысль, душа несется,
И стынет кровь, и жизни нет!..*

Он еще надеялся на «звезду спасения», когда в августе 1836 года поспешил в Пензу. На этот раз в доме Спицыных он не нашел радушия: прием был сухим и коротким. Объяснение с Евгенией только еще более обострило острую сердечную боль.

В Верхнюю Мазу Денис Васильевич возвращался совсем разбитый... Тот же август, то же степное раздолье, луговые цветы и травы... А где же та любовь, от которой всего лишь год назад пламенело сердце, и кипела кровь, и «брызгала поэзия»?

*Я оставляю все мечты
Моей души развороженной...
И этот край очарованья,
Где столько был судьбой гоним,
Где я любил, не был любим,
Где я страдал без состраданья,
Где так жестоко испытал
Неверность клятв и обещаний, -
И где никто не понимал
Моей души глухих рыданий!*

И он разлюбил этот край, «где был любим». Тоска и одиночество томили сердце. Бежать, бежать в Москву!.. Но умереть Давыдову суждено было в Верхней Мазе. Вдова перевезла тело воина в Москву, к родовым могилам, а душа поэта осталась с его влюбленной, в приволжских степях...

Ольга Шейнак
фото В. Селищева

Рис. А. Кузнецова

Первым на памятном собрании выступил бывший колхозный конюх Николай Борисович, служивший при лошадях у Николая Денисовича Давыдова, сына героя 1812 года, а отец его, Борис Волков, мальчиком был в дворне самого барина Дениса Васильевича.

Много рассказов о знаменитом земляке осталось в народной памяти. Горяч Денис Давыдов был – обидчикам крестьян спуска не давал. Однажды отправил жалобу в Санкт-Петербург на соседнего помещика за то, что тот, имея запасы хлеба в неурожайный год, морил голодом своих крестьян, отправляя их просить милостыню Христа ради. Степные просторы манили отставного удалого гусара. С утра на коня – и поминай как звали. Но в непогоду сядил за стол – что ни день, то новый стих, а то и проза, воспоминания – благо есть, о чем вспомнить: прошел через шесть боевых кампаний. Иногда читал вслух первые издания Пушкина, подарок поэта. Говорили, что после его кончины Давыдов подолгу сидел в кабинете, подперев руками голову, глядя на портрет Александра Сергеевича и на стену, где висели пистолеты и сабли. Тихо ругался при этом: сплетники, бабы обоего пола. И эти г... завистники сжили со свету громодержавного орла.

Сохранились воспоминания о последнем дне поэта-гусара. Денис Васильевич с утра заглянул на кухню – сготовьте любимой медвежатины. Сел за стол продолжать писать воспоминания о своем партизанском былом. Внезапно перо выпало из рук. Лекарь определил: случился удар.

Колхозники, забыв о войне и горячей страде, внимательно слушали выступающих. Вторым вышел 70-летний дед Носанов, который еще продолжал трудиться, заменяя ушедших на фронт.

- Старики мне говорили, идет, бывало, барин по селу и не погнушается заглянуть то в одну избу, то в другую – расспросить о житье-бытье. Нужда есть, сеудит хлеб до урожая, даст денег молодой семье на обзаведение, на приобретение лошадки или коровы: мол, отработаешь. А помер-то он оттого, что не в милости был у самого царя. За что отставили его от воинской службы. Суворовский воспитаник стал не ко двору. А также дерзок был на язык в стихах и в сочинениях.

В военные годы в селе самый главный человек – почтальон. Его ждут, ждут и боятся: вдруг в треугольнике с до боли знакомым номером полевой почты окажется стандартный бланк – похоронка...

Но почтальон не только разносил печальные вести с фронта. Летом 1944 года в далеком Радищевском селе Верхняя Маза он пригласил всех на собрание, посвященное знаменательному событию – 160-летию Д. Давыдова.

“Прошла борьба моих страстей...”

К истории создания романа Николая Задонского о Денисе Давыдове

Не велено его было даже пускать ни в Петербург, ни в Москву, как и генерала Ермолова, тоже сосланного в деревню. А брат его двоюродный был в ссылке как декабрист. И жил он здесь, в Мазе, под надзором.

Рассказ старика продолжил местный учитель:

- Впервые Денис Васильевич прибыл к нам с молодой хозяйкой супругой Софьей в 1820-м году. А с 1829 года жил у нас почти безвыездно за исключением поездок по литературным делам в Петербург и Москву... Пришло время помянуть Дениса Васильевича не только за его воинский героизм и за стихи его и за прозу, но и за то, что наш Давыдов был поборником просвещения народа в нашем Радищевском крае. Незадолго до своей внезапной кончины он распорядился употребить все деньги, вырученные за его стихи, на прибавку жалованья народным учителям. А на средства от проданного хлеба велел приобрести книги для своих сыновей: «Эта библиотека будет памятью им обо мне после кончины». Жаль, что мы не знаем, куда подевались эти книги и его богатейший архив. Но недавно я узнал о том, что потомок Дениса Васильевича до сих пор проживает в Москве и хочу ему написать о нашем собрании и о желании организовать после войны здесь музей. А что касается разговоров о том, что он отравился – все это сказки. Не таков был наш герой. Здесь все сплелось: и материальная зависимость от доходов супруги, и ее непонимание литературных занятий и общественных интересов мужа, и гнет цензурных рогаток, и отдаление бывших друзей, приближенных ко двору Жуковского и Вяземского, и, конечно же, гибель Пушкина.

В письме Вяземскому по поводу смерти Пушкина он писал: «Не раз сам видел на поле боя смерть. А это Бог знает какое несчастье. Грустно, что рано, но если умирать, то умирать как должно...».

*Прошла борьба моих страстей,
Болезнь души моей мятежной,
И сердца судорожный трепет,
И смерти жизнь при встрече с ней.
Исчезло все. Покой желанный
У изголовья сидит.*

...Демобилизованный из армии по ранению бывший фронтовик, а ныне бригадир, рассказал собравшимся, что

по роду своей службы ему не раз приходилось бывать в разведке и общаться с партизанами. Он воевал в тех же краях, где некогда Денис Давыдов бывал и близ легендарного Бородино, где у Давыдова тоже было поместье. И народные мстители рассказывали ему, что они по примеру той Отечественной войны, изучив опыт партизанских действий Давыдова, применяли их на практике - делали внезапные налеты на немецко-фашистские гарнизоны, на их фуражиров-мародеров. Фронтовик напомнил собравшимся, что близ старой Смоленской дороги, где некогда партизанил гусар, действовал партизанский отряд имени Дениса Давыдова.

Мазинский учитель продекламировал пламенные строки поэта-патриота, в которых Денис Васильевич писал, что немало врагов зарилось на изобилие и богатства России, но все их попытки дорого стоили завоевателям. Учитель напомнил пророческие слова поэта о том, что если поднимется во весь исполинский рост Отчизна - горе неприятелю.

Завершающим выступлением собрания стала речь председателя колхоза Василия Андреевича Логинова. Отдав дань уважения ратным подвигам своего земляка, он перешел к теме современности - напомнил про вклад мазинцев в приближающуюся победу.

В протоколе собрания записали решение: считать собрание конференцией, посвященной 160-летию со дня рождения Дениса Давыдова. В центре села решено было разбить сад-парк и ходатайствовать перед властями о постановке в нем памятника Д. Давыдову. Направили просьбу к районным и областным властям о присуждении колхозу имени Дениса Давыдова через областную газету «Ульяновская правда».

Вскоре в командировку в Верхнюю Мазу приехал Николай Задонский, живший в эвакуации в Ульяновске и входивший в литературную группу, работавшую при областной редакции. Редактор газеты просил литератора выяснить, знают ли на родине героя о том, что Ульяновский облисполком уже принял 17 марта 1944 года решение «Об увековечивании памяти героя Отечественной войны 1812 года поэта-партизана Дениса Давыдова». В нем уже предусматривалась постановка памятника Давыдову в селе, где он прожил последние годы.

Ознакомившись с протоколом собрания, Задонский отправился к старейшим колхозникам. Вместе с ветераном Волковым они поднялись за село на взгорок, где еще сохранились аллеи акаций усадьбы Давыдовых. Подошли к старой школе. На местной амбулатории, громко именуемой больницей, уже была надпись - имени Д. Давыдова. Прошли на кладбище. Здесь некоторое время в старом склепе покоился гроб с телом Дениса Васильевича, пока шли хлопоты о его захоронении в Москве на Новодевичьем кладбище. Старожил показал корреспонденту пустое место между избями. Здесь стоял дом кучера Дениса Васильевича. Терентия барин выкупил у владельца, который издевался над бывшим партизаном, дал ему вольную и взял к себе кучером.

14 июня 1944 года в «Ульяновской правде» на второй странице был опубликован очерк «Верхняя Маза». Его предвзвешенная фотография главной улицы села, мало изменившейся за свою столетнюю историю. Н. Задонский рассказывал в очерке о последних годах жизни партизана и поэта.

В начале августа 1944 года в большом зале областной библиотеки прошло торжество, посвященное юбилею Давыдова. Библиотекарь Ложкина сделала обзор литературы о юбиларе. В зале собрались практически все литераторы Ульяновска: С. Шагарова, А. Гринберг, Н. Краснов, В. Дедюхин, П. Бейсов, Е. Баев, Н. Жмылев. Внимание присутствующих привлекла статья В.Н. Поливанова о Де-

нисе Давыдове, опубликованная еще в 1891 году, а также «Замечания на некрологе Н. Раевского Дениса Давыдова - экземпляр, подаренный автором помещику Соловцеву в 1833 году».

С этого времени писатель Н. Задонский часто работал в отделе редких книг и публикаций Дворца книги и в областном госархиве. И вот пришла первая удача. Он расшифровал имя той, кому был посвящен знаменитый романс, часто звучавший с эстрады в военные годы, - «Не пробуждай».

Имя последнего сердечного увлечения Дениса Давыдова тщательно скрывалось от потомков его сыновьями. В ульяновском и пензенском архивах исследователю удалось выяснить имя 23-летней девушки, которой симпатизировал Денис Давыдов. Ею оказалась Евгения Золотарева из известного рода Бекетовых. О сильном, мучительном чувстве к ней свидетельствуют стихи:

*Не повторяй мне имя той,
Которой память - мука жизни.
Как на чужбине песнь отчизны
Изгнаннику земли родной.*

В конце ноября «Ульяновская правда» опубликовала итоги конкурса проектов памятника Денису Давыдову. Победил проект В.Н. Федорова.

Воображение мазинцев уже рисовало в центре парка монумент, к которому ведут ступени. На фасаде квадратной глыбы - барельеф поэта-героя. Справа и слева - сцены из Отечественной войны 1812-1814 года. А сверху над глыбой - стелла, символизирующая величие победы русского народа и его героический подвиг. Газета сообщала, что в скором времени проект будет принят к исполнению. Сами мазинцы предложили изготовить монумент из песчаника, добываемого в местных карьерах.

Но проект так и не увидел свет. И не будем никого в этом винить - было голодное военное время. Радищевский район не выполнял финансовый план по доходам, и у председателя облисполкома Евсеева не поднялась рука перераспределить средства из скудного областного бюджета на изготовление и установку памятника в далеком радищевском селе.

Послесловие...

Памятник был поставлен в 1960-м году. Автором его стал ульяновский скульптор Р. Айрапетян. Любопытно, что инициатору создания памятника секретарю обкома ВЛКСМ В.Н. Сверкалову был объявлен на бюро выговор. Оказывается, все вопросы по установке памятников надо было согласовывать с Советом Министров РСФСР, а этого не было сделано.

В послевоенные годы писатель Задонский переселился из Ульяновска в Воронеж. Через восемь лет после своего визита в Мазу писатель прислал в сельскую библиотеку свою книгу «Историческая хроника жизни и деятельности Д. Давыдова. 1952 год». А через четыре года он поставил последнюю точку в двухтомной рукописи романа «Денис Давыдов».

700-страничный труд вышел в свет лишь в 1956 году. В предисловии автор указал, что до сих пор еще не вышла в свет полная биография Давыдова и он выполняет волю поэта-партизана, который просил своих друзей, Жуковского и Вяземского, написать его некрологию, жизнеописание, но не как воина и поэта, а как одного из поэтических лиц русской армии.

Такова история, необычно начавшаяся в летние дни 1944 года и завершившаяся созданием уникальной книги о нашем земляке.

Владимир Радаев

Последний приют

Герой первой Отечественной войны, больше всего ненавидевший интриги и сплетни, был обойден в чинах и наградах, в 1831 году вышел в полную отставку и переехал на постоянное место жительства в степное имение Верхняя Маза. В своей автобиографии поэт так охарактеризовал этот период жизни: «Опять в степях своих, опять гражданин, семьянин, пахарь, ловчий, стихотворец, поклонник красоты во всех ее проявлениях...»

Чем же Денис Васильевич занимался в “степях своих”? Чем привлекала Верхняя Маза поэта-партизана?

Вот как описывается село Верхняя Маза в архивных документах второй половины XIX века: «Из Нижней в Верхнюю Мазу дорога идет сначала по узкой долине, далее скат, отлого спускающийся; почва глинистая, не видно ни травы, ни хлебов. Верхняя Маза бедна постройками. Нельзя думать, глядя на ветхие избы, чтобы крестьяне жили богато. Проулки встречаются нечасто... В селении речка Мазка и колодцы, вода в колодцах солоноватая. Недоимок нет. Крестьяне топят кизяки, не покупая леса...»

Как видим, ничего особенного. Но в первый же приезд сюда в 1820 году Давыдов увлекся охотой - она была в тот год особенно удачна. Господский дом требовал капитального ремонта, поэтому пришлось заниматься и хозяйственными делами. Основное же занятие - приведение в порядок военных записей и поэтические упражнения. Каждое новое издание стихов мазинского периода вызывало восторженные отзывы и увеличивало популярность Дениса Давыдова. Часто первым слушателем стихов был старший сын Василий. Вот как вспоминает он об этом: «Поэту всегда нужны слушатели, и я помню, что иногда при рождении поэтического дитя он брал меня, 12-летнего мальчику, и с жаром читал мне свои стихи, которым я внимал с любовью, но столь же мало понимал их, как няня Пушкина. Листы, на которых писана и проза, и стихи, напоминают иероглифы по трудности их чтения от беспрестанных

помарок. Он был вообще очень строг относительно оборотов речи и тщательно разрабатывал свои произведения. Статьи его появлялись тогда в «Библиотеке для чтения» Сенковского и в «Современнике» Пушкина... Сенковский по его привычке исправлять слог статей... имел дерзость совершенно портить крайне своеобразное изложение статей моего отца. Пушкин, узнав об этом, писал Денису Васильевичу: «Сенковскому учить тебя русскому языку, все равно, что внуху учить Потемкина».

Чтение, деятельная переписка с друзьями и псовая охота - вот что наполняло его досуг.

Интересно одно из писем (1834 г.) графу Ф.И. Толстому, где Денис Васильевич пишет: «Я здесь, как сыр в масле... Посуди: жена и долгожданные дети, соседи, весьма отдаленные, занятия литературные, охота псовая и ястребиная - другого завтрака нет, как дупеля, облитые жиром, и до того, что я их и мариную, и сушу, и черт знает, что с ними делаю. Потом свежие осетры и стерляди, потом, ужасные величиной и жиром, перепелки, которых сам травлю ястребами...»

Старожилы села еще помнят истории, повествующие о грабежах на дорогах, особенно на Хвалыинск и Сызрань. В этом же письме Ф.И. Толстому читаем: «...у меня есть и другая охота, от которой ты, верно, не отказался бы - гоньба за разбойниками. Здесь их довольно, и так нахальны, что не довольствуются разбоями на дорогах, а штурмуют господские дома».

Я по старой партизанской привычке и за ними гонюсь, хотя они, всех грабя, всякую мою собственность и мужиков моих щадят”.

У всех Давыдовых со своими крестьянами были хорошие отношения. По приезду в деревню Денис Васильевич запретил телесные наказания, убавил барщину, уменьшил оброк, открыл школу. Он часто посещал крестьянские избы. Интересовался, в чем нужда, спрашивал у стариков, как лучше обустроить земли. И все-таки всегда испытывал перед народом чувство невыполненного долга. В одном из писем он признался: “Я вздумал все вырученные мною деньги за сочинения мои употреблять на прибавку жалованья учителям и на покупку книг детям моим. Мне хочется, чтобы в совершенном возрасте сыновей моих они знали, что на воспитание их были употреблены не одни деньги пшеничные, но и те, которые я приобрел головой. Это может послужить им примером, ибо хороший пример действительнее всякого словесного наставления”.

Старожилы вспоминали такой случай: “Однажды в ночь у Давыдовых занемог слуга. Дело было осенью, за окном дождь, дороги размыты. Но Денис Васильевич посылает за фельдшером за 20 верст к соседу помещику с просьбой одолжить медика на ночь”. Этот факт подтверждается письмом самого Давыдова. По соседству с Мазой в деревне Бестужевка жил дядя декабриста Бестужева, помещик средней руки А.В. Бестужев. В его имении Репьевка часто бывал Давыдов, писал соседу письма. Вот отрывок из одного письма 1836 года, подчеркивающий отношение поэта к своим крепостным: “Позвольте, любезнейший Алексей Васильевич, принять в больницу вашу человека моего на несколько дней. Он человек хороший, для меня очень нужный и которого мне не хотелось оставить здесь. Вы меня обяжите согласием на мою просьбу”.

Интересно еще одно воспоминание, записанное у Н.Б. Волкова: “Я родился, когда барин у нас был Николай Денисович... Но отец мой в дворовых мальчиках у самого Дениса Васильевича находился и всегда, бывало, добрым словом его вспоминал... Против соседних господ Денис Васильевич куда как справедливый был! Случится ежели пожар или недород произойдет — он всегда поможет... Лошадей очень любил. Не только что своих, но и всяких. Бывало, ежели заметит, что у мужика лошадь справная, обязательно остановит. “Спасибо, — скажет, — что ты за лошадью хорошо ходишь, вот тебе полтина за усердие”. А ежели кто плохо ухаживает, лучше на глаза ему не попадайся...”.

В фонде музея Верхнемазинской средней школы имени Дениса Давыдова есть интересная фотография: пруд правильной четырехугольной формы в окружении огромных деревьев (фотокопия попала из архива родственницы поэта — Дарьи Николаевны Давыдовой). Денис Васильевич очень любил рыбную ловлю. Но речка Мазка глубока лишь в некоторых местах. Давыдов нанял крестьян, и они почистили русло речки, а также вырыли котлован под пруд, куда впоследствии были выпущены мальки 15 видов рыб. В посадке деревьев (это были ветлы) принимал участие и Денис Давыдов. При нем был заложен парк и сад, где росли цветы, семена которых хозяева выписали из Москвы и Петербурга. Была и прекрасная оранжерея, там выращивались абрикосы, персики, грецкие орехи, столь редкие в наших местах.

Образ жизни Давыдова в Верхней Мазе был строго размерен и неизменно определен. Вот что вспоминает об этом старший сын Давыдова Василий:

“Вставал регулярно в три часа утра, зимою и летом садился писать, завтракал в девять часов при утреннем чае, гулял или, лучше сказать, производил усиленную ходьбу непременно столько-то верст по измеренному им неоднократно саду; обедал в три часа и засыпал в кресле на несколько минут в пылу самого живого разговора с усиленным храпом, продолжая давать ответы. Потом снова письменные занятия, и наконец вечером — шутки и разговоры, всегда оживленные и интересные за вечерним чаем, а в десять часов покой. Вот жизнь его в последние годы; при этом самая умеренная пища... Но зато повсюду и всегда его сопровождала трубочка, которую он набивал сам и курил целый день, несмотря на свои недуги, кашель и удушье”.

Каковы же итоги мазинского периода жизни Дениса Давыдова? Здесь были написаны им лучшие поэтические произведения, здесь появились его замечательные военные воспоминания об Отечественной войне 1812 года, о партизанском движении, о Суворове, Кульневе, Раевском и других славных русских полководцах, с которыми сталкивала его судьба. Сюда, в Мазу, приходили столичные журналы, книги Пушкина с дарственными надписями.

Давыдов много сделал для улучшения жизни крепостных: были отменены наказания, дети крестьян получали образование и медицинскую помощь. Поэтому все горевали, когда узнали о том, что 22 апреля 1839 года около семи часов утра Денис Васильевича, их помещика, друга, покровителя, не стало. Последнее время его мучила астма, приступы которой усиливались весной и приводили генерала в совершенное изнеможение, но за лекарем для себя он так и не послал. Здесь, в Верхней Мазе, закончился жизненный путь великого сына России.

После Дениса Васильевича Давыдова помещиком в Мазе считался его сын Николай Денисович, а затем внук — Николай Николаевич.

В конце июня 1920 года дом Давыдовых был сожжен. Пожар уничтожил почти все постройки усадьбы. В огне погибла и обширная библиотека. Сад вымерз и вырублен, пруд зарос, речку никто не чистит, и лишь огромные ветлы да название части улицы, где стоял дом, — “Сады” — напоминают о том, что в этом степном старинном селе провел часть жизни (десять лет: с 1829 по 1839) поэт-партизан Денис Давыдов.

Ольга Чибова

Иллюстрации:

1. Н. Поливанов. Охота в Верхней Мазе. Акварель из фондов Ульяновского областного художественного музея.
2. Пруды в Верхней Мазе. Фотокопия начала XX века.

Как только ни боролись в разные времена с пьянством на Руси! И смертью наказывали, и чугунную семкилограммовую медаль с надписью «За пьянство» вместо вериг на шею вешали, и к позорному столбу гвоздили, и общества трезвости насаждали! А порок жив и поныне. Не так-то легко его искоренить в стране, где каждый с детства помнит знаменитую пушкинскую строку: «Выпьем с горя. Где же кружка? Сердцу будет веселей».

Приют любви и вольных муз

В старину в среде высшей знати то и дело возникали общества нетрезвости, учредители которых посвящали свой досуг хорошей выпивке, поклонялись веселому Бахусу и утешительнице Киприде.

Одним из зачинателей традиции был Петр I. Наряду с новомодными ассамблеями и маскарадами учредил он и «всепьянейший собор» по типу английских клубов обжор и пьяниц, которые, кроме поклонения Бахусу, вели борьбу с абсолютизмом Стюартов. «Всещутовские» и «всепьянейшие» соборы Петра I тоже не были безобидны: они кощунствовали над старыми церковными соборами и являлись ареной борьбы Петра с церковью. В минуты досуга царь сам разрабатывал устав для учрежденного им «всепьянейшего собора», обнаруживая дар юмориста. Все члены носили духовные титулы. Главным был князь-папа, второй по чину – кокуйский патриарх. Дальше шли владыки, архиереи, попы, князь-игумены. Себе Петр определил сан протодьякона, а в князь-папы неизменно назначал своих любимцев.

Со смертью Петра собор прекратил свое существование, но несколько десятилетий спустя в России появились общества нетрезвости в среде степенных и важных масонов, и назывались они «столовыми ложами». Собрания эти всегда происходили тайно, на пиришестввах, как и в петровские времена, присутствовали свои ритуалы, а все предметы имели свои названия: стакан – называли пушкой, бутылку – бочонком, вино – красным порохом. На сборищах каждый фрер (брат) имел свой бочонок красного пороха и заряжал свою пушку.

В одно время со столовыми масонскими ложами существовало в Петербурге дружеское разгульное общество «Галера», членами которого были известные поэты П.А. Вяземский и В.Л. Пушкин.

В начале XIX века появилось еще одно веселое общество – «Общество кавалеров пробки». Основал его неистощимый весельчак И.П. Бунин. По статусу общества каждый «кавалер» должен был носить в петлице особый знак – пробку. На одном из заседаний пробочников присутствовал наш земляк, симбирский полицмейстер Э.И. Стогов. В своих записках он оставил описание одного из петергофских сборищ «пробочников»: «За обедом садились между дамами мужчины, пели хором песню, кажется, сочиненную Буниным (основателем общества):

*Поклонись сосед соседу,
Сосед любит пить вино;
Обойми сосед соседа,
Сосед любит пить вино;
Поцелуй сосед соседа,
Сосед любит пить вино.*

После каждого пения исполнялось точно по уставу: соседи-члены проделывали все, что пелось, то есть кланялись, обнимались, целовались и так далее».

Не правда ли, знакомая песенка? До сих пор этот незамысловатый образец из репертуара русского застолья распевают в шумных компаниях, не зная ее полного текста.

А там есть, впрочем, и такие строки:
*Подобно древне Ганимеду
Возьмемся дружно за одно,*

И наливай сосед соседу:

Сосед любит пить вино.

Денис! Тебе почет с поклоном,

Первоприсутствующий наш!

Командуй нашим эскадроном

И батареи крупных чаи.

Правь и беседой и попойкой,

В боях наездник на врагов,

Ты партизан не меньше бойкой

В горячей стычке острых слов.

Поэт, гусар и гуляка Денис Давыдов входил не в одно подобное общество. Наряду с обществом пробочников в Петербурге существовало еще одно баховское братство под названием «Зеленая лампа». Его посещали многие светские столичные львы. Первым в его рядах был всеми нами любимый поэт А.С. Пушкин. Были там Мансуров, Я.Н. Толстой, Всеволожский, князь Шаховской.

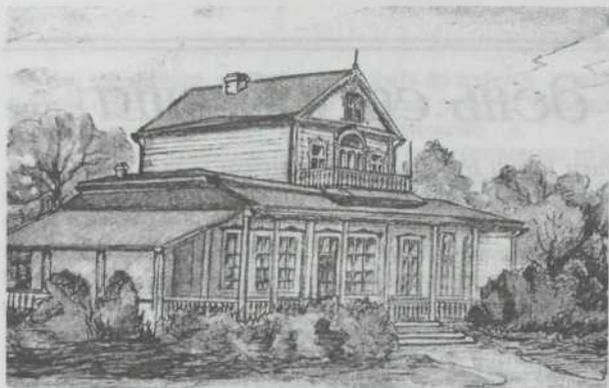
В письмах Пушкина нет-нет да и проскользнет упоминание о «Зеленой лампе». Например, в письме Мансурову (27.10.1819) поэт писал: «Зеленая лампа» нагорела, кажется, гаснет, а жаль – масло есть (то есть шампанское нашего друга). Но общество не угасало еще как минимум пару лет, о чем свидетельствует стихотворение Пушкина, отправленное с юга Я.Н. Толстому, в котором прослеживается и отношение Пушкина к «лампе» и ее устои:

*... В изгнание скучном каждый час,
Горя завистливым желаньем,
Я к вам лечу воспоминаньем,
Воображаю, вижу вас.
Вот он приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство,
Где своенравный произвол
Менял бутылки, разговоры,
Рассказы, песни шалуна,
И разгорались наши споры
От искр, и шуток, и вина.
Я слышу, верные поэты,
Ваш очарованный язык...
Налейте ж мне вина кометы,
Желай мне здоровья, калмык.*

Слуга-калмык, о котором упоминает Пушкин, являлся неотъемлемой принадлежностью общества лампистов. В его обязанности входило желать здоровья тому, кто оскорблял слух собравшихся пошлым словом. Именно на это и намекает Пушкин в последних строках стихотворения.

Общества нетрезвости появлялись изредка и в другие времена в других местах, но они никогда не были многочисленными и почти нисколько не влияли на ход нашей непростой истории.

*«Исторический вестник» читала
Татьяна Громова.*

Дом Д. Давыдова в начале XIX века.

Анатолий Егорович Андреев родился в Кузоватовском районе, вырос в крестьянской семье, где был старшим из четверых детей. В школе слыл отличным рисовальщиком: и стенгазеты оформлял, и сатирические листки выпускал. Не думал тогда, что его жизнь будет как-то связана с живописью. После школы поступил в Ульяновский сельскохозяйственный институт, а вскоре после его окончания пришел работать учителем труда в Октябрьскую среднюю школу Радищевского района. Но интерес к рисованию не угас, а еще более окреп, и Анатолий Егорович начал активно сотрудничать с районной газетой «Восход» как иллюстратор. Чтобы поднять уровень мастерства, он поступил на заочное отделение Московского народного университета искусств.

В 1969 году появилась его первая картина пейзажного жанра – «Поселок Октябрьский. Весна». Ныне она экспонируется в Радищевском краеведческом музее в составе небольшой авторской коллекции. В ряду работ художника выделяется картина «Воспоминания о 1944 годе», где изображен автор рядом с матерью-трактористкой. Работа демонстрировалась на областной выставке в Ульяновске, Всесоюзной выставке в Москве, а также в Польше.

Неустанно воспевает А.Е. Андреев свою вторую родину – поселок Октябрьский. Здесь он женился, здесь родились его дети. Красота природы, преломляясь через призму души художника, нашла отражение в его картинах «Вид на пруд», «Весна близится», «Пруд в парке», «Осень», «Панорама поселка Октябрьский» и других работах.

Одна из улиц в Мазе в XIX веке.

Имя самодельного художника Анатолия Егоровича Андреева хорошо известно в Радищевском районе. Его кисти принадлежит около двухсот картин различных жанров. Центральное же место в творчестве занимают темы, связанные с жизнью и деятельностью поэта-партизана Дениса Давыдова.

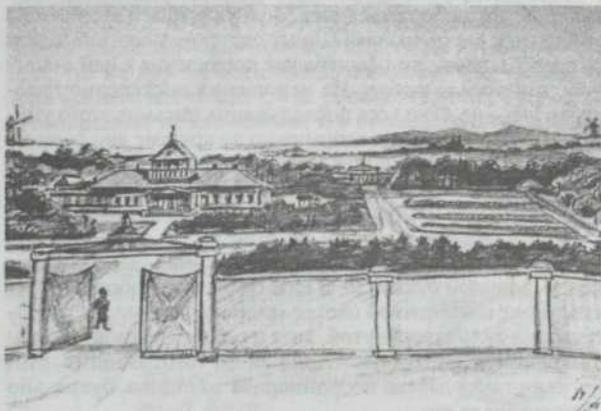
Певец родного края

Центральное место в сегодняшнем творчестве художника занимают темы, связанные с жизнью и творчеством поэта-партизана, героя Отечественной войны 1812 года Дениса Давыдова. Особый интерес Анатолий Андреев проявляет к периоду жизни поэта в Верхней Мазе. Его картина «Денис Давыдов в Мазе» представляла Ульяновскую область в Москве на Всероссийской выставке самодельных художников и мастеров-умельцев. Автор признается, что всякий раз, когда начинает работу, посвященную Д.В. Давыдову, испытывает глубокое волнение от соприкосновения с этой героической личностью.

Много лет работает А.Е. Андреев над давыдовской темой и убеждается, что исчерпать ее невозможно. Одна из картин – «Встреча с ветераном» – создана по рассказам мазинских старожилов. Согласно легенде, Давыдов оказывал покровительство бывшему однополчанину, крепостному, попавшему в барскую немилость. На полотне изображен момент их встречи у входа в церковь. Эту картину художник преподнес в дар Радищевскому краеведческому музею к его открытию (1982 г.). По его мнению, овсяная ветрами степная Мазя оказалась притягательной для духа свободы, который свойственен натуре Давыдова, – и эту мысль художник пытается отразить в своих работах.

Картины самобытного художника стали культурным достоянием радищевцев. Живопись А.Е. Андреева украшает стены музеев, школ, домов культуры и других учреждений района. Анатолий Егорович не собирается бросать любимое дело, он воплощает в полотнах новые идеи и творческие замыслы.

Галина Корсакова

Усадьба Д. Давыдова в XIX веке.

«И каждый день страдания...»

Это фраза из дневника Юлии Буторовой, правнучки Дениса Давыдова. Она родилась в Верхней Мазе в 1885 году. Накануне 1914 года жила в Петербурге, была вхожа в высший свет. Из ее дневников явствует, что Юлия Владимировна была хорошо знакома с председателем Госдумы Родзянко, министрами и крупными правительственными чиновниками. В качестве сестры милосердия Красного Креста она принимала участие в первой мировой войне. Часть ее записей адресована конкретному человеку — штабному офицеру царской армии Алексею Крейгельсу.

Может возникнуть вопрос: а этично ли исследовать сугубо личные записи, порою глубоко интимного содержания? Если бы это касалось нашей современницы, то, разумеется, нет. Но нас с их автором и адресатом разделяет чуть ли не век, вместивший другие не менее жестокие войны, а также революции, потрясшие до основания как общественный строй, так и сознание целых народов. Россияне же, пройдя через все тернии и испытания, ныне постепенно возвращаются на круги своя, к своим истокам. Возрастает наш интерес к тому, какими они были — наши предшественники, что их волновало, как они любили, во что верили и во имя чего страдали.

В пользу такого исследования говорит и то, что эти записи, хранящиеся в архиве города Сызрани, давно обрели статус исторического документа той эпохи, в которую жили их герои. Да и каждый отдельно взятый человек — это тоже целый мир со своими бурями и страстями. И куда как интереснее знакомиться с ним не по научно-историческим трактатам и даже не по хрестоматийным произведениям о первой мировой, а по реальным письмам человека той поры, охватывающим период с 10 августа 1915 года по 31 января 1916-го. И если в целом дневники Ю.В. Буторовой аккуратно фиксируют все происходившее на фронте и в тылу, то неотправленные письма вошли в особую тетрадь. А поводом для их написания послужило знакомство Юлии Владимировны с Алексеем Крейгельсом, случайно заглянувшим к ним на елку.

«Тогда душа не тянулась (еще) к тебе, — признается в одном из таких писем Юлия Владимировна, — искала дружбы, было жаль тебя, и тянула к тебе симпатия: милый, хороший человек, одинокий, заброшенный на глухой станции». Тогда же она подарила ему за неимением чего-то другого папиросы, сделав на пачке соответствующую надпись. Знала бы она, чем все это для нее обернется!

Юная дворянка, по собственному желанию попавшая в кипящий котел беспощадного Молоха войны и оторванная от близких, восприняла обычные светские знаки внимания со стороны заезжего офицера как проявление к ней взаимной симпатии и любви. Их отношения постепенно перешли в близкие. И во всех последующих письмах этого уникального дневника она вспоминает те краткие дни совместного счастья, которое Юлия Владимировна обрела с любимым ею человеком в Галиции, в захудалом городке Черткове (ныне Чортков Тернопольской области Украины).

К сожалению, Алексей не ответил ей взаимностью, увлеченный другой женщиной. В письмах она проходит под загадочной буквой Н. В классическом любовном треугольнике влюбленной сестре милосердия выпала благодарная роль отвергнутой, хотя и не ободенной поначалу вниманием, стороны. Стоил ли он того? Видимо, стоил, если такая далеко неординарная женщина, буквально обожествляла его.

«Я верю твердо, что на такое чувство, как мое, способны не все люди, — признается она. — Знаешь, нет вины, которую я бы тебе не простила, той жизни, на которую я не пошла, зная тебя около себя». Переполюющее ее чувство доходит до самоотречения: «ни одной мысли о себе, о своем личном...». Присходящее же в мире столь резко контрастно с состоянием ее души, что в одном из писем она горько замечает: «Любимый мой, луна светит в мое окно, тепло, ночь чудная, нежная: в комнате запах роз, а воздух такой теплый, опьяняющий. Лежу на окне и думаю, как неестественно, противно природе все, что делается теперь. Нам дана чудная жизнь, яркая, красивая по тем ощущениям, которые мы можем испытать, но короткая — одно мгновение, а мы ее тратим на уничтожение друг друга». Те же настроения сквозят и в другом письме: «Сейчас вернулась из леса, где гуляла около двух часов. Чудный лес. Огромные стволы и так темно в нем, как вечером, а солнце сегодня страшно яркое. Любимый мой, этот лес, перенес меня к тебе... Ты ближе мне среди природы, чем среди людей, которые создали такую массу трудностей, условностей, которые разделяют нас. Моя мечта была бы уехать в конце войны куда-нибудь в Лугано (курортный город в Швейцарии) или Италию, а там вдвоем с тобой прожить месяца два в полной тиши без газет, без новостей, как среди необитаемого острова. То-то было бы счастье, мой родной!»

В ее письмах, даже после того, как она осознает, что ее любовь обречена, постоянно проскальзывает тревога за Алексея и его здоровье. «Беспокоит меня твоё здоровье. У тебя слабая грудь, а ты мало бережешься. Тревожат меня очень твои постоянные бронхиты...». Эта постоянная забота о любимом человеке так созвучна с материнской и с той ролью, какую всегда выполняла славянская богиня Берегиня. «Тебе воевать нелегко, твоя чуткая добрая душа мучается и этим мне еще ближе и милее», — отмечает она в одном из писем.

О глубине ее чувства свидетельствуют и любовные эпитеты, которые она буквально рассыпает по ходу повествования. Вот только краткий их перечень: голубчик мой; мой родной, ласковый мальчик; душенька мой; василечек мой ласковый; мой далекий; мой радостный, жизнь моя; свetik мой, соколик ясный, василек голубой и т.д.

«Я чувствую в себе что-то такое большое, такое светлое — им переполнена моя душа, но для того, чтобы это вылилось наружу и освятило окружающее, мне нужен ты! Я закрою глаза и вижу тебя таким, каким видела в Черткове в наше последнее свидание...». Каково же в таком состоянии беззаветной и всепоглощающей любви осознать, что любимый человек не отвечает тебе взаимностью!

«Все во мне смешалось: и страх за жизнь твою, за здоровье, и ревность к Н., и жалость к себе, и отчаяние, отчаяние беспробудное: вся жизнь личная рушится снова и

кругом так мрачно, так черно, что жить не хочется... как будто я стою перед пропастью - кругом пустота, одна на скале, а кругом все рухнуло, все уничтожено...».

Юлия Владимировна лихорадочно ищет спасения то в работе, то в религии. Еще накануне окончательного разрыва с Алексеем она, чувствуя холодность и необязательность его писем, пытается обмануть себя: «Я больше тебе писать не буду, а буду ждать, когда ты напишешь письмо, которого я хочу, и если я его получу, я вновь буду писать тебе, мой голубчик...». Но все больше и больше она осознает, что он прикован к Н., хотя почему-то и не женится на ней, что ей никогда не развязать этого узла, как бы она того не хотела. Она с горечью признается: «...как тягостны мне дни, когда нет работы, я сама себе ее выдумываю, только чтобы что-нибудь делать, чтобы не думать, не мыслить, устать, устать так, что, ложась в постель...», ничего не чувствовать, а утром вновь приниматься за работу, без которой «кажется можно сойти с ума». Но от подобной работы, когда «ни минуты покоя и масса умирающих», нет успокоения. У нее уже были обмороки, когда она получала его холодные письма. «Мое здоровье ни к черту не годно», - записывает она 10 сентября 1915 года, - «какие-то гадости с сердцем. Думаю, что это от волнений, пережитых за последнее время плюс год каторжной работы». «Чтобы держать себя в руках, я должна работать до полной потери сил, иначе боюсь припадка», - признается она на следующий день.

«Не волнуйтесь, это вредно для сердца», - твердят мне все, а можно ли это исполнить? Я волнуюсь постоянно и за тебя, и за брата, и за Россию, и когда дежурю при умирающих», - это уже запись 13 сентября того же года.

Пытается найти свое спасение она и в вере. «Была в Киеве у Варвары Великомученицы и долго-долго молилась за тебя и о тебе. Услышит ли меня Господь? Думаю, что да. Моя молитва лишена эгоизма, я прошу сохранять жизнь твою не для себя, а для друзей: мне важна твоя жизнь, здоровье, счастье. Храни тебя Господь, мальчик мой...»

«Сегодня была у обедни в маленькой железнодорожной церкви. Чудно там, народу очень мало. Мне безумно захотелось говеть и преобразиться...». Но «приблизиться к причастию» ей мешает неприязнь и зависть к Н., сопернице, а нужно для этого смирение и всепрощение. И, тем не менее, она как за «целебное средство в минуту грусти и отчаяния» берется за Евангелие, признавая при этом, «как далека наша жизнь от той, к которой надо приближаться, и как трудно достигнуть хотя бы первых ступеней, первых заповедей, нам предписанных: «Да любите друг друга!».

В этом ее пути к Богу способствует и мать. «Мама написала мне, что поедет молиться за меня к отцу Алексею и попросит его помолиться», - пишет она в одном из писем и надеется, что эти молитвы ей помогут. «Но у самой молитвы нет, душа тяжелая и не поднимается к Богу. Да и то сказать, с мыслями о смерти, о ничемности моей жизни, с тем отчаянием, которое у меня сейчас, молитва дойти не может: к ней надо подходить примиренной, спокойной, кроткой. Как далека я от этого!» - с горечью констатирует она в письме 7 ноября 1915 года, а 29 числа того же месяца как бы продолжает ту же мысль: «Я ловлю себя часто на таких гадких, ревнивых, озлобленных мыслях, а мысль то же, что дело по евангельскому учению». Но «надо жить, надо нести свой крест, - записывает она 6 декабря. - Сегодня молилась и молитва моя всегда одна: измени, Господи, его душу, обрати ко мне его сердце или излечи меня, отыми мою рану душевную...».

Для натуры тонкой и ранимой несчастная любовь, усу-

губленная фронтовой обстановкой и условиями санитарного поезда, приписанного к передовым частям, становится невыносимой мукой. Ее не заглушить уже ни патристическим порывом и желанием «жить для других», ни каторжной работой, сопряженной с уходом за смертельно ранеными, ни смертельным риском.

«Мама - единственный крючок в жизни. Не будь ее - я знала бы, что с собою делать», - намекает она в одном из писем на возможность самоубийства. Но в часы просветления она по-прежнему сохраняет надежды на веселость, а то и на мимолетное свидание. Четыре дня подряд ходит встречать поезд на Одессу в надежде увидеть Алексея, который туда скоро поедет. А когда на станции Пovolочинск к ней подходит знакомый ротмистр с известием о том, что Алексей получил орден Святого Станислава, делает вид, что не знала об этом. И долю того чувства, которое хранит к Алексею, переносит на его товарища, который «едет в Петроград хлопотать, чтобы его назначили наблюдателем к какому-нибудь летчику». И еще одна трогательная деталь - деревянный крестик, посланный ею Алексею в канун Нового года в помощь трудной работе, которой занят он в штабе.

Заключительное письмо из неотправленных писем дневника датировано 31 января 1916 года. В нем она как бы подводит итог своим отношениям с Алексеем. До этого она побывала в Петрограде, где ждало неожиданное открытие: ее соперница Н. оказалась содержанкой старого генерала. Она могла бы написать об этом Алексею, но он может воспринять ее сообщение как клевету, запущенную из-за ревности. К тому же ей не хочется делать больно любимому человеку, ведь если он любит Н. по-настоящему, то может и не снести этого удара.

Но как бы то ни было, а она решает больше «не писать в эту тетрадь», потому что: «Душа слишком болит, описывать ее страдания трудно и однообразно и ни для кого не интересно, не нужно, тем более, что эти записи - письма только для него» и могут в лучшем случае «возбудить угрызения совести, жалость», которых она не ищет.

«Книгу эту тебе передадут в случае моей смерти, - заключает Юлия Владимировна. - Она дышит тобой и твоя по праву. Прочти ее, не ленись. В них (письмах) правдивое описание моих переживаний за последние шесть месяцев. Быть может, почерпнешь в них что-нибудь для души. Спасибо за все, что дал мне. Это лучшее в моей жизни, самое яркое, светлое и счастливое. Целую и люблю».

Это ли не вершина чистоты, человечности и благородства со стороны отвергнутой женщины! А, впрочем, почему отвергнутой? Ведь мы не знаем подробностей дальнейшей судьбы героев этого дневника. А вдруг им удалось разрубить гордиев узел непростых отношений, и мечта Юлии - «буду я женой или любовницей, но... будет у меня ребенок» - все-таки воплотилась в жизнь, тем более, что из других источников известно, как, выйдя замуж (за кого вот только), она уехала за границу, а умерла и похоронена не где-нибудь, а в столь желанной для нее Италии.

Нам же ее письма-дневники интересны и ценны тем, что высвечивают потаенные глубины души этой женщины-патриотки, добровольно ушедшей на войну в тяжелую для России годину и не посрамившей памяти своего героического прадеда.

Вячеслав Харитонов
рис. Я. Клиник

Пушкинист по призванию

Вадим Дмитриевич Соколов... Пожалуй, немногим ульяновцам известно имя этого человека, жившего когда-то в нашем городе, хотя Соколова знали во многих странах мира, а письмо к нему домой могло дойти даже по такому адресу: «Пушкино Московской области, писателю Вадиму Соколову». При жизни он не стремился к стяжанию почестей и материальных благ. Его судьбой стало служение. Служение Александру Сергеевичу Пушкину.

Есть особая категория людей, интересы которых не могут ограничиться выполнением профессиональных, гражданских, семейных обязанностей, которые выбирают себе призвание и следуют ему в течение всей жизни, жертвуя ему своим личным временем, силами, материальными средствами. К этой категории принадлежал и Вадим Дмитриевич. В его жизни сошлись два призвания – Пушкин и история.

Внешняя биография его проста. Родился в 1931 году, в 42-м эвакуирован из блокадного Ленинграда в Ульяновск. В 1950-м окончил среднюю школу № 5, затем был Ульяновский педагогический институт, женитьба, многолетняя журналистская работа в Подмосковье и кончина после третьего инсульта в марте 2003г. Наиболее весомым итогом его пушкинских штудий стал фундаментальный двухтомник «Рядом с Пушкиным» (подзаголовок «Портреты кистью и пером»), посвященный людям, окружавшим поэта.

Но это внешняя биографическая канва, к тайне личности она не приобщит. А как произошло превращение студента-филолога в исследователя, самозабвенно увлеченного Пушкиным? Об этом сам Соколов незадолго до смерти рассказал в письме к своей учительнице истории Надежде Михайловне Селезневой:

«На третьем курсе института я получил от доцента Петра Сергеевича Бейсова... тему для курсовой работы, связанную с Пушкиным. Это был второй этап моего вхождения в историческую науку.

Как примерный студент, я очень серьезно отнесся к сей курсовой, написал-исписал целую общую тетрадь. И заинтересовался Пушкиным больше и глубже, чем в школе. Курсовая работа была сдана преподавателю, а я продолжал копаться в читальном зале ульяновской «Ленинки». С тех пор стал я записным пушкинистом. Было это в 52-м или 53-м году.

С того времени я стал полупрофессиональным историком, прикрыв свое увлечение журналистским удостоверением.

Подумать страшно, но полвека – целая человеческая жизнь – была посвящена первой половине XIX века. Были бесконечные сидения в архивах, были отпуска, потраченные на поездки по пушкинским (и лермонтовским) местам, посещения музеев великого поэта, переписка с коллегами-историками. Могу теперь без ложной скромности сказать, что Ваш покорный слуга превратился в знатока этого периода русской истории, в том числе истории отечественной литературы и культуры. Естественным исходом поисков стало написание книги. В 1986 году в моей родной газете появился первый документальный очерк – о декабристе Федоре Глинке, знакомом Александра Сергеевича. А дальше пошло-поехало...»

Уверен, что подобные гены будоражат и ваше воображение, вызывают осознанные и неосознанные желания жить в той жизни. Смею надеяться, что предлагаемая вам книга послужит «заболевшим» ностальгией по далекому прошлому путеводителем по Пушкинской эпохе. Надежда эта не беспочвенна...»

Живя в Подмосковье, занимаясь Пушкиным, Вадим Соколов никогда не терял связь со своей второй родиной – Ульяновском, где живут его друзья и любимая школьная учительница Надежда Михайловна Селезнева, неутомимый пропагандист творчества своего талантливого ученика. Помнят о нем и в школе № 5, где создан уголок Вадима Соколова.

Жаль, что смерть поставила точку в творческом поиске Вадима Дмитриевича. В рукописи остались две книги, которые он не успел издать: одна о пушкинских местах, в которых он побывал, вторая – «Лермонтов: друзья и враги».

Те, кто знал Вадима Соколова, вспоминают о нем, как о добром и чутком человеке, прекрасном товарище и семьеине. Никогда не ловил он «летучей славы» и был, по словам Надежды Михайловны, «настоящим российским интеллигентом, бесребреником». Бесребреничество и было, пожалуй, нравственным стержнем этой души. А иначе, чем объяснить то, что, будучи заметным и значимым в своей профессиональной среде человеком, вхожим в высокие сферы, он так всю жизнь и прожил в хрущовке, главным украшением которой была огромная (свыше 10.000 томов) библиотека.

Когда-то академик Б.В. Раушенбах говорил о том, что нравственность, культура имеют элемент отдачи, жертвования, поэтому в обществе, основанном на принципе «брать», они становятся «ни к чему».

Не хотелось бы думать, что наступят такие времена, когда в человеке из всей гаммы стремлений останется одно эгоистическое желание взять, присвоить, ничего не отдавая взамен. Единое пространство культуры – это то, что может объединять людей поверх государственных и межличностных границ, облагораживать и воспитывать души. Пушкин до сих пор остается солнцем не только русской поэзии, но и всей национальной культуры в целом. Любой, прикоснувшийся к этому солнцу, и сам становится светосносным. В культуре значимы не только ее творцы, но и ее хранители, подвижники, способные на подвиг (давайте не бояться высоких слов), от которого польза всем. Такие личности, как Вадим Соколов, притягивают к себе, учат способным чему-то научиться, слишком многое становится видно при свете их, по крайней мере, проясняется вектор духовного движения. Соколов писал: «Встречи с многочисленными современниками, переписка с людьми, называющими себя пушкинистами, убедили меня в том, что у Александра Сергеевича они ищут ответы на многие вопросы нашей жизни, среди которых одним из главных, несомненно, является вот этот: кто же мы такие – русские?». Кажется, не жалко жизни, чтобы на него ответить.

Алексей Ланцов

«...Вечером ко мне вошел наш священник П. Николаевич, бледный, расстроенный, ноги его дрожали, и он упал на стул, при виде меня залился слезами, и само собой разумеется, что я с ним плакал... Петр Николаевич рассказывал, что когда под несчастными отняли скамейки, он упал ниц, прокричав им: «Прощаю и разрешаю». И более ничего не мог видеть, потому что очнулся уже тогда, когда его уводили».

Н. Лорер. «Записки моего времени. Воспоминание о прошлом».

Прощаю и разрешаю

По роду своей деятельности священники вынуждены заниматься требами, связанными с переселением человека в мир иной. И хотя этот мир называют еще и лучшим, родные и близкие умирающего при его соборовании, а затем при отпевании и погребении умершего радости почему-то не испытывают. Вот и приходится духовному пастырю выслушивать рыдания, плачи, причитания. Протоиерею Казанского собора в Петербурге отцу Петру, или на светский лад Петру Николаевичу Мысловскому, выпал жребий и вовсе не из приятных: готовить к насильственной смерти пятерых декабристов, вести душевспасительные беседы с теми, кто позднее отправится на каторгу, утешать горем убитых родственников.

Некоторые исследователи декабристского движения считают, что Мыловский в Петропавловской крепости, куда он имел свободный доступ, «работал на правительство». И в качестве доказательств приводят следующие факты. Во-первых, он стал духовником государственных преступников по выбору государя императора. Во-вторых, после так называемого суда над декабристами ему был пожалован орден Святой Анны. В-третьих, беседы отца Петра с узниками Петропавловки касались не только божественной темы: Андрей Розан в «Записках декабристов» вспоминал:

«По временам по особенному желанию арестантов навещали нас служители церкви: православных – казанский протоиерей Петр Ник. Мыловский, протестантов и лютеран – Анненской церкви пастор Рейнбот. Оба отличнейшие витии с благообразной наружностью, беседа их была умна, назидательна и занимательна, иногда отклонялась она от предмета духовного и переходила к политическому. Представляя гибельные последствия от либеральных идей и от насильственных переворотов, они, как везде было тогда принято, ссылались на Францию, припоминая все совершившиеся там ужасы в конце прошедшего столетия, и выводили, что она, после многих искушений и страданий, опять прибегла поневоле к королю».

А теперь давайте взвесим перечисленные выше аргументы. Во-первых, Мыловский, служивший в самом крупном и популярном у жителей столицы храме и пользовавшийся у них славой добросердечного человека, умного и речистого проповедника, являлся с любых точек зрения наиболее подходящей кандидатурой для выполнения столь деликатного и нелегкого поручения.

Во-вторых, новый император после завершения многомесячного следствия облагодетельствовал многих из тех, кто имел к нему какое-то касательство и выполнял монаршие поручения: кого – графским титулом, кого – более высоким чином, кого – поместьями, кого – орденном. В-третьих, политическая тема просто-таки должна

была прозвучать в беседах духовников с узниками Петропавловской крепости: они велись по следам бурных событий декабря 1825 года. А то, что оба священника не одобряли «насильственных переворотов», так они и не могли говорить иначе.

Истинно ради необходимо отметить: некоторые декабристы не доверяли Мысловскому. Но у них не было никаких доказательств того, что отец Петр нарушал тайну исповеди в пользу следствия, использовал во зло откровенность тех, кто открывал ему душу. Если бы такая цель им преследовалась, наверно, он не посещал бы арестантов по их «особенному желанию».

Многие документы свидетельствуют об искреннем участии духовника в судьбе несчастных и их семей. Еще во время следствия Петр Николаевич, посетив своих подопечных, передавал их родным на словах то, что первые хотели сообщить на волю. Через него шел поток информации и в обратном направлении. А когда осужденных начали отправлять в Сибирь, сообщал женам даты отъезда мужей и даже организовывал их встречи на почтовых станциях. Тем же, кто пошел на виселицу, отец Петр нашел слова утешения. Кондратий Рылеев перед казнью писал жене: «Я просил нашего священника посещать себя. Слушай советов его и поручи ему молиться о душе моей. Отдай ему одну из золотых табакерок в знак признательности моей или, лучше сказать, на память, потому что возблагодарить его может только один Бог за то благодеяние, которое он оказал мне своими беседами».

А вот подтверждаемое другими мемуаристами воспоминание должностного лица, присутствовавшего на казни декабристов по долгу службы и пожелавшего остаться неизвестным: «... Каждый из них простался со священником, целуя крест и руку его, притом Рылеев твердым голосом сказал священнику: «Батюшка, помолитесь за наши грешные души, не забудьте моей жены и благословите дочь»; перекрестясь, взошел на эшафот, за ним последовали прочие, кроме Каховского, который упал на грудь священника, плакал и обнял его так сильно, что его с трудом отняли».

Протоиерей Казанского собора Петр Николаевич Мыловский мог много рассказать о своих заблудших «детях» и рассказал в воспоминаниях, лишь очень незначительная часть которых – отрывок, посвященный Пестелю, – была опубликована в 1905 году. Остальная, к величайшему нашему сожалению, утрачена. А сколько интересных и неизвестных фактов стало бы нашим достоянием, достоянием истории, сохранись эти мемуары полностью!

Вадим Соколов

Симбирская диковина

Гастроли Второй студии Московского Художественного театра под руководством Евгения Багратионовича Вахтангова в Симбирске в 1919 году, о которых писал журнал "Мономах" в прошлом номере, завершились блестящим выступлением одной из актрис труппы - Софии Голлидэй. Надо заметить, что о ее игре и таланте критики высказывались самым полярным образом. В газетах того периода можно найти и самые восторженные рецензии, и недоуменные отклики.

Когда Вторая студия МХТ уехала из Симбирска, София Голлидэй осталась. Что же побудило ее задержаться в нашем городе? Причин было несколько: неустроенность в Москве, в том числе в самой театральной студии, но главное — страстное любовное увлечение неким Александром Николаевичем, комбригом Красной Армии.

Петербурженка София Евгеньевна Голлидэй родилась в 1894 году. По отцовской линии она принадлежала к роду британских купцов, по материнской - к роду замечательных итальянских художников Риццони, переселившихся в Россию. Ее дед, академик живописи, уроженец Болоньи, Павел Антонович Риццони, женился на Евдокии Григорьевне Тимофеевой. Мать, Вера Павловна, и отец, Евгений Георгиевич, были пианистами, блестяще окончившими Петербургскую консерваторию. В 1913 году София Голлидэй успешно окончила петербургскую Литейную женскую гимназию, а в 1916 году поступила во Вторую студию Московского Художественного театра. Природа наградила ее своеобразным характером и внешностью. София очень сильно отличалась от своих сестер, так как была похожа не на английских родственников, а на итальянских. Кроме того, она была очень маленького роста. Судьба ее сложилась так, что во время работы во Второй студии Московского Художественного театра София общалась с очень известными людьми своего времени - выдающимися актерами, режиссерами, писателями, а с Мариной Ивановной Цветаевой их связывала большая дружба. Поэтесса посвятила ей цикл стихов и прозаическое произведение "Повесть о Сонечке". Отрывок из повести как нельзя лучше характеризует актрису: "Выходит маленькая, в белом платьице, с двумя черными косами, берет за спинку стула и рассказывает... Свою жизнь, свою бабушку, свое детство, свою "глупость"... Свои белые ночи. Сонечку знал весь город. На Сонечку ходили. Ходили - на Сонечку. - "А вы видали? Такая маленькая, в белом платьице, с косами... Ну, прелесть!" Имени ее никто не знал: "такая маленькая...". "Белые ночи" были - событие".

В 1919 году после отъезда труппы театра, как уже упоминалось выше, София Голлидэй осталась в нашем городе одна. Творческая интеллигенция Симбирска пригласила ее выступать в сборных концертах. В Народном Доме 6 октября 1919 года состоялся вечер «Осенние мотивы». В нем приняли участие пианист и композитор Алексей Абутков, скрипач Семен Лонгер, певица Габриэль Карпова, поэт Сергей Храмцов. «Бесспорно, первое место на вечере, - отметила газета «Заря», - надо отдать артистке 2-й московской студии Голлидэй, художественно исполнившей знаменитый стих в прозе «Как хороши, как свежи были розы».

К сожалению, создать театр одного актера, для которого и была рождена София Голлидэй, великоленной актрисе-чтите не удалось. Зато это удалось теще Владимиру Яхонтову, восхищавшемуся ее талантом. «Была в этой студии, - писал артист в книге «Театр одного актера», - очаровательная актриса София Евгеньевна Голлидэй, едва замет-

ная от земли. Л.В. Гольденвейзер на руках выносил ее на сцену в розовеньком платьице в крапинку, усаживал в большое широкое кресло и сам бежал давать занавес... Думал я долго и не знал: можно ли и теперь так интимно читать со сцены?» В обычном драматическом театре для Голлидэй - миниатюрной, неповторимо талантливой мастерицы моноспектаклей - часто не находилось ролей. А режиссеры не воспринимали ее иначе, как травести на роль мальчиков. После отъезда из Симбирска во время работы в театре Свердловска ей даже пытались понизить зарплату как почти «профнепригодной». Если концертные выступления актрисы в Симбирске пользовались неизменным успехом, то на сцене городского театра его добиться не удалось. Вот как отзывался об игре Софии Голлидэй некто Андрей Аров в газете «Заря» от 14 января 1920 года: «В спектакле 10 января «Две сиротки» прошли с изменением в исполнителях. В заглавных ролях были т. Шумская (Генриетта), об игре которой не приходится сказать по данной роли, и Симбирская диковина, артистка московской второй художественной студии т. Голлидэй (Луиза), которую для чего-то выдерживали под стеклянным колпаком, словно для помещения в отдел охраны памятников и старины... Отмечается безусловная тягучесть ходульной мелодекламации, нелогичность искусственных жестов, местами переходящие на «чтицу»... Между тем т. Голлидэй имеет в своем распоряжении большие индивидуальные средства: красивый тембр голоса, изящную внешность при недостатке - робкий, детский голос, в котором нет уверенности, а стало быть, и экспрессии. Надо работать и жить душой с нашим не художественным театром, приучить себя к нему, изучить сцену не гастрольными выступлениями, а рядовыми, надо серьезно полюбить нашу сцену...». И это актриса читала о себе в той же газете, которая годом ранее поместила восторженную рецензию о ее концертном выступлении. Местный критик Анатолий Фомин писал: «В этот вечер все было так необычно. И так неожиданно, мягко шурша, раздвинулся занавес и она начала. Я не заметил, как исчезло все окружающее: куда-то уплыла нелепая декорация, не стало публики, и я увидел Нелли («Униженные и оскорбленные»). Черные, пугилые глаза, в которых, как в зеркале, отразилась вся ее душа - гордая, смятенная, недоверчивая, любящая. Молодой, но уже слегка надломленный голос, в котором слышатся скрытые, невыплаканные слезы. Лихорадочно волнуясь, немного сбиваясь и стесняясь, рассказывала она свою короткую, молодую жизнь, такую печальную, и, так и не кончив, оборвала на полупhrase: «Не могу, не могу...». Но вот артистка снова появилась и, лукаво улыбувшись, отрекомендовалась: «Я - путаница»... Один за другим проходили передо мной дорогие образы».

Лебединая песнь...

О том, что выпало Софии Голлидэй в Симбирске, она поведала Станиславскому: «Оказалась во мне крепка закуска МХТ. Меня до глубины души волновали роли («под суфлера»)... а потом то, чего вы совсем не знаете, - играть в нетопленном театре, публика - в шубах, на сцене - 12 градусов, в уборной замерзает вода в стакане, стоишь на выходе в шубе и не веришь, что придется сбросить ее, дрожат от холода губы, рядом в кулисе рабочие курят махорку - на сцену ползет густой, противный синий дым... Полное отсутствие интеллигентного обывателя, отсутствие книг, музыки, самого примитивного представления о театральном искусстве и этике - заставило меня совсем уйти в себя».

Трагедия положения актрисы была и в том, что ее возлюбленный, комбриг Красной Армии, бросил ее здесь, в Симбирске. Покинутая, она долго страдала. Вот что писала она приятельнице в Москву: «Я молчу и задыхаюсь и притворяюсь живой, хотя я давно мертвая... люблю я Александра Николаевича еще больше, чем прежде, - сама себе в сердце вколачиваю этот гвоздь».

Перед ее глазами стояла Маша Шамраева из чеховской «Чайки», безответно влюбленная в Треплева. «Дорогой, чудесный Чехов - откуда он знал - эту тоску и безысходность», - скажет Сонечка десять лет спустя. Ей выпала судьба Маши Шамраевой, так и не вырвавшей «гвоздь», забитый в сердце.

Не справляясь с одиночеством и этой несчастной любовью к комбригу, Сонечка решила выйти замуж. Рядом оказался человек, который ее любил. Всего год назад, сидя у Цветаевой, она мечтала о том, как это будет: «Я... непременно выйду замуж! По самому серьезному: с предложением, с отказом, с согласием, с белым платьем... О, как я буду плакать, Марина! По моему Юрочке (Завадскому), по Евгению Багратионовичу, по Театру, по всему, всему тому; потому что тогда уже - конечно: я буду любить только его».

В письме приятельнице она рассказала, как все это случилось на самом деле: «Не знаю, что дальше, - после Пасхи буду венчаться с Абрамовским... Михаил Андреевич - обожает меня, - так просто не так одиноко - ни любви безмерной, ни влюбленности, и нет и не было, - но как-то привязалась, привыкла, - и потом эта безумная жалость, которая губит меня и коверкает мою жизнь. - Но он добрый, такой честный, такой порядочный - не актерский - и слепо привязан ко мне, мне не плохо, так - спокойно, удобно, приятно».

Ей не легко было принять это решение. Но - «буду венчаться!» По мнению Г. Бродской, венчание (если оно состоялось) было тайным. Возможно, Сонечка была в синем шелковом платье цветаевской бабушки, которое Марина подарила ей на прощание, вынув из сундука. Вряд ли были поздравления, подарки, шампанское. Городской пейзаж Симбирска, давно занятого красными, выглядел уныло: дома, заколоченные досками, разграбленные, без оконных стекол, с тлеющими на улицах кострами, сжигавшими падаль, с пустыми, обросшими крапивой папертами церквей и голубиными гнездами на колокольнях...

Слезы, конечно, были - по Цветаевой, Вахтангову, Завадскому, Антокольскому, по Володе Алексею, сгинувшему в Добровольческой армии, по Москве и Студии. Душа ее «плакала» до конца дней.

В мае вместе с мужем, Михаилом Андреевичем Абрамовским, она покинула наш город, отправившись в долгие странствия по провинциальным театрам России.

Сергей Петров

На фото: София Евгеньевна Голлидэй.
Фотография из книги Г. Бродской "Сонечка Голлидэй.
Жизнь и актерская судьба", 2003.

«Повесть о Сонечке» - самое знаменитое прозаическое произведение Марины Ивановны Цветаевой. «Пишу свою Сонечку, - сообщала своей знакомой поэтессе в июле 1937 года. Это было женское существо, которое я больше всех на свете любила. Может быть - больше всех существующих (мужских и женских). Узнала от Али, что она умерла, «когда прилетели «Челюскинцы»». (С. Голлидэй умерла в 1934 г. - прим. авт.). И вот теперь пишу. Моя Сонечка должна остаться.

Было это весной-летом 1919 года. Без малого - 20 лет назад. В конце сентября продолжила тему: «Все лето писала свою Сонечку - повесть о подруге, недавно умершей в России. Даже трудно сказать «подруге» - это просто была любовь в женском образе... Это моя лебединая песнь, - то-то никак не могу расстаться! Эта вещь, хотя я ее сама написала, щемит мне сердце».

Марина Цветаева

Стихи к Сонечке

9

Ландыш, ландыш белоснежный,
Розан аленький!
Каждый говорил ей нежно:
«Моя маленькая!»

- Ликом - чистая иконка,
Пеньем - пеночка... -
И качал ее тихонько
На коленочках.

Ходит вправо, ходит влево
Божий маятник,
И кончалось все припевом:
«Моя маленькая!»

Божьи думы нерушимы,
Путь - указанный.
Маленьким не быть большими,
Вольным - связанными.

И предстал - в кого не целят
Девки - пальчиком:
Божий ангел встал с постели
Вслед за мальчиком.

- Будешь цвести под райским дровом,
Розан аленький! -
Так и кончилось с припевом:
«Моя маленькая!»

16 июня 1919

Привет с фронта!

8.12.44.
Привет с фронта!
Здравствуйте мамочка, Люба
и Миша! Шлю вам
свой фронтный привет
и наилучшее пожелание
Люба

Сейчас трудно понять переживания матери, которая ежеминутно ждала и ждала весточки с фронта от мужа, сына, дочери, испытывая постоянный страх за любимого человека. Получит мать письмо и, читая, обливает слезами каждую строчку письма.

Мой брат Виктор Телегин, не окончив медицинского училища, был призван Ульяновским райвоенкоматом в 1943 году и направлен на курсы связистов-телефонистов в город Куйбышев. Окончив их в начале мая 1944 года, он со своими однополчанами прибыл на 3-й Белорусский фронт. В это время советское командование готовило операцию «Багратион» по освобождению Белоруссии, в том числе и города Витебска, где Виктор получил первое боевое крещение. Освобождая советскую землю от гитлеровских захватчиков, он прошел свой боевой путь от Витебска до Кенигсберга.

Связь Виктора с родными не прекращалась, писал он очень часто. Вот одно из его писем, датированное 8 декабря 1944 года.

Привет с фронта!
Здравствуйте, мои дорогие мамочка, Люба и Миша! Шлю вам свой фронтный привет и наилучшее пожелание. Люба! Письма твои огромные, в смысле писанины, получаю. Я даже напугался, когда распечатал твоё письмо и увидел пять страниц бумаги, написанные твоей рукой черным по белому. Получил также открытку от Володи Т., от Михаила и Захаровой Н. Так что вы мои письма получаете часто, потому что пишу я каждый день и, думаю, не обижаетесь.

Но вот меня одно беспокоит — это здоровье мамы; если это будет продолжаться за каждым моим письмом, то есть она будет плакать и расстраиваться обо мне, я тогда сделаю иначе. Я вам пишу в каждом письме, что я живу хорошо и всего мне хватает, тепло одет, и здоровье мое подходящее, даже стал здоровее, чем был дома. Конечно, Люба вряд ли меня узнает, за эти 4 года я сильно изменился и теперь не такой, что был дома, немного вырос, и мне выпала честь — это выгнать проклятых фашистов за пределы нашей Родины. Последнее, к чему мы готовимся, — к окончательному удару. Все трудное осталось позади. За спиной мы видим своих братьев и сестер, которые были под фашистским гнетом. Мы убедились сами, что перед нами враг — враг всего человечества! И теперь, когда я прошел от Витебска до Тильзита, вижу перед собой только врагов и беспощадно их уничтожаю. Не один фашист погиб от моей руки! Да! Теперь

Письма с фронта... Присылали их родным на обычном листке бумаги, сложенном треугольником. На нем — штамп и три слова: красноармейское письмо бесплатно.
«Привет с фронта! Здравствуйте, мои дорогие!» - обычная первая строчка.

они чувствуют на своих плечах, что такое война, когда их жены, бросая все, удирают в глубь страны.

Знаешь, Любочка, получается как-то интересно. Иногда так задумаешься, и начинаешь рассуждать и мечтать, как раньше гулял со своей любимой. Сад, теплый майский вечер, лунная ночь и приятно, сидя на скамейке под листьями столетнего дуба, любоваться лугами и озерами. Как быстро прошли эти счастливые дни. И вот теперь вместо нежного девичьего поцелуя инстинктивно нажимаешь на курок, появляется длинная очередь автомата и вместо ласковых, нежных слов любви — разные крики...

О мужестве и отваге комсомольца Виктора Телегина красноречиво рассказывает один из фронтовых эпизодов. Шли бои за Кенигсберг. Во время артиллерийского обстрела была нарушена связь батальона со штабом и командным пунктом полка. Восстановить линию связи должен был Виктор.

Ползком, перебежками от одной воронки к другой пробирался Виктор по изрытому снарядами и минами полю. Пулеметные и автоматные очереди врага на давали поднять головы, но отважный связист настойчиво преодолевал нелегкий путь. Виктор услышал нерусскую речь. Удивился, заметив замаскированный полублиндаж, в котором у телефонного аппарата находились два гитлеровца. Виктор подкрался ползком к окопу, поднялся и дал очередь из своего автомата по фашистам. Забрав в качестве трофеев телефонный аппарат и автоматы гитлеровцев, нашел свою линию связи, подключил к исправленным проводам аппарат и доложил командиру батальона о выполненном задании.

За этот подвиг красноармеец Телегин был награжден медалью «За Отвагу».

Взводу командира Савельева, в котором числился и Виктор Телегин, был дан приказ: занять в пригороде двухэтажный дом, закрепить его, наладить связь и держаться до прихода подкрепления. Виктор и еще двое солдат проникли в здание. До слуха донеслась вражеская речь. Виктор немного знал немецкий язык и по разговору понял, что немцы ожидают подкрепление. Взвод решил штурмом овладеть зданием. В коротком бою взяли в плен троих солдат и двух офицеров, у которых находились ценные документы.

За проведение этой операции рядовой Телегин был представлен к награде и получил орден Красной Звезды.

Из следующего боя Виктор не вернулся. Выполняя боевое задание, он оказался в зоне минного поля и погиб 26 марта 1945 года. Всего-то в восемнадцать мальчишеских лет. Всего-то в двух шагах от Победы.

Михаил Телегин

Быль о солдате

Эту историю о судьбе своего младшего брата Александра рассказал мне ветеран Великой Отечественной войны из Чамзинки Михаил Степанович Волков.

Юноша был красив, хорошо сложен, с ясными, живыми глазами и темными кудрями. Музыкант, от девчат отбоя не было. До призыва работал в колхозе. Любил технику, мечтал стать механизатором. В 1943 году Александр был призван в армию.

Службу начал недалеко от дома – в Труслейских лагерях, которые славились хорошей военной выучкой. Сашина мать, Мария Павловна, уже проводила на фронт мужа и старшего сына, и вот, в день отправки маршевых рот со станции Инза пришлось простаться с младшим.

Летом 1943 года Красная Армия развернула широкое наступление, и Гитлер в августе издал приказ о создании «восточного вала» – сильного оборонительного рубежа на западном берегу Днепра. Были вырыты траншеи, противотанковые рвы, установлены минные поля.

В сентябре советские войска вышли к Днепру и получили приказ форсировать реку, чтобы захватить плацдарм на западном берегу. Часть, где служил Александр, не дожидаясь подхода понтонных средств, начала пересекать Днепр в рыбацких лодках и самодельных плотках. Фашисты обрушили на смельчаков свинцовый град: с воздуха наносила удары авиация, на земле не прекращался огонь из орудий, минометов, пулеметов. Казалось, в этом огненном, крошечном аду нет места для жизни.

Александр переправлялся через Днепр на бревенчатом плоту. Он почувствовал удар в голову и лишился сознания. Больше ничего не помнил. Товарищи вытащили его из воды и доставили на землю. Раненого удалось отправить на самолете в глубокий тыл. Требовалась немедленная операция. Солдат оказался в Кисловодске.

Осмотрев его, хирург выругался: «Зачем присылают трупы?» Ранение было в голову, осколком снесло правую часть черепа. И все же врач рискнул сделать операцию. Солдат выжил, но был парализован, потерял память и речь, с трудом издавал бессмысленные звуки. Он словно находился в летаргическом сне: чувствовал окружающую жизнь, слышал разговоры, но не мог на них отзываться. При нем не было никаких документов. Кто он и откуда – никто не знал. После лечения решено было отправить его в дом инвалидов. Но произошел случай, который неожиданно изменил жизнь солдата.

В палату зашел молодой офицер проститься со своим знакомым перед отправкой на фронт. Сообщил, что сам он из Инзы. Это слово молнией пронзило безмятного раненого. В один миг вспыхнуло прошлое, осветило сознание, и из слабых уст вырвалось: «Инза...» Скоро Александра в сопровождении медицинской сестры отправили на родину.

Нелегкой была дорога домой: сколько передумал солдат за это время! Стоит ли жить? Кому он нужен? Волновался. Слез не скрывал.

Мать долгое время ничего не знала о сыне. Жив ли?.. Писем не было. Мария Павловна не спала ночами, плакала, молилась. Без надежды надеялась. И вдруг – долгожданная встреча.

Весть о Сашинем возвращении облетела деревню. Люди приходили посмотреть на него, плакали о своем и чужом горе. Но горше и безутешнее всех плакал сам солдат. Что ты наделала, война? Мальчишке всего 19 годков.

Мать старалась разделить горе сына. Она вступила в борьбу за его жизнь. Учила объясняться жестами, пыталась восстановить речь. Иногда добивалась выговарива-

ния отдельных слов. В этом помогали ей младшие дети, Мария и Василий. Постепенно Александр начал двигаться, а потом и ходить с помощью клюшки.

Однажды мать поняла, что сыну хочется быть в обществе сверстниц. Куда уйдешь от зова сердца? Саша рискнул заглянуть на девичьи посиделки. Каждый шаг давался физической мукой и нравственными страданиями.

С появлением инвалида все девчата разбежались. Почему? Ужаснулись, будто перед ними призрак, а не человек. В состоянии сильного потрясения юноша еле-еле добрался до дома. Рыдал, выкрикивал какие-то нечленораздельные звуки, выражающие нестерпимую боль. Никогда еще мать не видела его таким раздавленным и безутешным. Долго не могла его успокоить: сын потерял последнюю опору – веру в человеческую доброту.

Мария Павловна с трудом дождалась рассвета, а утром обошла по домам всех девчат. Высказала все, что было на душе. Девушки устыдились своего позорного поступка и пришли просить прощения у Саши. Он принял приглашение прийти еще тогда, до войны...

Девчата были внимательны и заботливы. Особо доверительные отношения сложились с Машей: она помнила прежнего Александра – здорового, веселого, доброго, которого любила еще тогда, до войны...

Шло время, молодые люди все больше привыкали друг к другу. Они поженились. Свадьба, как и положено, была с песнями, плясками, весельем. Саша словно заново родился. Научился управлять одной рукой (правая была парализована): заготавливал сено, рубил дрова, в общем, справлялся с мужской работой по дому. Хотелось быть достойным любви жены, ее верности, преданности. Он преклонялся перед ее благородством, величием души.

Но счастье длилось недолго: через три года Александр скончался. Маша тяжело переживала смерть мужа, сожалела, что Бог не дал детей. Оборвалась ее мечта создать добрую, счастливую семью, прожить с мужем долгие годы в любви и согласии, вместе преодолевать трудности, радоваться жизни – да мало ли о чем мечталось в юности!..

Хоронили Сашу всем селом: каждый считал своим долгом отдать солдату дань памяти. В минуту прощания Маша обняла голову мужа и прошептала: «Прости, что не сумела тебя сберечь».

Сергей Кончев,
на фото - г. Инза,
Привокзальная площадь

Сухарики для пленных

Помню себя пятилетней худенькой девочкой, вечно куда-то несущейся, с развевающейся копной золотистых кудрей, куда с трудом влезала расческа.

Война. Отец ушёл на фронт. Немцы оккупировали Запорожье, где я жила с мамой и полуторагодовой сестрой Валей в деревянном бараке. В него попал снаряд, и он искривился, стал короче, будто его кто-то неровно обрезал. В конце коридора зияла дыра. Здесь я с соседскими детьми играла в прятки.

Во время оккупации все взрослые были вынуждены подчиняться немецкому режиму, регулярно отмечаться на бирже. Там их распределяли на разные работы и выделяли скудный продуктовый паёк.

В пятиэтажном здании, где до войны размещался обком партии, немцы устроили лагерь для военнопленных. Обтянули его несколькими рядами колючей проволоки и окружили глубоким рвом, копать который пришлось нашим мамам. За ограждением находились сотни обесцененных людей, одежда на которых висела клочьями, а из-под неё торчали кости, обтянутые высохшей кожей. Пленные больше походили на мумии, чем на людей.

Мама решила помочь им. Для этого нужно было добиться разрешения от немецкого коменданта подкармливать томлящихся за колючей проволокой людей. Соседи отговаривали её: «Шура! Не забывай, что они фашисты. Им ничего не стоит убить человека, а у тебя двое малолетних детей». Мама осталась непреклонна и не отступила от своего решения. Уходя, она поцеловала нас и, осенив крестным знаменем, сказала: «Закройтесь и никуда не высовывайтесь. Сидите тихо, как мышки. Я скоро приду».

Ждать пришлось долго, меня уже клонило в сон, когда донёсся голос соседки тёти Поли: «Ну, наконец-то, пришла! Слава Богу! Судя по твоему виду, всё обошлось благополучно?» Я пулей вылетела из комнаты: мама улыбалась и возбужденно размахивала какой-то бумажкой. «Я добилась разрешения один раз в неделю кормить пленных!» - объяснила она. «Мамочка! Ты у меня самая смелая, и я тоже буду такой!» - «Ты и сейчас у меня такая», сказала мама. - «Завтра пойдёшь со мной. Будем собирать по людям продукты и готовить еду. А сейчас иди спать. Вставать придётся рано, а ходить много».

«Когда же наступит это завтра? Я уже сейчас готова идти. Зачем тянуть до завтра?» - рассуждала я, засыпая.

Наконец, наступило долгожданное завтра. «Дочень-

ка, пора вставать!», - сквозь сон донёсся мамин голос. Как же было холодно после теплой постели! Подбежав к русской печке я прижала к ней руки, чтобы скорее согреться. Тепло обволокло меня, и вспомнился отец: это он сложил для нас такое чудо! До войны он слыл отличным печником.

Сначала мы пришли к соседке тёте Груне, жившей через дорогу от нашего барака. У неё было пятеро детей, ещё с ними жила старая бабуля, которая казалась мне бабой-Ягой. Из-под рваного замусоленного платка выбивались седые, свалывшиеся, как пакля, волосы. Сгорбленная, опершись на клюку, сидела она на подоконнике и сверлящим взглядом провожала прохожих. Мне казалось, что она на своей ступе прилетает днём погреться на солнышке и заодно высмотреть очередную жертву. Меня всё время занимал вопрос: куда она прячет свою ступу? Вот бы мне найти её и сжечь! Тогда бы она никому уже не смогла причинить зла. Соседи и внуков её называли бесенятами. Они всегда меня дразили, показывали языки и швыряли вслед комья земли.

В то утро всё изменилось: я стояла без страха, крепко держась за мамину руку, и с внуками «бабы-ёжки» произошла какая-то перемена. Они смотрели на меня миролюбиво. Ко мне подошла самая старшая из них, семилетняя Зина, и, улыбаясь, протянула три картофелины и две морковки: «Возьми, пожалуйста, и больше не убегай от нас. Будем дружить?» Вот что означало взяться за серьёзное поручение! В знак согласия я кивнула, и тут со своего места поднялась «баба-ёжка» и подозвала меня своим большим пальцем с загнутым ногтем, похожим на её клюку. Из фартука она вынула три сухаря и протянула мне...

Ходили мы очень долго, мамина сумка постепенно наполнялась. День стоял жаркий, и мне очень захотелось пить. Вначале мы прошли мимо этого красивого резного забора потому, что мама сказала: «Здесь, видно, разместился большой немецкий начальник. Вряд ли нам что-то дадут». На обратном пути я уселась на скамейку возле этого забора и отказалась идти дальше, хныча: «Хочу пить! Сил моих больше нет!» Маме так и пришлось постучать в ворота висящим на них железным кольцом. Сначала никто не откликнулся, только лаяла собака. На второй стук раздался приятный женский голос: «Сейчас иду».

Отворила калитку средних лет женщина в нарядном чёрном платье, похожая на цыганку. «Добрый день. Что вам нужно?» - спросила она. «Дочка очень хочет пить», - ответила мама. Женщина, заметив, с каким неподдельным детским восхищением я смотрю на неё, улыбнулась и сказала: «Хорошо, идите за мной».

Двор, в котором мы оказались, поразил красотой: вокруг дома росли кусты роз самых удивительных оттенков. Хозяйка цветущего царства проводила нас до развесистой яблони и предложила отдохнуть в тени, пока она не вернётся. Сидя под яблоней, я почувствовала, как от усталости у меня закрываются глаза... Через какое-то время мама разбудила меня. Передо мной на подносе стоял красивый кувшин с двумя чашками и ваза с яблоками. «Устала, видно, ваша девочка», - сказала незнакомка, ласково погладив меня теплой рукой. От её прикосновения сон куда-то исчез. Видя, что я окончательно проснулась, она стала нас угощать очень вкусным компотом и сладкими яблоками. И тут мама рассказала этой доброй женщине, ради чего мы проделали эту длинную дорогу. Наш рассказ произвёл на неё сильное впечатление. Глаза женщи-

ны загорелись, щёки покрылись румянцем. Она несколько раз возбуждённо и радостно повторила: «Ах, какие же вы молодцы! Я тоже хочу вам помочь! Сидите пока здесь. В доме часовой, лучше, чтобы он вас не видел».

Она удалилась, но вскоре снова вышла из дома, а в её передник было что-то завернуто. «Быстро складывайте всё это в сумку», - сказала она, выставляя на стол две консервные банки, полбуханки хлеба и стакан с белой блестящей крупой. Затем сунула мне в руку три кусочка сахара.

Следующим утром на место, указанное немецким командантом, мама и наши соседи принесли большой котёл. Возникла проблема: где достать столько дров для костра? Вокруг собралось много ребятнишек - их быстро привлекли к делу. В ход пошло всё: доски, ящики, хворост, даже сломанные стулья и табуретки. Во всех этих приготовлениях я была одним из главных действующих лиц. Летала, не чуя земли под босыми ногами, спешила выполнить мамнины приказания: «Принеси соль в коробочке за печкой! Собери по соседям тарелки! Этой посуды мало, беги за железными кружками!» Только и слышалось: «Неси! Поддай! Поставь!» Но как завидовали мне ребята!

Когда обед был готов, мама попросила часовых привести пленных. Первые, по десять человек, привели самых слабых и больных. Некоторые сами не могли стоять и опирались на плечи своих товарищей. Вот когда я узнала, что значит плен! Раньше не понимала, как может этот бессердечный «плен» взять людей и держать их голодными и больными. Что это за зверь такой? В действительности плен оказался страшнее лютого зверя. Тем сильнее мне захотелось помочь людям: кто не мог стоять, того усаживала на табурет, у кого ослабли руки - поддерживала тарелку или кружку. Нам запретили с ними разговаривать, и мы могли только взглядом выражать своё сочувствие.

Последними привели тех людей, которые чувствовали себя получше. Среди них был, видимо, командир. Чуть выше среднего роста, он из-за своей худобы казался длинным, как жердь. Не старей, но лицо сморщенное, как у старика. Раненое колено замотано рукавом от гимнастёрки (один рукав оторван, от другого осталась только половина). Командир подошёл к котлу последним, когда там уже почти ничего не осталось. Мама старательно выскребла всё, но там не набралось и полчёрпака. Тут я вспомнила про те сухари, которые мне дала добрая «баба-ёжка», и протянула ему. В ответ он тихо-тихо, одними губами, прошептал: «Спасибо, детка!».

Тут-то у меня и созрел план, в который я немедленно посвятила маму: почему бы мне самой не носить пленным сухарики? «Не знаю, надо подумать», - ответила мама. Но я уже поняла, что моё предложение одобрено. Наконец-то у меня будет своё ответственное задание!

... Уже не первый раз мчусь я к своим друзьям. Знаю, что они стоят возле колючей проволоки и с нетерпением ждут меня, потому я бегу, ничего не замечая вокруг. Лагерь для пленных - в трёх кварталах от нашего барака. Один из этих кварталов сильно пострадал от бомбёжки. Здесь страшно, я спешу пронестись мимо разрушенных домов с выбитыми окнами и обвалившейся штукатуркой. А вот и моё укрытие - пустой коридор. Здесь можно спрятаться от патрулей. Ну вот, всё. Отдышусь. Теперь надо быть внимательной. Высовываю голову из коридора - никого нет. Несусь, что есть духу. Слава Богу, пробежала это страшное место! С невысокого бугорка виднеется лагерь. Спускаюсь в овраг. Здесь нужно залечь и осмотреться. Иногда вокруг сетки проходит часовой. Надо быть очень осторожной, чтобы не подвести маму. Многие укоряют ее: «Как же ты можешь так рисковать ребёнком!

Фашист есть фашист! Ему что муху убить, что дитя».

За месяц пленные успели привыкнуть ко мне, и я к ним привязалась. Впереди стоял мой старый знакомый. Он действительно среди пленных главный. Как только я появилась, его глаза ожили, как будто он встретился с дорогим и близким человеком. Остальные пленные тоже приободрились. Их худые лица, обтянутые пожелтевшей кожей, отвыкли улыбаться, и только глаза выражали радость. Я подошла поближе к проволоке и начала перекидывать за ограждение сухарик за сухариком. Пленные бросились их поднимать, не замечая, что колючая проволока ранит руки, и по ним течёт кровь! Только мой друг стоял в стороне и с тоской смотрел, как они ловят эти кусочки хлеба, будто в них заключена вся их жизнь. Мне очень хотелось, чтобы ему достался хоть один сухарик. Подошла поближе, бросила кусочек, но хлеб застрял в сетке. Я попыталась рукой протолкнуть сухарь дальше. Пленный в ответ улыбнулся. Какая у него была улыбка! В глазах застыла нежность, как будто это мой папа посылал свою любовь.

Вдруг, ещё не поняв в чём дело, я заметила, как на лицах пленных застыл немой ужас. Мой друг резко повернулся ко мне спиной, пытаясь закрыть меня от кого-то. В этот момент я заметила охранника. Скорее всего, тот рассчитывал увидеть диверсанта или пленного, совершающего побег, а увидел меня, поэтому вид у него сделался такой удивлённый. Почему-то я не испугалась. Уверенная, что всё будет хорошо, сумела улыбнуться так, будто я тут всю жизнь его ждала и очень рада встрече. Мой шербатый рот растянулся до ушей. Однако часовой не ответил на моё приветствие, и выражение его сердитого лица не изменилось. «Что же ему не нравится?» - недоумевала я.

Охранник передёрнул затвор и направил автомат на меня, выкрикивая: «Та-та-та!». А-а! Так вот в чём дело! Так бы сразу и сказал, что захотел со мной поиграть! Это моё самое любимое занятие! Я с радостью включилась в его игру: скрутила в жгут подол своего длинного платья и с улыбкой направила на него: «Та-та-та!» - прокричала ему в ответ. Вот теперь-то изменился весь его облик! На суровом, жёстком лице проступило подобие улыбки, хотя он и пытался её скрыть. Охранник резко развернулся и ушёл. Вздох облегчения пробежал по рядам пленных. «Спасибо тебе, дочка, - мой друг снова подошел к сетке. - Ты смелая и находчивая девочка. Мы тебя не забудем».

Я летела домой, как на крыльях, радуясь, что справилась с ответственным поручением. Слова благодарности моих пленных друзей - были лучшей для меня наградой.

Прошли годы. Я часто мысленно обращаюсь к тем тяжёлым военным временам и вспоминаю людей, которые были добры, милосердны, делились последним куском хлеба. Вспоминаю маму и по-прежнему горжусь ею.

рис. Л. Нейцетаева

Один из поколения героев

Николай Левинтов – известный учёный. Я его хорошо помню со своих студенческих лет. В моей памяти отложилось, как его глубоко уважали и высоко ценили студенты-историки. А вот с поэтом Левинтовым я познакомился недавно. Николай Григорьевич – фронтовик. На мой взгляд, это самое героическое поколение за всю историю человечества. Таких не было. И, может быть, никогда не будет. В высокой нравственности, самоотверженности, беззаветной любви к Родине им не сыскать равных.

Владимир Дворянсков, член Союза писателей России

Автобиография

Я, Левинтов Николай Григорьевич, родился 1 сентября 1914 года в г. Демьянске, Новгородской губернии, в многодетной семье. Отец – шапочник, мать – домохозяйка. В 1930 г. уехал в Ленинград. Вначале работал на швейной фабрике Леншвейпрома № 5, затем, в январе 1931 г., поступил в ФЗУ при машиностроительном заводе им. Макса Гельца. После окончания ФЗУ с 1932 по август 1936 г. работал на этом же заводе фрезеровщиком. Был ударником первой пятилетки, стахановцем второй, затем был выдвинут в 1936 г. на должность мастера – нормировщика цеха. Пять лет работы среди ленинградских рабочих были моим первым университетом, воспитавшим во мне чувство ответственности перед коллективом и государством, умение организовывать свой труд и ценить каждую минуту. В это же время я учился на вечернем рабфаке, так как успел окончить лишь семилетку в 1928 году.

С 1936 по 1941 г. учился на историческом факультете Ленинградского университета, где в это время преподавали крупнейшие учёные академики Б.Д. Греков, Е.В. Тарле, В.В. Струве, профессор С.Я. Лурье. Они приобщили меня к науке, научили ценить научную добросовестность и истину, научный поиск и смелость.

В университете я опубликовал свою первую научную работу, а вторая была принята к печати в ведущий научный журнал «Историк-марксист» и должна была быть опубликована в № 7 1941 г., но война помешала.

Я окончил университет 23 июня 1941 г. и сразу, вместе почти со всем курсом, вступил в народное ополчение. В боях участвовал с августа 1941 г. по 6 мая 1945 г. Воевал на Ленинградском фронте до снятия блокады в 1944 г., причём четыре месяца (ноябрь 1941 – март 1942 г.) пришлось воевать на легендарном «Невском пятачке», где в январе 1942 г. вступил в партию, затем через Прибалтику, Западную Белоруссию, Польшу – в Восточную Пруссию в составе Второй ударной армии (2-й Белорусский фронт), участвовал во взятии городов Кенигсберг, Данциг, Эльбинг.

Н.Г. Левинтов. Германия. 1945 г.

Начал войну рядовым, окончил капитаном, четыре раза ранен, контужен, после демобилизации в 1946 г. – инвалид Отечественной войны 2 группы. Награждён двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Отечественной войны 2-й степени, орденом Красной Звезды и многими медалями.

Война была моим третьим университетом, она научила меня не жалеть жизни ради страны, Родины, когда им грозит смертельная опасность, и ценить жизнь, чтобы ее бесполезно не растрчивать.

С 1946 г. по 1950 г. учился в аспирантуре на историческом факультете ЛГУ, в 1951 г. защитил кандидатскую диссертацию по истории Болгарии.

В 1950 г. был направлен на работу в Ульяновский педагогический университет. Здесь проработал 49 лет, до сентября 1999 г. Был старшим преподавателем, доцентом, затем, около 20 лет, профессором кафедры всеобщей истории. Это был мой четвёртый университет. Он научил меня, что самое главное – любить и уважать тех, кого учишь, и то, чему учишь. Мои научные интересы сосредоточены в трёх областях (8 книг и около 50 статей):

История аграрных отношений в Болгарии в XIX веке и аграрный переворот 1878–1879 гг. Мне удалось дать их новую картину и новую концепцию, вошедшие в науку. В по-

здравлении Болгарской Академии наук по случаю моего 70-летия сказано: «Ваш большой вклад в болгаристику поднял ее на новый, более высокий уровень».

Теория революции, в частности, новая концепция основного закона революции. Многие мои положения приняты наукой, другие оспариваются.

После начала перестройки и кризиса марксистской методологии, возникшей методологической неразберихи работаю над методологическими проблемами учебной литературы по истории и обществоведению.

В 1930–1933 гг. участвовал в литературном объединении Петроградского района г. Ленинграда. Тогда началось движение «Призыв ударников в литературу». Я был даже принят в ЛАПП – Ленинградская ассоциация пролетарских писателей.

В 1931 г. в Ленинграде вышел сборник стихов начинающих пролетарских поэтов «Начало», в котором было и мое стихотворение. Вскоре я осознал, что серьёзного поэтического дара у меня нет, и посвятил себя науке, но для себя кое-что писал.

В 2001 г. ученики издали небольшой сборник моих стихов «Раздумья», который я отнюдь не переоцениваю.

И в заключение о самом главном. На фронте в 1943 г. я женился на замечательном человеке – лейтенанте медслужбы Варваре Александровне Петровой (в дальнейшем заслуженный врач РСФСР). Только благодаря ее неустанным заботам и спорту, который был моим самым сильным увлечением всю жизнь, я справился с последствиями ранений и контузии и с многочисленными болезнями и сохранил работоспособность. Мы прожили вместе почти 50 лет, она покинула этот свет в 1992 г., но для меня она всегда жива и рядом со мной. С 1999 г., я тяжело болен, полубеспомощен и еще живу, и даже немного работаю в науке только благодаря постоянным заботам племянницы Варвары Александровны – Валентины Николаевны Мельниковой, – которой я глубоко благодарен.

Материал предоставлен редакцией Ульяновской областной памяти книги «Солдаты Победы».

Подготовила Лидия Берч

Николай Левинтов

ДРУЗЬЯМ ОДНОПОЛЧАНАМ

День победы

Все тише звон медалей на парадах.
И все прозрачней строй однополчан.
Все больше нас за каменной оградой,
От старых ран,
Да и от новых ран.
Но в этот день трубите трубы медно,
Мы вновь вступали в сорок пятый год,
И мы пройдем по-прежнему победно.
Шапки долой!
История идет!

Мы в жизни столько испытали –
И тяжкий труд,
И боль,
И кровь...
Порой, казалось, все теряли
Но... три сестры! -
Вы нас спасали -
Надежда,
Вера
и Любовь!
Груз лет, груз ран свинцово дают,
Но верим мы до сей поры,
Что до конца нас не оставят
Три неразлучные сестры!

ИЗ ФРОНТОВЫХ СТИХОВ

Как мне придти к тебе и кратко
Так о прошедшем рассказать,
Чтобы слеза твоя украдкой
Не набежала на глаза.
Чтоб никогда ты не узнала,
Как кровь друзей равняет рвы.
И как друзей вернулось мало
С избитых берегов Невы.

И как у каждой переправы
Бурела стылая вода,
Где верной смерти, Вечной славы
Пути скрестились навсегда.
Чтоб ты цвела, чтоб ты смеялась,
Чтоб дом родительский был цел.
К врагу я вытравил всю жалость
И сердце в ненависть одел.

1942 г. «Невский пятачок», Ленфронт

ГИМН ПШЕННОЙ КАШЕ

Да здравствует пшённая каша!
Да пусть процветает она.
В ней сила и молодость наша
И бодрость заключена.
Не скрою, и это не плохо,
Когда некупая рука
Нальёт котелок гороха,
(печальнее - полкотелка).
Но это ни с чем не сравнимо,
Когда, как золотое руно,
Мне льют в котелок
(а не мимо)
Блестящее жиром пшено.
Я жду твой приход, о блондинка!
Я жажду остаться вдвоём,
Я вылюблю – всё до крупинки
Горячее тело твоё.
Я с ужасом вспоминаю,
Как самый нелепый поклёп,
Что мог променять, дорогая,
Тебя на какой-то шинельклёпс.
Нет! Я твой любовник навечно,
Я думаю только о том,
Чтоб длились наши встречи
И утром, и ночью, и днём!

1942 г. «Невский пятачок», Ленфронт.

ГИМН РУССКОМУ МОРОЗУ

Уж скоро неделю в землянке,
Как боги земные живём,
Ночь каждую сушим портянки,
Кипячёную воду пьём.
Мы много ведь не ищем,
И малым довольны мы:
Поменьше бы этой грязищи,
Дождей непрерывных да тьмы.
Шинелька не просыхает,
А с пехотинской ноги
Каждая яма желает
Содрать твои сапоги.
А скоро команда – «к бою».
И я, пехотный топтун,
Несу неотрывно с собою
О русском морозе мечту.
Есть что-то в морозе русском
Бодрящее, как сто грамм,
Которые, вместе с закуской,
Пред боем положены нам.
Когда на тебе ушанка,
И стеганные штаны,
Просушенная портянка –
Морозы тебе не страшны.
Не даст на снегу залежаться.
В мороз голова светла –
Скорей до врага добраться,
А там уже хватит тепла.
А если вдруг грешное тело
Снарядом изрешетит,
Мороза святое дело
Придать тебе должный вид.
Ты будешь лежать как камень,
Сурово, спокойно лежать
И мраморными руками
К себе автомат прижимать.
А бой отретмит и зарюют
Под почестей краткую дань,
И сообщает о горе
Куда-нибудь. Хоть в Казань!

1943 г. Ленфронт.

Рис. А. Кузнецова

Зимний этюд

Под Новый 1980 год мы всей семьей на «уазике» выехали в лес. Очень уж редко выпадает такое счастье, и мы безмерно радовались возможности встретить Новый год не за столом городской квартиры, а в настоящем зимнем лесу.

Сквозь тонкие, пушистые кроны берез просвечивала луна. Редкие сосны казались таинственными, из лимонно-сиреневой дали выглядывала дорога, освещенная призрачным лунным светом. У меня родилось желание написать этюд в заснеженном лесу.

Через несколько дней я восторженно рассказывал Андрею Михайловичу Дубровскому, известному пейзажисту, о новой моей вылазке. Он и сам давно мечтал пописать зимние этюды, и вместе мы отправились в лес. На выезде из Ломов наше внимание привлек освещенный близящимся закатом березовый лес. Решили писать его. Сделали по одному довольно удачному этюду (к очередной отчетной выставке Андрей Михайлович по этому этюду написал заснеженный лес с косулями у зимней кормушки). Когда стемнело, отправились на ночлег в Кучуры. Утром снова пошли на этюды. Было снежно и холодно. На этот раз работа не ладилась: стыли краски, пальцы едва держали кисти. Андрей Михайлович вскоре бросил писать, но я корпел над этюдом. Неожиданно мне удалось несколько холодных мазков, изображающих купу деревьев над незаконченными крышами строения среднего плана. Кусочек был определяющим. Снег сразу приобрел звучание. «Дельно, - сказал Андрей Михайлович. - У Вас снег пахнет зимой».

Вскоре я ушел греться в дом. Этюд остался незавершенным, но главное все-таки намечилось. Андрей Михайлович любил повторять, что вся живопись держится на «чуть-чуть», и в этот раз подчеркнул, что в моем этюде есть эти «чуть-чуть» и посоветовал написать картину.

Я загорелся и даже придумал название картины - «Россиянка». Но первый вариант оказался неудачным. Дубровский, в мастерской которого я писал «Россиянку», довольно резко раскритиковал ее. Сдаваться не хотелось, и я начал собирать материал для работы над новой картиной. Я был уверен, что мне удастся войти в прошлое настроение и выразить состояние «зима-россиянка».

Для картины нужны были рисунки деревенских домов. Как-то осенью я бродил с альбомом по улицам Свияжского спуска. Здесь все напоминало деревню. На улицах кое-где еще сушили сено, копошились куры, а на широких досках крылечек и маленьких деревянных верандах жители чинно играли в лото.

С большим удовольствием я рисовал дома, крылечки, наличники над окнами, склонившиеся над воротами клены и березки, углы сараев, кирпичные трубы над домами. Альбом постепенно наполнился рисунками, которые в моем воображении вливались в полотно будущей «Россиянки». Некоторые наброски были сами по себе такими удачными, что я раскрасил их акварелью и гуашью.

Пришла зима, а я все еще рисовал мелкие, но такие нужные детали. Особенно мне нравилась улица Кривая Конная. Здесь когда-то стояло длинное двухэтажное общежитие барачного типа. Теперь его снесли. С места открывался прекрасный вид деревенских домиков, расположенных один над другим по склону Кривой Конной. Разноцветные крыши домов на фоне серого зимнего неба трогали душу, и я решил писать этюд. Осуществить задумку удалось лишь к весне. Мое появление на улице с этюдником и зонтом сделало меня объектом для любопытных. Первой подошла молодая женщина. Она стала расспрашивать, зачем я все это зарисовываю. С давних времен здесь царило ощущение, что на улице ничего не происходит. Жизнь идет по проложенной раз и навсегда колеи, и все, что выходит из этой колеи, - уже происшествие. А тут незнакомый человек что-то чертит, зарисовывает... На вопрос женщины я

очень обстоятельно объяснил, что город быстро строится, что уже мало остается уголков, которые связывают нас со старым Симбирском, навсегда уходит обломовская старина, остаются лишь мемориальные доски, напоминающие нам о прошлом. Но доска не дает представления о том, как люди жили раньше; беседка-ротонда, построенная в Винновской роще, ничего не говорит нам о той разрушенной беседке, где встречались Вера и Волохов. Еще я говорил, что мне жаль этой уходящей красоты, жаль разрушенных маленьких улочек с их самобытным укладом жизни.

- Значит, нас скоро будут сносить? - сделала вывод молодая женщина.

- А вот этого я не знаю. Может быть, скоро, а, может, и нет, но рано или поздно уйдет эта красота, и тогда мои рисунки станут интересными воспоминаниями.

Женщина еще постояла, рассматривая этюд, потом ушла. Минут через двадцать явился ее муж.

- Вы точно знаете, что нас будут сносить? - без предисловия осведомился он.

- Да, нет, я этого не говорил!

- Как не говорил? Мне только кто сказала жена, будто вы ей сказали, что нас сносят.

Ну, что тут было делать? Пришлось и мужу вкратце высказать свое мнение по поводу зримых памятников старины в Симбирске-Ульяновске.

Через некоторое время ко мне подбежал мальчишка.

- Дядя, мне приказали покараулить тут, чтобы никто ничего не трогал, а Вам велели зайти вот в этот дом, - он ткнул пальцем в белый дом на моем этюде.

Я поблагодарил мальчишку за приглашение, но отказался, так как должен был закончить работу.

Прошло еще часа полтора, и явилась целая компания, которая, оказывается, праздновала Пасху в том доме. Здесь были все зрители Кривой Конной. Они по-старинному, родственному встречали весну и праздновали Пасху. Долго и весьма придирчиво рассматривали жители улицы мой этюд. Воздушная, линейная и цветовая перспектива их не волновала: всем хотелось, чтобы я не упустил ни одной детали в отделке или покраске домов. Хозяйка улицы одобрила изображение своих домов и даже удивлялись, что не замечали раньше, как красива их Кривая Конная.

Последовало приглашение к обеду. Меня дружно уверяли, что ни сам ящик (этиодник), ни одна из красок не пропадут. Я верил этим незнакомым людям, но у меня осталось лишь три свободных дня, и хотелось закончить работу, поэтому я отказался от приглашения.

После ухода взрослых меня окружили ребятишки. Теперь они считали незнакомца совсем своим. Одна девчушка потребовала, чтобы на крыше я нарисовал кошку. Пришлось бросить кисти и достать альбом и фломастеры. Кошка малышке понравилась. Девочка постарше, смущаясь, спросила, могу ли я нарисовать ее саму. Я не мог ей отказать. Заглядывавший все время в альбом мальчишка заявил: «Нинка, ты такая красивая, прямо влюбиться можно!» Нинке было лет 8-9, а ее «кавалеру» лет 12. Мы подружились и хохотали, когда любительница кошек спросила: «Дядя художник, а у синего карандаша есть шляпа?» Это она хотела выяснить, есть ли у фломастера колпачек, который я куда-то засунул, и очень обрадовалась, когда я разыскал его в кармане и закрыл фломастер.

Уходить не хотелось, но становилось темно, и писать было уже невозможно. Через старый деревянный мост пошел я к себе, в ближе Засвияжье.

Еще не раз приходил я на полюбившуюся улицу, продолжая собирать материалы к картине «Россиянка». Через год картина была закончена. Не знаю, насколько она удалась, но чувства и впечатления, пережитые во время работы, я храню в своем сердце до сих пор.

В. Шустов. «Первый снег», 1980-е.

К «Россиянке» было сделано несколько этюдов: «Первый снег», «Большие снега», «Ринновка. Зима». Название же картины я взял у Николая Благова.

Зима стоит – такая россиянка!

Опять кипит невпоровот пурга.

Склонившись, как над прорубью крестьянка,

Луна полощет длинные снега.

Я не собирался иллюстрировать это прекрасное стихотворение, просто оно жило во мне, и я бесконечно повторял его строчки.

Виктор Шустов

В. Шустов. «Большие снега», 1987 г.

В. Шустов. «Ринновка. Зима», 1995 г.

В. Шустов. «Россиянка», 2000 г.

Открывая постоянную рубрику "Уходящая натура", просим читателей присылать свои мемуары для публикации. А сейчас предлагаем познакомиться с одним из устных рассказов Натальи Сергеевны Храмцовой. Превосходная рассказчица, она, к сожалению, не пишет воспоминаний, а в записи теряет прелесть живой речи, ее особые интонации. Но личность неординарная, **Наталья Храмцова** – отголосок культуры русской провинции, и каждый ее рассказ представляет интерес для земляков.

Начало пути

Мои корни в Симбирске. Отец был сыном лесопромышленника, 13-м ребенком в семье. Дед мечтал, чтобы его дети пошли по коммерческой линии, но никто особенно не стремился продолжать его дело, и лишь отец мой поступил в Петербургский политехнический институт. Но началась первая мировая война, и отец, чтобы избежать армии, перевелся в Москву, где вскоре женился. Правда, армия ему и так не грозила: выяснилось, что у него плоскостопие и близорукость. Позже он попал в Красную Армию, но и оттуда сбежал. Говорить-то хорошо умел, его, было, сунули в трибунал, но он быстро сообразил, что это такое. В конце 1919 года вернулся в Симбирск. Здесь умерла его первая жена Маруся. Оставшись с сыном, он вскоре женился на моей маме.

Мама была дочерью сельского священника. Раньше он учительствовал в Ульяновске, а когда умер его отец, священник из Шиловки, принял приход. Жена его, женщина городская, нехотя поехала в село. В Шилровке родились моя мама и две ее сестры. Учились они блестяще. Мама получила при выпуске золотую медаль и поступила на Бестужевские курсы, которые должна была закончить осенью 1917 года. Из-за Февральской революции экзамены прошли досрочно весной, и девочек выперли из Петрограда. Мама надеялась, что скоро вернется назад, оставила там альбомы и вещи, но приехать в Питер было уже не суждено. Она начала преподавать в Карсуне, но сбежала оттуда в Симбирск, когда по дороге увидела на улице убитую учительницу гимназии.

Дед-священник к тому времени умер от рака: вовремя скончался, иначе семье пришлось бы несладко: прадед-то мой тоже был священником, служил какое-то время в женском монастыре в Симбирске и даже имел награды за то, что обращал татар в православие.

В Симбирске мама и папа работали в школе-коммуне им. Карла Маркса, где воспитывались беспризорники, дети погибших белых офицеров, а вместе с ними и дети представителей партийной верхушки.

Помню голодную зиму, печка-буржуйка топится, отец торопит вставать, чтобы идти в школу, а я бурчу: "Буду спать до социального рассвета".

У отца всегда был пониженный порог страха, он много говорил лишнего, мама же, наоборот, всего слегка боялась и усердно работала, предпочитая молчать. В 1937 году отца арестовали. До этого заранее в шапку было зашито самое необходимое. Я прекрасно помню тот обыск: мне было уже 10 лет. Через три месяца отца отпустили. Вызвала меня учительница с урока и шепнула: «Беги скорее домой, твоего отца отпустили». Значит, кто-то уже увидел, кому-то сказал – город-то маленький.

Училась я до 5-го класса в 1-й начальной школе – маленькой, уютной: 110 учеников, 6 учителей. Здание расположено было в районе кинотеатра "Рассвет". Потом перешла в 1-ю среднюю и затем – в 7-ю женскую: школы разделили на мужские и женские. Женская школа сразу же превратилась в обезьянник. Меня постоянно выгоняли с уроков: слишком много задавала ненужных вопросов с эдаким максимализмом. Можно было сидеть голодной, но зато говорить: "Ой, где ты достал Есенина?" Не просто Есенина, а запрещенного "Черного человека"!

Испортила отношения с физиком, а дома было очень голодно. Решила идти в вечернюю школу. Помню, как нахально шла с портфелем по школе, когда забрала документы, а в это время одноклассники торопились на урок. Это был 1943 год. В вечерней школе было много переростков, военных. Меня там баловали, любили. В первый же день учительница литературы попросила рассказать тему, какую мы проходили в женской школе на последнем уроке, и я начала рассказывать «образ Кутузова и образ Наполеона». Все затаенно слушали.

В 10 классе пошла во 2-ю школу. Там у меня появилась любимая учительница литературы – Анна Семеновна Демокритова, к которой я до сих пор хожу на могилу. Ее муж, Николай Аркадьевич, преподавал физику в 3-й школе. Однажды он сказал об одном человеке: "Член партии и, представьте себе, впо-о-дне по-о-рядочный человек!" Он был из семьи священников, и говорил на "о".

В пединституте вела себя ужасно. Это сейчас там специалисты настоящие. А в то время даже тот, кто мог что-то дать, всего боялся. Я совсем сбесилась. Пишу работу по назывным предложениям, цитирую стихи и ставлю под ними совсем другие фамилии авторов – получаю «отлично». Таков был уровень преподавания. А вот фраза из лекции по литературе: "Лермонтовский Демон был лишен чувства коллективизма".

Подшло время госэкзаменов. Меня попытались "засыпать" на основах марксизма-ленинизма. В перерыве ко мне подошел Сафрошкин и спросил: "Кто Вам из преподавателей больше других нравится?" Зная, что все завидуют жене Коновалова (она была очень красивой), назвала ее, пояснив: "Она учит нас думать". И Сафрошкин стоял на "пятерке". А на литературе достался вопрос: "Драматургия Горького". И опять председатель комиссии начал буквально засыпать вопросами. Тут вступился (с глубочайшего похмелья) Григорий Иванович Коновалов: "Ты мне Ягора не тронь!" Это он про Булычева!

А вскоре началась работа в школе. Первое место работы – небольшая деревянная школа на ул. Островского. Вот там-то вся моя спесь и слетела, потому что не я, а меня учащиеся учили. Только что отменили раздельное обучение, и директриса школы Марианна Матвеевна соединила в одном классе дур девочек и хулиганов мальчишек. Класс достался мне. Вот это была настоящая школа жизни!

рис. А. Кузнецова

Они были первыми

Со дня восхождения автомобилей «УАЗ-469» на эльбрусский ледник прошло 30 лет. Тогда, в 1974 году, молодые парни, которые горы свернуть могли, сделали то, что до них никто не делал! Колесам их автомобилей дважды покорилась высота в 4200 метров. Никто не думал тогда о рекордах. В Книгу рекордов Гиннеса попал «Ленд Ровер», который спустя 25 лет поднялся на гору, да так там и остался.

Непосредственные участники той истории Владимир Харужа и Владимир Пьянов свой рассказ начали с поговорок: умный в гору не пойдет, умный гору обойдет.

Идея покорения Эльбруса на автомобиле «УАЗ-469» возникла у сотрудника высокогорного геофизического института Алексея Берберашвили, который специализировался на подобных рекламных трюках. Уговаривая ульяновского инженера-испытателя Гарифа Халитова принять участие в его затее, он приводил как доказательство свой опыт восьмилетней давности. На мотоцикле собственной конструкции он достиг восточной вершины Эльбруса. Халитов – человек увлекающийся и достаточно авантюрный. Так что идея поехать туда, где никто не был, пришлась ему по душе. Тем более, что гора лежала по пути к Грозному, где проводился чемпионат СССР по автомобильным гонкам. В общем, за вернули по пути, прежде преодолев расстояние 2500 километров от Ульяновска до поселка Терскол. Здесь, где кончается автомобильная дорога, команда начала готовиться к восхождению.

Владимир Харужа: Поначалу мы не отнеслись серьезно к предстоящим испытаниям и с должным уважением к горам. Одним из любимейших наших занятий было катание по снежному насту в плавках и игра в снежки. Однако надолго нас, казалось бы, молодых здоровых парней, не хватило. Разряженный горный воздух диктовал свои правила. Уже через несколько минут все начали силенить и задыхаться. В горах было необходимо соблюдать «равномерность движений», ритм. Этот первый урок преподавал местный проводник Магомет. Сам он с тяжелым грузом за спиной мог раз десять туда-сюда сходить, пока мы пыхтим.

Владимир Пьянов: Следующим уроком Магомета стали «кресты на снегу». Лыжной палкой он отмечал невидимые простому глазу трещины. Решили мы проверить познания проводника. Ударили по насту. Лед провалился. Кинули камень – получилось где-то 380 метров. С тех пор авторитет мудрого Магомета стал непоколебим.

В таких условиях работать приходилось без каких-либо специальных средств, не было ни лебедки, ни буксировочных цепей. Валуны, снежные языки и заносы расчищали лопатами и ломом. Ничего особенного не было и в машинах, на которых предстояло покорить Эльбрус. Спортивный вариант «УАЗ-469» представлял собой серийный автомобиль, только раскрашенный и с усиленной подвеской. В то время не разрешалось никаких переделок.

Вот так, вооруженные лопатами и смекалкой ульяновские гонщики начали свое контрольное восхождение.

Владимир Харужа: Когда поднимаешься на высоту более 3000 метров, становится не по себе. Альпийские луга остаются внизу, а ты оказываешься среди мрачных серых скал, окутанный туманом.

Тяжело приходилось на поворотах. Двигались сантиметр за сантиметром, чтобы вписываться в них. Не раз машина просто нависала над пропастью. 469-му нелегко было уместиться на узком пространстве между обрывом и отвесной скалой. Еще труднее было спуститься. По гравию машина шла юзом. Приходилось подкладывать под колеса камни. Однако все закончилось хорошо. Ледник был покорен.

Когда начали открывать шампанское, чтобы отметить удачное восхождение, к ульяновским парням обратилась местная спасательная служба. На высоте 3012 метров немецкий турист попал в трещину. Были необходимы срочные меры. До этого места спасателям пришлось бы добираться около 8 часов. Вот и решили попросить помощи у спортсменов.

Владимир Пьянов: Планировалось, что мы доведем спасателей только до подъема, так как ехать дальше было опасно. Подъехали до места и решили рискнуть. Если все удастся – спасем людей, а если что – ругать уже некого будет.

На подъеме санитарка спасателей закипела. Парень растерялся и начал трогаться, машина у него покатила назад. Если бы не реакция наших водителей, вполне возможно, что автомобиль оказалась бы в пропасти. Владимир Дунаев подпер своей машиной санитарку, а Владимир Харужа встал позади Дунаева. «Буханку» оттащили в безопасное место, и на 469-х добрались до места. Человек был спасен.

В дальнейшем в поселке много говорили о храбрости гонщиков. Слухи об этом дошли и до руководителя ребят Гарифа Халитова, так что им в свой адрес пришлось выслушать немало «критики» за своеволие.

В присутствии десятка журналистов был совершен официальный заезд. Включен секундомер, пошел отсчет времени. Три автомобиля «УАЗ-469» за 38 минут достигли высоты в 4200 метров.

Очень досадно нашим гонщикам было смотреть на вершину Эльбруса, которая лежала перед ними словно на ладони. Ее покорение так и осталось несбыточной мечтой. Путь к вершине преграждали трещины шириной до 40 метров.

После знаменательного восхождения были медали чемпиона СССР по автомобильным гонкам, было покорение пустынь и морей. 25 лет спустя один из трех стартовавших автомобилей «Ленд Ровер» достиг вершины Эльбруса за десять дней, а потом был сброшен в пропасть, так как спустить его вниз не представлялось возможным. Этот факт был занесен в Книгу рекордов Гиннеса. В свою очередь, наши испытатели на вопрос, как они оценивают историю своего восхождения спустя 30 лет, скромно отвечают, что на их месте это сумел бы сделать каждый.

Путешествие с Галиной Мишовой ...по России ...по жизни ...по Средиземноморью

Галина Мишова родилась в городке Медногорск Оренбургской области. Она была вторым ребенком в семье Ивана и Валентины Толстоноженко. Ее родители создали семью в трудное время на неродной земле богатого медью Урала. Сюда был сослан когда-то Иван как сын врага народа — Федора Матвеевича Толстоноженко, уроженца Воронежской губернии. В Медногорске была крайне неблагоприятная экологическая обстановка. Цветы и дети увядали здесь, не успев вырасти и расцвести. Да и взрослым жилось очень нелегко. Случайно выросший в этой мертвой почве подсолнух, увиденный Галиной в детстве, запомнился ей как великое чудо на всю жизнь.

После смерти Сталина деда реабилитировали посмертно, а семья Гали перебралась на историческую родину в зеленый Острогжск. Здесь все

Г.И. Мишова. Портрет

напоминало о талантливом и трудолюбивом дедушке Федоре — и белокаменная Ильинская церковь, которую он подражался строить в свое время, и старый добротный двухэтажный дом Толстоноженко, украшенный чудесной лепниной. В Острогжске родился великий русский художник Иван Николаевич Крамской. И здесь, на берегу речки Тихая Сосна Галина вдруг почувствовала, что в ней пробуждается дар — отличные способности к рисованию. Так семья, упав на благодатную почву, соединив в себе генетические задатки и подаренную природой энергию, пускает корни и идет в рост, пережив холодный, необходимый для развития период ожидания. Небольшая равнинная речка Тихая Сосна подпитала талант юной художницы. Тогда она еще не знала, что пройдет совсем немного времени, и уже на берегах другой

Г.И. Мишова. Речка Тихая Сосна

Г.И. Мишова. Вечер в Ховрино

реки – Великой Волги будет она реализовывать себя как художник и педагог, профессор УлГУ.

В Пензенском художественном училище Галина встретила своего суженого – Виктора Мишова. И дальше по жизни они идут вместе. Их объединяют не только простые глубокие человеческие чувства, сын Андрей, но и общая профессия, одинаковое образование – Киевский Государственный художественный институт, факультет живописи. После успешного окончания института в 1974 году семья Мишовых приехала по распределению Виктора в Ульяновск. Волжские просторы произвели на Галину огромное впечатление, пожалуй, сопоставимое только с впечатлением от работ Пластова. Вдохновленная Волгой, она пишет портреты волжан, голубоглазых и светловолосых. Но не забывает и о своей родной речке Тихой Сосне. Пейзажи, напитанные прелестью среднерусской природы, ей удаются всегда. Впрочем, не только пейзажи и портреты. Тематические картины тоже в зоне действия ее таланта. Сколько полотен побывало на выставках за долгую творческую жизнь художницы! Они объездили всю страну – Москва, Казань, Чебоксары, Горький, Волгоград, родной Острогжск.

Одна из последних выставок прошла в Ульяновском художественном музее. Причем стала семейной. Следуя традиции семьи Мишовых, сын Андрей стал художником и женился на представительнице того же цеха – Ольге Левченко. Правда, в отличие от родителей второе поколение Мишовых выбрало для учебы Московский художественный институт имени В.И. Сурикова. Кем будет их сын Владик? Кажется, у него уже нет выбора.

Г.И. Мишова. Пейзаж

О.Е. Левченко-Мишова. Полевые цветы

Последнее увлечение Владика – Египет. Интересом к этой стране древней культуры его заразила бабушка. Совершив круиз по Средиземноморью, Мишовы попытались передать все увиденное на холсте. Каждый по-своему. Яркие, карнавальные краски “итальянских” картин Виктора Мишова соседствуют со спокойными, философскими, навеянными размышлениями об истории цивилизации и смысле человеческого существования полотнами Галины Мишовой. Работы этого цикла непроизвольно ассоциируются со средиземноморскими этюдами В.Д. Поленова. Величие и загадочность древних стран, звенящее ощущение вечности, кажется, нисходят с этих картин. Однако Египет художница выделяет особо. Ее «египетские» картины не продаются. Как говорит сама Галина Ивановна, они станут семейной реликвией.

После экзотического путешествия, увидев величие Востока своими глазами, художники еще раз убедились – ничего прекраснее родной природы нет. Ее красота не только не померкла в их душах, глазах, и руках, но засверкала новыми гранями и оттенками. Все Мишовы очень разные. Манера письма Виктора энергичная, размашистая и в то же время пластичная. Ольгу отличает внимание к деталям, ювелирная отточенность, цельность, умение увидеть в неброских сюжетах тонкую красоту. Для Андрея характерна яркая и звучная палитра. И все их творческие голоса складываются вместе в Песнь любви к России, ее природе, людям.

Вячеслав Михайлов

А.В. Мишов. На реке Язуе

“Парус” Льва Бурдина

Литературная братия хорошо помнит Льва Александровича Бурдина – бессменного редактора литературного альманаха «Симбирск», руководителя поэтической студии «Парус». 8 февраля 2004 года исполнилось бы 70 лет со дня его рождения. Лев Александрович не дожил и до шестидесяти...

Лев Александрович Бурдин – красивый, статный морской офицер – не желал пользоваться правами военной отставки и посвятил себя работе с талантливой пишущей молодежью, вел занятия городского литературного объединения «Парус». С большим трудом добился финансирования нового литературного альманаха «Симбирск», который стал настоящей отдушиной для десятков начинающих и зрелых литераторов, годами ждущих публикации хоть где-нибудь. Три вышедших при жизни Л.А. Бурдина альманахов – дело его собственных рук. Четвертый вышел под редакцией Нины Николаевны Бурдиной – Лев Александрович скоропостижно скончался на 60-м году жизни.

...Зазвонил телефон, в трубке послышался звонкий женский голос: вдова Бурдина напомнила о предстоящем юбилее поэта. Смерть любимого мужа надломил ее здоровье, и вот уже несколько лет Нина Николаевна прикована к инвалидному креслу, но не утратила интереса к литературе, искусству, краеведческим новинкам и новостям культуры. Вспомнилось, как 10 лет назад, после похорон Льва Александровича, она недоумевала: «Сколько стихов знал наизусть, сколько интересных книг прочел, сколько было у него увлечений! Куда же все это делось? Неужели вместе с ним ушло в небытие?»

Нет, ничто не исчезает бесследно, и “Парус” Льва Бурдина по-прежнему несет на своих волнах молодых поэтов в большую литературу, поддерживает традиции и пылкую любовь ульяновцев к поэтическому искусству. Верится, что плыть ему долго-долго вместе с ныне существующими клубами и литературными объединениями.

В 70-летний юбилей поэта предлагаем читателям вспомнить творчество Льва Бурдина.

Барыш

Березы вдоль улиц
И сосны до крыш,
И нет геометрии строгой.
Бежит по увалам
Веселый Барыш
Над самой железной дорогой.
Сирень в палисадах
Привольно цветет,
И дети торопятся в школу
И тихая-тихая
Речка течет
По синему-синему долу.
А май синеглазый
Стоит у ворот,
И как по заказу погода,
И чинно и важно
Автобус плывет
К окраине вдоль огорода.
Глубокой провинции
Звонкая тишь,
Дороги, бегущие к нивам...
Барыш – не Париж,
А районный малыш,
И он еще в детстве
Счастливым.

“Севастопольские куранты”

отрывок из поэмы

Над бухтой проплывают облака.
Шумит внизу соленая лавина,
И город, с белизною лебединой,
Купается в потоке ветерка.
Нет, я не прав!
Летит он в небеса:
Рангоуты - фронтоны и карнизы
Развернуты, наполненные бризом,
Опять его тугие паруса.
Как дымка неподвижная светла!
Как радостна рассветная минута!
И символ славы – над широкой бухтой –
Стремительность парящего орла!
Еще не вскинул горн на мачту флага,
И неподвижны стапели и краны,
Но слышен бой разбуженных курантов,
И разводящий свой чеканит шаг.
Над бухтами мелодия летит,
Внизу лежит, как на ладони, город,
Не слышно патетического хора:
Гранит молчит...
Но сердце не молчит!

Рассвет на Волге

По-русски, широко разлит
Восход торжественный, как ода,
И долго в воздухе стоит
Гудок речного парохода.
И звучно хлопает вода,
И баржи ветром укачало,
И просочилась лебеда
Сквозь щели старого причала.
Над колокольнею стрижи,
И, словно продолженье мига,
В глубоком небе виражи
Суперстремительного МИГа.

Карамзинский сад

Недвижны прозрачные тени,
Цветы, словно выпавший снег,
Пронзительно пахнет сиренью,
Нетронутой свежестью рек.

Пора соловьиных разливов,
Которым не видно конца,
И сад, словно белое диво
На теплой ладони Венца.

Дитя неизбывного мая,
Мне душу твой вид берedit
И Муза Клио, как живая,
На город весенний глядит.

Вольные сны

Весна

И все опять рождается впервые.
И в родовой испарине земля.
Трещат скорлупки почек, как живые, -
Растет зеленокожая семья.

Прозрачным соком полнятся березы,
Из тучных лон проснувшихся дождей,
На свет прорвавшись, закричали грозы.
Прекрасны первоцветы весенних дней!

И, приобщаясь к таинству рожденья,
Росток любви затеплится в груди.
Благослови же чудо сотворенья,
Животворящий пыл не остуди.

Кому пробиться к свету очень нужно,
Весна дает живые имена.
Жизнь защищая, голосуют дружно
Из глубины тугие семена.

Эволюция

И стены они построят,
И землю поделают, и воды.
И вырастут хилые дети
На этой тоненькой пленке,
И выпьют свое молоко.

Потом это все перестроят,
Укрепят тяжелые своды.
И вырастут хилые дети
На этой тоненькой пленке
И выпьют свое молоко.

И всё они строят и строят
Там, где земля и воды.
Когда-нибудь хилые дети,
Дырку проткнув на пленке,
Допьют до конца молоко.

Парус поэта

Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы...
М.Ю. Лермонтов

И парус уплыл в края сновидений.
Недолго он был на родной стороне.
Но горечь и боль одиноких сомнений
Оставили след свой на пенной волне.

И стонет, и рвется седая пучина,
Гвоздя берега штормовою подковой.
Она все тоскует о парусе сына,
Любимого сына отчизны суровой.

Но в дни золотые, по светлой лазури,
Быть может, в морской неоглядной дали
Сверкнет его парус, мятежный от бури,
Ведь к бухте родной все плывут корабли.

рис. Е. Мысиной

Ночная муха

Оплывая, двоится луна.
От Земли до высокого Бога
В полудреме лежит тишина,
Сторожит у земного порога.

Приземленной бескрылости стон
Не тревожит застывшее ухо.
Но вползает сквозь щелочку в сон
Сумасшедше-бесстрашная муха.

Тянет кверху, стараясь вонзить
Всю себя безоглядно и смело,
Будто хочет там Господа зреть,
Обонять его белое тело.

И всосала ее тишина
Глубиною немеренных дыр.
Тает в донце земная луна,
Растекается свечечный жир.

Но, мушиную светлую суть
Заглотив темной полостью зева,
Тишина прорвалась словом «будь!»
И затукала медленно слева.

Загустела Землей, а на ней,
Распрямляя крылатые руки,
Бродит что-то в крови у людей
Вольным сном о взлетающей Мухе.

Искушение

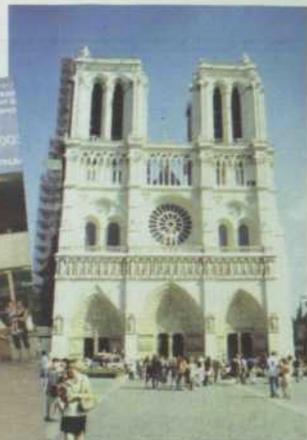
Ни рыбы, ни хлебов.
И стыд, и срам.
Зато построен фарисейству храм.
А в землю ляжешь -
Крест вобьют, как кол.
Навечно этот мир и сир, и гол!

Всевышний, для чего твой божий глаз
Роняет чистоту небесных рос?
Ведь ты здесь был, но этот мир не спас.
Молчит распятый на кресте Христос.

Яйцо Земли покрылось пеленой,
Зачатье есть, и роды впереди.
Кто там стучит за тонкой скорлупой?
Рождаться в этом мире погоди.

Здесь смерть выходит там же, где и жизнь
Несет, проделав для рожденья вход,
Слезу небесную, как гробовую слизь.
Здесь проклят грешный человеческий род.

И будет крест,
И ржавый вечный гвоздь.
Тебя распнут, о, нерожденный гость!
Две рыбы, пять хлебов
И глас Спасителя:
«Убийц не бойся, бойся Искусителя.»

Сыграйте марш - и берег Ниццы ваш!

Ансамбль барабанищ, состоящий из школьниц и студенток учебных заведений Ульяновска, в августе прошлого года побывал на Лазурном берегу во Франции. Девчонки во главе со своим руководителем Борисом Бронзовым каждый вечер с 20 по 24 августа открывали программу VI Фестиваля российского искусства в Каннах. Их путь туда был тернистым и трудным: на поезде до Минска и дальше все время на автобусе. Да и перед самой поездкой треволнений хватило. Чего только стоило раздобыть им новые белоснежные сапожки. Их-то старые за пять лет существования коллектива порядком поизносились. И немудрено. Барабанищцы выступают до 35 раз в год на различных мероприятиях городского и регионального уровня. Любят их жители Ульяновска. Даже

водители трамваев притормаживают, чтобы разглядеть необычной красоты шествие, когда красавицы маршируют по улицам. Но звезды им содействовали. И сапожки нашлись, и деньги благотворительный фонд «Губернский» на поездку выделил. И тяжелую дорогу они выдержали. Сами того не подозревая, девушки побывали в тех же местах, что и солдаты Симбирского пехотного полка и Симбирского народного ополчения в 1812 году. На их пути лежали города Белоруссии, Польши, Германии и мечта всех путешественников – Париж. Наконец, они добрались до южного побережья Франции, знаменитейших мировых курортов Канн и Ниццы. И оказалось, что Ницца, в которой они все время фестиваля и обитали – такая же близкая и уютная, как дом родной.

Преодолевая невероятную жару, едва не расплавившую их походные барабаны, стройные и красивые, они прошли в стилизованных гусарских ментиках по набережной Круазетт под средиземноморскими пальмами и покорили всех зрителей мастерством, молодостью, слаженностью движений и высокой техникой исполнения маршей. А Франция покорила их роскошными приемами, отелями, пляжами, виллами, бассейнами и всею роскошью, какую нам, пожалуй, можно увидеть разве что в бразильских сериалах. Лазурный берег подарил волжанкам новые встречи, познакомил их с участниками и организаторами фестиваля. Среди них знаменитейшие коллективы, такие как русский народный хор имени Пятницкого, музыканты мирового уровня Юрий Башмет, Виктор Третьяков, кинематографисты Никита Михалков, Алексей Демин, Александр Рогожкин, артисты Санкт-Петербургского академического Театра балета и другие. Фестиваль вдохнул в них новые надежды и мечты. Теперь в их планах освоение духовых инструментов. И дальше, если им по-прежнему будет благоволить фортуна, достижение все новых вершин и успехов.

Участницы и руководитель ансамбля барабанищ Б.П. Бронзов благодарит все организации, которые сделали возможным участие их коллектива в Фестивале, и особенно предприятие "Вис-Мос".

FESTIVAL
DE L'ART
RUSSE
CANNES
20 - 24 AOUT 2003

(выходит четыре раза в год)

Главный редактор**О. Г. Шейпак****Зам. главного редактора****С.С. Юрьев****Редакционная коллегия:**

Л.С. Янушевская

(выпускающий редактор)

О.В. Иваненкова

(художественный редактор)

В.М. Гаврилов

Н.Ю. Рачкова

И.И. Буганина

Редакционный совет:

В.Н. Егоров

(председатель)

А.Ф. Гарина

Т.Ф. Верещагина

О.Е. Бородин

В.А. Перфилов

А.П. Рассадин

Е.Н. Сергеева

Л.Н. Нецветаев

Р.Г. Азбукин

А.С. Сытин

А.В. Зинин

Учредители:Управление по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых
коммуникаций администрации
Ульяновской области;

ОГУ "Редакция "Народная газета"

Адрес редакции: 432011, Ульяновск,
а/я 9826 (пл. 100-летия В.И. Ленина, 1,
Мемцентр).

Тел: 44-19-31.

Издание зарегистрировано

Поволжским межрегиональным

территориальным управлением
(г.Самара) 06.06.02, рег. ПИ №7-1393.

Подписано в печать 12.02.04 г.

Формат 60x84 1/8;

усл. печатных листов 7, 44

Тираж 2000 экз.

Заказ № 449

Набор и верстка заказчика.

Вывод цветных фотоформ

ГУП "Печатный двор".

Печать офсетная.

Областная типография

"Печатный двор",

ул. Пушкирева, 27.

Подписной индекс 73844Подписаться на журнал "Мономах"
можно в любом отделении связи**В номере:****Опора державная**

И. Сивопляс, А. Шабалкин..

Губернатор И.С. Жиркевич 2

Поэтические дали

Венок Денису Давыдову 4

К юбилею поэта-партизана

Некоторые черты из жизни Д.В. Давыдова 3

Ж. Трофимов. Симбирские страницы 16

А. Рассадин. "Не поэт, я - партизан, казак" 20

С. Петров. Вы слух на песнь мою склоните 21

С уважением к прошлому

Ю. Украинцев. Послужить верой и правдой 10

И. Сивопляс. Славные воины Симбирска..... 13

...Войски сии заслуживают уважения 14

Т. Громова, Л. Ершова. И вечен род 22

Г. Романова. Хозяйка Верхней Мазы 26

Реликвия 27

О. Чибова. Последний приют..... 40

Наше наследие

А. Сытин. Репьевская усадьба Бестужевых 24

Д. Давыдов. Письма Н. Языкову 30

Д. Давыдов. Письма сыну 31

В. Харитонов.

И каждый день страдания 44

А. Ланцов. Пушкинист по призванию 46

В. Соколов. Прощаю и разрешаю 47

На срезе времени

С. Узбекова.

Музей Д. Давыдова в Верхней Мазе 32

Р. Азбукин. Бронзовый генерал 35

О. Шейпак. И этот край очарованья 36

В. Радаев. Прошла борьба моих страстей 38

Т. Громова. Приют любви и вольных муз 42

Г. Корсакова. Певец родного края 43

С. Петров. Симбирская диковина 48

Долг памяти

М. Телегин. Привет с фронта! 50

С. Кончев. Быль о солдате 51

Н. Добрянская. Сухарики для пленных 52

Н. Левинтов. Из поколения героев 54

Они были первыми 59

Прекрасное - рядом

В. Шустов. Зимний этюд 56

В. Михайлов. Путешествие с Г.И. Мишовой ... 60

Сыграйте марш! 64

Уходящая натура

Н. Храмова Начало пути 57

Литературный ковчег

"Парус" Льва Бурдина 62

И. Сачева. Лирика 63

Наши попечители:

